I.

М. КАРАТЕЕВЪ. БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ

В редакцию журнала
«Мосты»
для отзыва. С глубоким
уважением, автор.

М. Каратеев

1963 г. сентябрь
Аргентина.

M. KARATEEFF

LOS HEROES SE DESPERTARON

Novela histórica
de la lucha de Rusia contra
el dominio tártaro.
Siglo XIV.

PRIMER LIBRO

BUENOS AIRES
1963

Обложка работы гр. В. В. Уварова

Схемы и таблицы — В. Н. Николаева

Тираж 1.400 экз.

Издание автора

Talleres Gráficos "DORREGO", calle Dorrego 1102, Buenos Aires. T. E. 54 - 4644

М. КАРАТЕЕВ

БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ

Исторический роман из эпохи борьбы

за свержение татарского ига над Русью

КНИГА ПЕРВАЯ

БУЭНОС АЙРЕС

— 1963 —

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТЗЫВЫ об этой книге просят направлять по адресу:

Dr M. D. Karateeff

Balneario Atlántida, Dep-to Canelones

R. O. del Uruguay — S. América

ОТ АВТОРА

Выпуск настоящей книги является неожиданностью: я предполагал издать свой роман "Богатыри проснулись" целиком, в одном томе, как издал первые романы этой исторической трилогии — "Ярлык Великого Хана" и "Карач-мурза".

Но цены на типографские работы в Аргентине непрерывно растут и в ближайшем времени ожидается новое, столь значительное их повышение, при котором издание книги, объемом в пятьсот страниц, может стать для меня совершенно непосильным делом. И это заставило меня, не ожидая окончания всего романа, выпустить отдельной книгой первую его половину, уже готовую к печати. Она представляет собой вполне законченную эпопею, — также как и вторая половина этого романа, которую я рассчитываю издать в следующем году, — а потому такое разделение получает свое оправдание не только в финансовом, но и в эстетическом плане.

По поводу моих книг, один из весьма компетентных читателей пишет, что название исторических романов не вполне точно определяет их сущность, ибо это особый литературный жанр, который было бы правильней назвать "романизированной историей". Такую же мысль, но в иной формулировке, высказывают и многие другие читатели и критики.

С этим приходится согласиться, так как у меня история, действительно, преобладает над романом и ей я совершенно сознательно отдаю предпочтение, лишь

стараясь представить ее читателям в живой и увлекательной форме. И в этом отношении, настоящая моя книга в бо̀льшей степени, чем другие, является именно романизированной историей.

В ней я даю весь период освободительной борьбы русского народа, под водительством Дмитрия Донского, — с татарской Ордой. Книга изобилует почерпнутыми из летописей и документов эпохи подробностями, мало известными рядовому читателю, и фантазии в ней отведено очень немного места. Но все же я почти уверен в том, что читатель не вовсе безразличный к нашему славному прошлому, прочтет ее с не меньшим интересом, чем любой "настоящий" роман и что она не покажется ему сухой и скучной.

Уругвай, 1963 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

ГЛАВА 1.

Шестнадцатилетняя полоса почти беспрерывных внутри-русских войн закончилась в 1375 году полной победой Московского великого князя Дмитрия Ивановича. Самый сильный и самый беспокойный из его соперников, великий князь Михаил Александрович Тверской, в итоге семилетней кровавой борьбы, вынужден был смириться и признать себя "молодшим братом" московского князя; Суздальско - Нижегородские князья, также домогавшиеся верховной власти над Русью, были сломлены еще раньше; все остальные, один за другим, признали свою зависимость от Москвы и обязались служить ей. Самостоятельность сохранил один лишь великий князь Рязанский, Олег Иванович, но и он, испытав на себе силу московского оружия, сидел в своей вотчине тихо и старался ладить с могущественным соседом.

Положив, таким образом, конец изнурявшим страну усобицам и сделавшись не только по ханскому ярлыку, но и на деле великим князем всея Руси и общепризнанным главой возрождающегося Русского государства, — Дмитрий Иванович мог, наконец, приступить к тому, что почитал главной задачей своей жизни: к решительной борьбе с Ордой и свержению татарского ига.

Обстановка в татарских улусах[1]), — еще четверть века тому назад находившихся под властью единого

---

[1]) Улус — в буквальном смысле слова, есть понятие, определяющее совокупность людей, подвластных какому-либо хану или князю. Но с переходом татар к оседлой жизни, термин этот принял значение государства или удельного владения.

повелителя и представлявших собою несокрушимую силу, — за последние годы значительно изменилась и благоприятствовала планам Дмитрия: в то время, как Русь объединялась и крепла, в Орде шли кровавые междоусобия и развал. Теперь она была разделена на три независимых и враждовавших между собою ханства[1]), и тем из них, которое непосредственно соприкасалось с Русью и причиняло ей больше всего беспокойства, — от имени подставного хана Магомет-Султана, правил темник[2]) Мамай. С ним-то и предстояло Дмитрию скрестить оружие.

Мамай давно был недоволен Московским князем, не раз оказывавшим ему открытое неповиновение, и со своей стороны ждал случая, чтобы наказать его за строптивость. До сих пор ему не позволяли это сделать внутренние осложнения в самой Орде, чем Дмитрий умело пользовался. Но сроки решительного столкновения близились. Предстоящая борьба со столь грозным противником требовала предельного напряжения всех сил Русской земли и основательной подготовки, которую затрудняли великому князю бесчисленные внутренние помехи. После смирения непокорных князей, первая же из них возникла по вине новгородской вольницы. Удачно ограбив в минувшем году всё побережье Волги, она решила повторить набег, но на этот раз действовала с еще бо̀льшей дерзостью.

---

1) Первое, находившееся под властью Мамая, включало Правобережье Волги, Южно-русские степи и Крым; второе, в котором беспрерывно сменялись ханы, преимущественно из Белоордынской династии, охватывало Левобережье Волги, с городом Сараем-Берке и низовья Урала; третье — Белая Орда, — от Зауралья до среднего течения Сыр.Дарьи, где в ту пору правил Урус-хан, у которого, с помощью Тимура оспаривал власть его племянник Тохтамыш.

2) Темник — командир десятитысячного отряда, тумена, представитель высшей татарской знати. Не будучи по рождению чингизидом, Мамай, в силу укоренившегося порядка, не имел права объявить себя ханом, хотя впоследствии все же этим порядком пренебрег.

Летом 1375 года две тысячи головорезов, под водительством атаманов Прокопия и Смольянина[1]), на семидесяти больших ушкуях переволоклись в Волгу[2]) и подошли к Костроме. В городе своевременно узнали о их приближении, а потому не рассчитывая захватить его врасплох, ушкуйники высадились на несколько верст выше и подошли к нему лесом. Воевода Александр Плещей, бывший в Костроме наместником, вышел к ним навстречу с пятитысячной ратью, но новгородцы искусно обошли ее и ударив одновременно с двух сторон, разбили на голову.

Воевода Плещей бежал, бросив на произвол судьбы остатки своего войска и город, в который беспрепятственно ворвались ушкуйники. Зная, что Костроме неоткуда ждать помощи, так как князь Дмитрий Иванович со всем войском находился под Тверью, они целую неделю грабили и разоряли город, изумив своим бессмысленным варварством даже ко всему привычных современников. Летописец так повествует об этом событии:

> "и вошедше разбойници в град, разграбиша вся елико беша в нем и стояша в нем неделю целу, творяще всякия скверны и всяк товар изнесоша, что бе лучшее и легчайшее то с собой поимаша, а что тяжкое всё пометаша в Волгу, а иное пожгоша и множество народа християньского полониша, мужей и жен и детей и отроков и девиц, и взяша их с собою"[3]).

---

[1]) Вопреки укоренившемуся мнению, что подобными набегами занимались новгородские подонки, стоит отметить, что оба организатора и главаря этого набега принадлежали к боярским родам Новгорода.

[2]) Вольница на суше переволакивала свои суда — ушкуи из речной системы Волхова в волжскую, обычно между реками Мстой и Тверцой.

[3]) Московский летописный свод XV века.

Покончив с Костромой, ушкуйники пустились дальше и захватив врасплох Нижний Новгород, разграбили и его, перебили всех находившихся в городе татар, а русских жителей, сколько могли, увезли с собой. Затем ограбили Великий Булгар, — столицу Волжской Болгарии, — с которой, впрочем, обошлись значительно мягче, чем со своими русскими городами, и тут продали в рабство всех привезенных с собою костромичей и нижегородцев. Потом, опустошив низовья Камы и как всегда, уничтожая за собой все суда, плоты и причальные сооружения, — двинулись вниз по Волге, не пропуская ни одного города. Снова им удалось захватить и разграбить Сарай-Берке, но несмотря на сказочную добычу и голос благоразумия, — алчность и разбойная удаль толкали их дальше, к последнему богатому городу на Волге, — Хаджи-Тархани[1]). И только тут счастье им изменило: татарский князь Салачи хитростью заманил их в засаду и перебил всех, до последнего человека.

Этот случай послужил хорошим уроком новгородской вольнице, которая в те годы сделалась подлинным проклятием всего Поволжья. За пятнадцать предшествовавших лет ,она совершила по Волге восемь крупных грабительских походов, во время которых не раз опустошала все лежавшие на ее пути города, даже такие крупные как Ярославль, Нижний Новгород, Булгар, Укек и самый Сарай — столицу великих ханов. Но после избиения под Хаджи-Тарханью, столь дерзкие набеги больше никогда не повторялись.

Этот последний поход ушкуйников, оставивший по себе наиболее печальную память, хотя и дорого обошелся Руси, всё же имел для нее и положительную сторону: наделав хлопот татарам, он помешал им воспользоваться тем, что московское войско стояло под Тверью, и совершить нападение на русские земли, к которому Мамай в этом году готовился.

События, разыгравшиеся в Орде, связали Мамаю

---

1) Хаджи-Тархань — нынешняя Астрахань.

руки и в следующем году, что позволило Дмитрию значительно окрепнуть и хорошо организовать нелегкое дело быстрого сбора воинских сил. В отношении с подчиненными ему князьями был строго определен порядок, согласно которому каждый теперь знал — в какой срок и какой численности войско он должен выставить по требованию великого князя. Знал и последний — на что́ он может расчитывать, а это давало ему возможность, в случае надобности, в короткий срок и в нужном месте сосредоточить сильную рать.

Крупным событием, также избавившим Дмитрия Ивановича от постоянно висевшей над Москвой угрозы, явилась смерть литовского великого князя Ольгерда, — одного из самых опасных врагов Московской Руси. Умер он в начале 1377 года и русские летописи повествуют об этом в следующих, не лишенных исторического и бытового интереса выражениях:

> "умре князь великый Ольгерд Гедиминовичь Литовьский, зловерный, безбожный и нечестивый, и седе по нём на великом княжении сын его молодший Ягайло, того бо возлюби Ольгерд паче всех прочих сынов своих и умирая ему приказа старейшинство. Сам Ольгерд такоже не един сын у отца своего беша, но всю братью свою превзойде владостью и саном, понеже пива и мёду не пиаше, ни вина ни квасу кислого и оттого великоумство и воздержание собе приобрете и крепкий разум. И таковым промыслом и коварством мнози страны и земли воева и многи грады и княжения поимал за себя и удержа власть велику, яко же ни един от братьи его, ни отец, ни дед не имал"[1]).

Того, что удалось на Руси Дмитрию Ивановичу, а в Литве Ольгерду, — никак не мог добиться Мамай, также стремившийся объединить под своей властью распавшуюся на уделы и раздираемую усобицами Золотую Орду. На правом берегу Волги он утвердился

---

[1]) Троицкая летопись.

крепко и тут никто из местных князей и ханов уже не осмеливался с ним соперничать. Но, несмотря на все его усилия, Левобережье попрежнему оставалось в руках белоордынских чингизидов, которые продолжали между собой кровавую борьбу за Сарай, хотя ни один из них, захватив престол, не имел силы на нем удержаться дольше нескольких месяцев. По смерти Айбек-хана, он последовательно побывал в руках Араб-шаха, Хаджи-Черкеса и Каган-бека, после чего им снова завладел Араб-шах. Но не надолго: в **1376** году к городу подступил с большим войском сам Урус, великий хан Белой Орды, также старавшийся объединить под своей властью весь бывший улус Джучи[1]).

Понимая, что ему не устоять против столь сильного противника, Араб-шах, — о котором и русские и восточные летописи отзываются как об отличном полководце, — уклонился от сражения и с верными ему туменами ушел в Заволжские степи, после чего Урус-хан утвердился в Сарае. И это снова расстроило все планы Мамая, который был уже готов к походу на Русь. Он понимал, что если без промедления не сокрушить крепнущую силу Московского князя, то последний через несколько лет полностью выйдет из подчинения Орде: Дмитрий уже и сейчас постоянно нарушал требованья Мамая и почти не присылал ему дани. Но теперь, когда самый грозный враг, без всяких потерь овладевший Сараем, оказался в непосредственной близости и каждый день мог обрушиться на него, — Мамаю волей-неволей пришлось на время позабыть о Руси и думать лишь о той опасности, которая нависла над ним самим.

Это положение сейчас же учёл князь Дмитрий и умело им воспользовался: весною **1377** года он отправил лучшего своего воеводу, князя Боброка-Волынско-

---

[1]) Удел, доставшийся при разделе империи Чингиз-хана его старшему сыну Джучи-хану. Он включал все территории, занимаемые позже Золотой и Белой Ордой, — от Енисея до Днепра, в него входили также Туркестан, Хорезм, Закавказье, Кавказ и Крым.

го, в поход на волжских болгар, подчинявшихся Мамаю. В помощь ему выступило также ополчение Суздальско-Нижегородских князей.

Когда русское войско подступило к Булгару, защитники города вышли ему навстречу и сражение произошло под самыми стенами болгарской столицы. В течение последних лет трижды ставшая легкой добычей новгородских ушкуйников, теперь она была хорошо защищена: по нападающим со стен ударили пушки; в войске у болгар, кроме обычных луков, оказались и ружья-самопалы. Однако, русские впервые встретившиеся здесь с применением огнестрельного оружия, не убоялись и победа осталась за ними[1]). Болгарский князь Асан просил мира и получил его, согласившись принять назначенных Москвой "даругу"[2]) и таможенника. Сверх того, его обязали уплатить три тысячи рублей в казну великого князя Дмитрия и две тысячи — воеводам и войску, чтобы не грабили города.

Этот поход, по существу, был уже открытым вызовом Мамаю и прямым наступлением на Орду, которое князь Дмитрий предпринял с целью захвата важных для Москвы стратегических и торговых позиций в татарском Поволжьи. Цель эта в значительной мере была им достигнута, но развить свой успех глубже он пока не мог, так как обстановка в Орде снова изменилась, и на этот раз в пользу Мамая: воспользовавшись отсутствием Урус-хана, царевич Тохтамыш, при поддержке Тимура, сделал попытку захватить власть в Белой Орде и хотя на этот раз потерпел в том неудачу, — Урус-хан всё же счел за лучшее, оставив в Са-

---

[1]) Стоит сравнить это с результатами знаменитой битвы при Кресси, где семидесятитысячная французская армия была наголову разбита вчетверо меньшим по численности отрядом англичан, впервые применивших против французов огнестрельное оружие.

[2]) Даруга — татарское слово, означающее то же, что и баскак: высший уполномоченный победителя в завоёванной стране. В данном случае подразумевается, вероятно, московский наместник.

рае наместника, возвратиться с главными силами в свою столицу Сыгнак[1]).

Но, кроме Мамая, в Орде находились и другие охотники пограбить русские земли: летом 1377 года, в Москве было получено известие, что царевич Араб-шах, с несколькими туменами войска, переправился через Волгу и стоит в мордовских лесах, готовясь к набегу на Русь.

Дмитрий Иванович, во главе большого войска, тотчас же пришел в Нижний Новгород, чтобы на рубежах русской земли дать отпор врагу. Но простояв там более месяца и видя что нет никаких подтверждений тревожным слухам, он со своими главными силами возвратился в Москву. На всякий случай он все же оставил на подступах к Нижнему сильный заслон, состоявший из войска Суздальско-Нижегородских князей и вспомогательных ополчений от смежных княжеств, пришедших сюда по приказу Дмитрия.

К концу июля, вся эта рать стала лагерем на реке Пьяне, близь мордовских рубежей, попрежнему не имея точных сведений о том, где находится Араб-шах.

ГЛАВА 2.

"И посла князь Дмитрей Костянтиновичь Суждальскый сына своего, князя Ивана да князя Семена Михаиловича, а с ними воеводы и вои многы и бысть рать их велика зело. И приидоше за реку за Пьяну и тут оплошишеся, оружие и доспехи поскладоша, а ездют порты свое с плечь спустив и петли растегав, бо бе в то время знойно. А вельможи и воеводы ловы деюще и утеху си творящи, мняше аки дома и мёд или пиво испиваху без меры, поистине за Пьяною пьяны..."

Троицкая летопись

Слухи о походе Московского князя против Араб-

[1]) Город Сыгнак, столица Белой Орды, стоял на реке Сыр-Дарье, приблизительно в пятистах верстах от Аральского моря.

шаха, под Нижний, побежали по всей Руси, — как водится, обрастая по мере удаления от очага событий, всё бо̀льшими преувеличениями и домыслами. До далекого Звенигородского княжества[1]) они дошли уже в совершенно искаженном виде: будто бы великий князь Дмитрий Иванович кликнул долгожданный клич и ныне, по его призыву, вся православная Русь встаёт против татар. А сбор войска на реке Пьяне.

Услышав эту весть, князь Федор Андреевич Звенигородский заволновался. Его не удивило то, что к нему не было из Москвы гонца: прямого призыва он ждать оттуда не мог, ибо его, как князя не подчиненного Дмитрию, все эти дела, строго говоря, не касались и он мог спокойно оставаться от них в стороне. Под владычеством Литвы он чувствовал себя не плохо: княжество его лежало вдали от приграничных областей и иных беспокойных мест, обычно служивших аренами войны; к тому же, оно было невелико и каки-ми-либо обременительными повинностями или обложениями ему не докучали. А всякие усобицы великий князь Ольгерд Гедиминович в своем государстве давно вывел.

По рождению Федор Андреевич был полу-литовцем и близким родственником Ольгерда[2]), а потому его ничуть не тяготило подчинение Литве и до пятидесяти семи лет он дожил спокойно и внешне и внутренне, находясь в добром здоровье и в полном ладу, как с Ольгердом, так и со своей собственной совестью. Но с недавнего времени всё это изменилось: он терпеть не мог двуличного и ненавидевшего Русь Ягайлу, по смерти Ольгерда объявленного литовским великим князем, и с нарастающей день ото дня силой, сам начал ощущать себя русским.

---

[1]) Это княжество было прежде уделом Карачевского, а потом, вместе с последним, перешло под власть Литвы.

[2]) Его матерью была литовская княжна Елена Гимонтовна, двоюродная сестра Ольгерда.

Мысли его всё настойчивей обращались теперь к Москве и если бы его княжество с нею граничило, он без колебаний поцеловал бы крест Дмитрию, вместо того, чтобы подчиняться Ягайле.

"Но ведь через Карачевское либо Новосильское княжество не перескочишь, — размышлял он, — а они покуда остаются под Литвой. Старая лиса Святослав Титович Карачевский, вестимо, под нею и схочет остаться, ибо боится что Дмитрей Иванович сгонит его с княжения и посадит в Карачеве дружка своего, Василёва сына от татарской княжны, которому и по совести и по закону там надлежит княжить. Ну, а Новосильский князь Юрий Романович — кто знает? Надо бы с ним по сердцу потолковать, — может, вместе и перешли бы под руку Московского князя. По всему видать, Дмитрей Иванович государь настоящий, Русь такого давно ждала... Да он, поди, и сам наших земель долго под Литвою не оставит".

Находясь в таком настроении, Федор Андреевич, — едва лишь услышал что Дмитрий поднимается на татар, — сразу решил, что пришло время и ему послужить Руси.

"То еще и лучше, что меня не звали, — думал он: — сам приду, по своей доброй воле и стану о бок с братьями, чтобы никто не сказал, что в грозный для Руси час, Звенигородский князь оставался почивать в своей вотчине, хотя и мог. А на Ягайлу — тьфу!"

Наскоро собрав ополчение из двух тысяч воев, он тотчас же выступил в поход, наказав старшему сыну своему Александру, не мешкая, собрать еще столько и вести их, следом за ним, на реку Пьяну.

Второго августа, по-полудни, князь Федор со своим полком благополучно прибыл на мордовский рубеж, к месту расположения русского войска и был немало удивлен тем, что здесь увидел: на огромной поляне, с трех сторон окруженной лесом, а сзади омываемой рекой, в беспорядке было разбросано множество шалашей и шатров; возле них дымились костры, а в промежутках стояли телеги, с грудами наваленного на них

оружия и деспехов. День был знойный, — полуголые люди бродили меж шатрами, спали, растянувшись в тени деревьев или, сидя кучками в холодке, бражничали и орали песни; река и берег были полны купающимися, — там стоял такой крик и гогот, что подъезжая к лагерю, Федор Андреевич услышал его за много верст. Все это весьма мало походило на воинскую стоянку, а скорее напоминало табор мирных кочевников, менее всего помышляющих о возможной встрече с противником.

"Ну и дела, — брезгливо подумал князь Федор. — Не ждал я увидеть такое в войске у князя Дмитрея! Ведь ежели налетят татары, тут никто и оружия своего сыскать не успеет, как всех посекут. Хоть бы уж стан свой поставили на том берегу, под защитой реки, а то нет, — вылезли на вражью сторону да и поразомлели, ровно свиньи в болоте!"

Между тем, к голове зненигородского отряда, остановившегося на берегу реки, начали отовсюду стекаться любопытные, пошли обычные приветствия и расспросы. Предоставив отвечать на них своим дружинникам, Федор Андреевич спросил у одного из подошедших боярских детей[1]) — где стоит шатер великого князя Дмитрия?

— Князя великого Дмитрея Ивановича с нами нету, — ответил боярский сын. — Он еще из Нижнего воротился в Москву. А набольшими воеводами у нас князь Иван Дмитриевич Суждальский, да родич его князь Семен Михайлович.

— Стало быть, это не московская рать тут стоит? — с облегчением спросил князь Федор.

— Вестимо, нет! Рать это суждальско-нижегородская, да еще с нами полки: владимирский, переяславский, юрьевский да муромский. Сила такая, что, небось, на три Арапши[2]) хватит, не то что на одного, — хва-

---

[1]) Детьми боярскими называли тогда служилых дворян.

[2]) Арапшей называли на Руси царевича Араб-шаха.

стливо добавил боярский сын, бывший уже в заметном подпитии. — А москве тут и делать неча!

— Так вы, значит, не на Мамая вышли?

— Нет, княже. Мы тут поставлены заслоном против царевича Арапши. Он со своею ордой ныне сбирался напасть на Нижний, да видно, прознавши про нашу силу, поджал хвост. А Мамай что? — Дай срок, мы и Мамаю себя покажем!

— Ну, добро, — промолвил Федор Андреевич, досадуя на себя за то, что не проверив полученных слухов, пришел сюда по пустому делу, — доколе еще ты покажешь себя Мамаю, покажи-ка мне шатер князя Ивана Дмитриевича.

— Шатер показать недолго, только князя Ивана Дмитриевича в сей час нету: он, с самого ранья, выехал со своими боярами на олений гон. Тута оленей прòпасть, но близко к стану их, вестимо, пораспужали, надобно теперь отъезжать подале. Должно, к вечеру ловцы воротятся.

— Так... А кто же тут покуда за старшого?

— Князь Семен Михайлович. К нему, коли хочешь, сведу.

— Сведи, будь ласков.

В шатре у князя Семена дым стоял коромыслом: тут шла веселая пирушка. Сам хозяин и с ним человек десять бояр и воевод, сидели на скамьях и чурбаках вокруг уставленного яствами и питиями стола и, видимо, давно предавались чревоугодию: почти все были без кафтанов, лица у многих побагровели, разговор то и дело прерывался раскатами пьяного смеха; вокруг стола, на полу, всюду валялись обглоданные кости и пустые баклаги.

На вошедшего князя Федора сперва никто не обратил внимания и только когда он подошел вплотную к столу, все разом смолкли и с удивлением уставились на его богатырскую фигуру.

— Хлеб да соль, — промолвил Федор Андреевич. — Жалею, что помешал вашему веселию: надобно мне видеть князя Семена Михайловича.

— Вот я сам, — отозвался коренастый человек лет сорока, с холеной рыжей бородой, сидевший напротив входа. — А ты что, гонцом ко мне, что-ли? От кого?

— Нешто так уже я похож на гонца?

— Клянусь Богом, не похож нимало! А коли ты не гонец, то должно быть, сам Святогор[1]), вставший из земли чтобы помочь нам побить татар!

— Теперь ты угадал наполовину, — усмехнулся князь Федор: — я и вправду пришел помочь вам побить татар. Только не Святогор я, а князь Федор Звенигородский.

— Князь Федор Андреевич?! Из Литвы? — воскликнул удивленный Семен Михайлович. — Не обессудь, для Бога, никогда прежде не доводилось мне тебя видеть, потому и не признал. А слыхал о тебе немало. Какая же судьба привела тебя в этот край и как ты нашел наш стан?

— Принесли нам весть, будто по призыву Московского великого князя вся Русь ныне сбирается здесь, чтобы ударить на Орду. Ну, пришел и я, со своим полком, да вот вижу тут совсем иное. А стан ваш найти немудрено: такой в нем крик стоит, что за десяток верст слыхать.

— А мы ни от кого и не таимся! Не как тати ночные, а как честные воины стали мы здесь, чтобы не допустить в русские земли разбойника Арапшу. И что ни больше будем шуметь, — сильнее он нас станет бояться! Вот он, хотя и не шумит, а мы, небось, всё о нем знаем: стоит он ныне на Волчьих Водах, верст будет полтораста отсюда, а дальше ни-ни! Потому от скуки и коротаем время как можем... Да ты, сделай милость, садись вот сюда, — захлопотал князь Семен, расчищая гостю место рядом с собой. — Откушай и повеселись с нами, за трапезой и побеседуем!

— Благодарствую, княже, как-нибудь иным разом. А сейчас мне недосуг: люди мои стоят еще на походе и ждут, что я им скажу.

---

[1]) Святогор — былинный великан-богатырь, погрузившийся в землю при попытке поднять непомерную тяжесть.

— Сегодня воскресенье, день праздничный, — заплетающимся языком сказал один из сидевших за столом. — Сам Господь назначил его для отдыха и для веселия .А люди что? Прикажи им также пить да веселиться!

— Так вот, Семен Михайлович, — продолжал князь Федор, даже не взглянув на того, кто это сказал, — привел я с собою две тысячи воев, а следом за мною, сын мой ведёт еще столько. И ты мне толком скажи: коли все же думаете вы биться с Арапшей, я с вами останусь и пособлю. А коли нет, — поведу своих людей в обрат.

— Вестимо, с Арапшей будем биться! Ежели он сюда не придет, мы на него невдолге и сами ударим. А за то, что хочешь ты с нами послужить Руси, спаси тебя Христос, княже!

— Добро. Так, может, укажешь, где нам стан свой поставить?

— Да станови где тебе любо! На поляне-то тесновато, а по берегу, — что вверх, что вниз, — места непочатый край. Да ты, Федор Андреевич, все же хоть чарочку-то выпей с дороги!

— Не обессудь, Семен Михайлович, а до битвы пить не стану: я не бражничать сюда приехал, а постоять за Святую Русь. Да и вы бы остереглись пить-то: ежели, чего недоброго, подойдут тихомолком татары, сам понимаешь, что будет.

— Где им подойти! — засмеялся князь Семен. — Арапша нас боится, как черт креста. Ну, а кроме того, свели мы тут дружбу с мордовскими князьками и они нас тотчас упредят ,ежели он с места стронется.

— А не пить нам тоже не можно, — снова промолвил тот же боярин: — в такой зной и капуста без поливки засохнет, не то что живой человек!

— Да и то сказать, — добавил другой: — нешто мы виновны, что нас в такое место поставили? Тут даже река Пьяна, так чего уж с нас, грешных, спрашивать!

За столом раздался взрыв хохота, а князь Семен, как бы извиняясь, сказал:

— Так уж у нас повелось, Федор Андреевич: мы с князем Иваном Дмитриевичем побились об заклад —

кто возьмет больше оленей. И вот, один день он, с десятью своими боярами, выезжает на лов, а я, стало-быть, в этот день, со своим десятком пью. Ну, а завтра он будет пить, а мы поедем на лов. Эдак и чередуемся. Так что сам видишь: река-то всегда пьяна, а мы лишь через день!

Снова все дружно захохотали, а князь Федор, негодуя в душе, слегка поклонился хозяину и не глядя на остальных, вышел из шатра.

"Тоже воинство! — думал он, возвращаясь к своему полку. — Коли этот татарин Арапша не был бы вовсе дурак, он, с силою даже втрое меньшей, давно бы их всех как курчат порезал!"

ГЛАВА 3.

"Тое же лета 6885[1]) Андреяна Звенигородского сын, князь Федор, побил татар многих. Бе же тот князь Федор Звенигородский телом велик зело и храбр на супостаты, и крепость и силу многу имея".

Никоновская летопись

Князь Федор выбрал место для своей стоянки в полуверстве от главного лагеря, возле ближайшего брода через реку Пьяну. Воочию убедившись в опасном легкомыслии суздальско-нижегородских воевод и в распущенности их войска, он сразу понял сколь важное значение имеет охрана этого единственного пути отхода, и решил взять ее на себя.

Разбивши здесь свой стан, он распорядился окружить его кольцом сдвинутых вплотную телег, оставив лишь неширокий проход в сторону суздальцев, а воинам своим приказал: половине находиться в боевой готовности, а другой половине отдыхать, но не отлучаясь из лагеря и с оружием под рукой. Почти всех своих коней он велел перегнать на левый берег, где пастбище

---

1) 1377 год христианской эры.

было лучше и где они находились в полной безопасности.

В разгар этих приготовлений, часа в четыре пополудни, со стороны большой поляны вдруг донесся взрыв неистовых криков. Обеспокоенный Федор Андреевич тотчас отправил туда одного из своих дружинников, узнать что случилось, но выслушав донесение посланного, только досадливо плюнул: оказывается, это возвратился с охоты князь Иван Дмитриевич и объявил, что дюжину затравленных оленей дарит войску, которое приветствовало его удачу и щедрость восторженными криками.

Солнце уже близилось к закату, когда лагерь звенигородцев был, наконец, устроен и князь Федор решил, что теперь можно помыться и отдохнуть. Выйдя из своего шатра, он кликнул ближайшего воина, чтобы помог ему снять кольчугу, но в этот миг со стороны суздальского стана снова послышались дикие крики.

"Должно-быть, еще какой-то пьяница воевода воротился с гулянки, — подумал было Федор Андреевич, но сейчас же понял, что это другое: леденящие душу вопли, быстро приближаясь и нарастая в силе, неслись из лесу, с разных сторон, не оставляя сомнений в том, что это татары.

Как после выяснилось, Араб-шах через своих лазутчиков был отлично осведомлен о царящей в русском войске беспечности и решил ею воспользоваться. Те самые мордовские князья, на которых так надеялись суздальские воеводы, тайными тропами подвели татар к лесному селу Шилар, находившемуся в нескольких верстах от русского лагеря. Здесь Араб-шах разделил свою орду на пять отдельных отрядов, из которых четыре внезапно обрушились с разных сторон на русский стан. Пятому было приказано захватить брод через Пьяну и частично перейти на другой берег, чтобы там перехватывать спасающихся вплавь. И если бы не случайное появление здесь звенигородского полка и не предусмотрительность князя Федора, из всего русского войска в этот день едва ли спасся бы хоть один человек.

В большом лагере, где все были уверены, что татары находятся за полтораста верст, их внезапное нападение было ошеломляющей неожиданностью. И то, что тут произошло, трудно даже назвать битвой: это было жуткое побоище. Почти никто не успел еще опомниться и привести себя в относительную боевую готовность, как татарские всадники, с устрашающими воплями, опрокидывая шатры, круша и топча всё на своем пути, ворвались уже в самую середину русского стана.

Полупьяный князь Семен Михайлович, вместе со своими собутыльниками выскочивший из шатра, потрясая саблей и ругаясь страшными словами, тщетно призывал воинов к порядку и к оружию, — на него никто не обращал внимания. Только две-три сотни сохранивших присутствие духа людей, полуодетых и вооруженных первым, что подвернулось под руку, сосредоточились возле княжьего шатра, готовые защищаться.

Остальными овладела неудержимая паника и все они, не помышляя о сопротивлении, беспорядочными толпами бросились к реке, надеясь за нею найти спасение. Благодаря тому, что звенигородский полк, сохранивший полный порядок, стойко защищал переправу, всем первым, прибежавшим сюда с большой поляны, удалось воспользоваться бродом и перебраться на ту сторону. Но татары очень скоро обратили на это внимание и без труда отрезали брод и оборонявших его звенигородцев от главного лагеря, где продолжалось избиение обезумевших и никем не руководимых людей, которыми теперь владела одна единственная мысль: прорваться к берегу и уйти вплавь через реку.

Пьяна в этом месте была не шире двадцати сажень и если бы переправа происходила в порядке, едва-ли тут мог бы погибнуть хоть один человек. Но сейчас на берегу шла невообразимая сумятица: в реку стихийно вливалась лавина конных и пеших людей, из которых каждый думал лишь о своем собственном спасении, по телам затоптанных и утопающих стремясь вырваться из этого страшного живого месива. Из каждых десяти,

бросившихся в реку, только двоим или троим удавалось достигнуть противоположного берега, — остальные, не добравшись и до середины, шли на дно.

Одним из первых нашел бесславную смерть во взмученных водах реки Пьяны сам набольший воевода, князь Иван Дмитриевич Суздальский. Даже не попытавшись, по примеру князя Семена Михайловича, вдохнуть в своих воинов мужество и наладить какое-то сопротивление татарам, он вскочил на коня и окруженный боярами, устремился к берегу, который в этом месте был довольно крут. В реку ринулись все разом, с ходу, не глядя на то, что вода здесь уже кишела плывущими и тонущими людьми. Кто-то из задавленных ими воинов, утопая, успел полоснуть одну из боярских лошадей ножем. Раненное и смертельно перепуганное животное, повернув обратно, стало биться и опрокидывать других. В одно мгновение все сгрудились в общий, яростно барахтающийся клубок, на который с берега наваливались новые беглецы, увеличивая смертоносный хаос. Сам князь и многие из его приближенных, не зная еще как обернется дело, прежде чем выскочить из шатров, успели надеть кольчуги, которые теперь безжалостно влекли их на дно.

Через полчаса в суздальском стане всё было кончено. Только князь Семен Михайлович, с горсточкой собранных им боеспособных людей, храбро защищался в самом центре лагеря. Здесь все понимали, что ни отбиться, ни отойти у них нет никакой надежды, но знали и то, что пощады от татар не будет, а потому дрались до последнего вздоха и умирали с честью. На открытом месте, окруженные со всех сторон, русские воины, один за другим, падали под градом стрел и копий. Князь Семен и несколько воевод, бывшие в доспехах, продержались дольше других, но в конце-концов и они все были перебиты.

***

По иному развивались события у брода, где стоял звенигородский полк. Здесь не было заметно расте-

рянности и все мужественно сражались, повинуясь руководящей воле князя Федора, который сохранял полное хладнокровие и всегда во-время оказывался там, где натиск татар особенно усиливался и люди его начинали сдавать.

Благодаря тому, что отряд, посланный Араб-шахом для овладения бродом, подошел сюда на несколько минут позже, чем другие напали на суздальский лагерь, — звенигородцы успели приготовиться и налетевших ордынцев встретили дождем стрел и сулиц[1]). Федор Андреевич приказал целить не во всадников, а в коней и это распоряжение сразу себя оправдало: раненные лошади падали на землю, некоторые начинали метаться, внося расстройство в ряды татар. Это настолько ослабило стремительность первого, самого страшного натиска, что доскакав до ограды из телег, всадники не смогли взять ее с налету и поражаемые в упор русскими стрелами и копьями, вынуждены были отхлынуть.

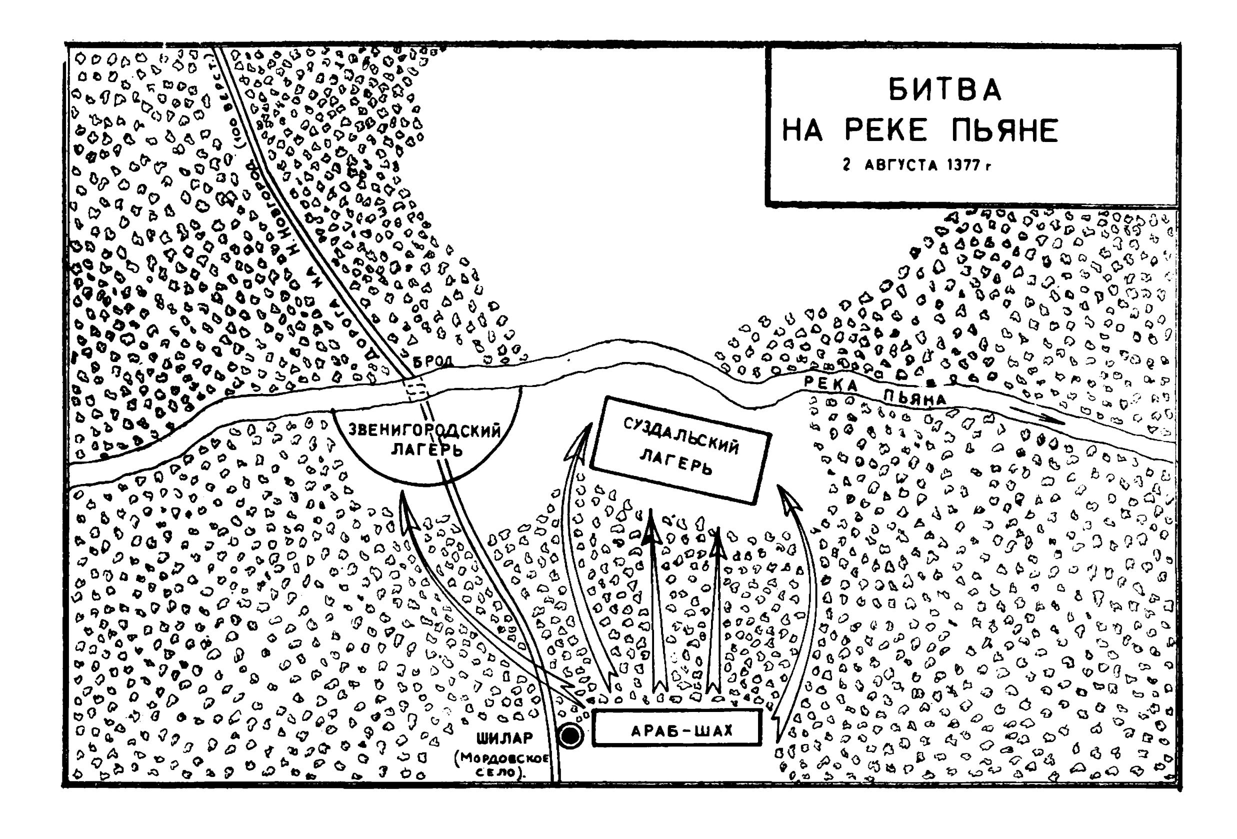
Только один из них, видимо начальник, — желая увлечь остальных, а может быть, просто зарвавшись, на быстром как птица коне подлетел к телегам и с победным криком перемахнул через них в русский стан. Но никто не последовал его примеру и минуту спустя смельчак пал, пронзенный несколькими копьями сразу.

— За коня ему спасибо, — промолвил подошедший сюда князь Федор, — такого не вдруг найдешь. Ну, а сам он тут вовсе не надобен! — с этими словами он поднял тело татарина, с которого один из воинов только-что снял кольчугу и взмахнув им над головой, перебросил обратно через телеги. Федор Андреевич сделал это с умыслом: богатырская сила русского воеводы произвела должное впечатление и на его собственных людей, и на татар, ободрив первых и внушив страх вторым.

В течение получаса звенигородцы держались стойко. Татары, окружив их слабое укрепление полукольцом, засыпàли его стрелами, но защищенные телегами

---

1) Сулица — дротик, метательное копье.


БИТВА
НА РЕКЕ ПЬЯНЕ
2 АВГУСТА 1377 г
ДОРОГА НА Н. НОВГОРОД (100 ВЕРСТ.)
БРОД
РЕКА ПЬЯНА
ЗВЕНИГОРОДСКИЙ ЛАГЕРЬ
СУЗДАЛЬСКИЙ ЛАГЕРЬ
ШИЛАР (Мордовское село).
АРАБ-ШАХ

воины несли мало потерь и в свою очередь метко били из-за укрытий по осаждающим. Дважды ордынцы с устрашающим воем бросались на приступ, но оба раза были отбиты.

Федор Андреевич хорошо видел что происходит в стане у соседей и понимал, что как бы храбро ни сражались его собственные воины, — им не устоять, когда татары управятся с суздальцами и перебросят сюда все свои силы. Но он решил, пока в том будет надобность, любой ценой удерживать брод, чтобы дать возможность отойти за реку всем уцелевшим от разгрома. По-началу эта мера себя оправдывала и тысячи две муромцев и владимирцев, стоявших ближе к броду, успели перейти на другой берег, прежде чем татары отрезали этот путь. Но когда это случилось, — не оставалось уже ничего иного, как постараться отойти за реку самим. Приняв такое решение, князь Федор не медля подозвал старшего из своих воевод, боярина Елизарова.

— Бери тысячу человек, Осип Матвеевич, — сказал он, — и уходи с ними на тот берег, а я покуда с другой тысячью вас прикрою. За рекою времени не теряй: сразу начинай ловить беглецов. Если будет нужно, для острастки одному-другому ссеки головы, но остатних приведи в разум и возьми под свое начало. Коли татары за нами погонятся, надобно будет с ними еще биться. Ну, с Богом, а невдолге и я за тобой!

Едва начался отход, татары, разом со всех сторон, бросились на приступ, который, однако, был отбит, хотя и с немалыми потерями для звенигородцев. Как только тысяча Елизарова благополучно перешла на другой берег, князь Федор подозвал второго воеводу и приказал ему увести за реку еще пятьсот человек, взявши с собою и всех раненых.

Теперь, для прикрытия отхода, на правом берегу Пьяны с Федором Андреевичем осталось не более трех сотен людей, тогда как к татарам все время подходили новые силы со стороны главного лагеря, где последние очаги сопротивления были уже подавлены. Сам Араб-шах, взбешенный тем, что целый тумен его вой-

ска до сих пор не сумел справиться с русским отрядом, впятеро меньшим по численности, тоже прискакал сюда и спешив две тысячи своих воинов, бросил их на приступ, пообещав казнить всякого, кто повернет назад покуда хоть один из русских не положит оружия.

Отразить этот приступ оставшимся тут звенигородцам было явно не по силам: протяженность укрепленной линии, рассчитанная на две тысячи защитников, для трехсот была слишком велика, а суживать огороженный телегами круг под страшным натиском татар не было ни времени, ни возможности. Не прошло и нескольких минут, как ордынцы с торжествующим ревом облепили телеги, растаскивая их в стороны или перепрыгивая через них в русский стан.

Видя, что линия его обороны пала и что татары сейчас всею массою хлынут внутрь, князь Федор быстро отвел всех уцелевших к самой реке. Здесь, прикрывши брод плотным полукольцом из сотни воинов, с выставленными вперед копьями, а во втором ряду поставив сотню лучников, он приказал третьей сотне переходить на левый берег.

Несколько десятков человек, с небольшими потерями от уже долетавших до них вражеских стрел, успели совершить переправу. Но на шедших позади, внезапно обрушились татарские всадники, которым Арабшах приказал броситься прямо в воду, чуть выше стоявших на берегу защитников брода. В одно мгновение все, кто еще находился в реке, были перерублены, а оставшиеся на берегу — окружены. Ни вырваться из этого окружения, ни победить в десятки раз превосходящего по численности противника у горсточки звенигородцев не было никакой надежды. Всё, что им теперь оставалось, это подороже продать свои жизни и достойно принять смерть.

— Бросай оружые! — по-русски крикнул, выезжая вперед, один из приближенных Араб-шаха. — Вам всё один конэц, а тот кто сдался, тому хан дает жизнь!

— Погоди, — отозвался князь Федор, — сейчас я тебе дам ответ. — И обратившись к своим воинам, ска-

зал: — Братья! Все слышали, что говорит татарин? Тому не верьте! Покладём мы оружие и они нас всё одно перебьют. А ежели кого и пощадят, так в рабстве у них быть — хуже смерти. Лучше умрем, как честные воины и не посрамим перед погаными своего христианского имени!

— Как ты, так и мы, княже, — раздались голоса. — Рабами быть не хотим! Не положим сраму на Русскую землю! С тобою ляжем костьми!

— Аминь, — сказал Федор Андреевич. — Будем же биться до конца и нету здесь боле ни князя, ни господ, ни смердов, а токмо воины Божьи, взыскующие славной кончины. Кому согрешил — простите и да помянет нас Русь в своих молитвах!

— Эй, рус! — нетерпеливо крикнул ожидавший ответа татарин. — Что я сказать хану?

— Скажи, что ежели даст нам, с оружием в руках, перейти на тот берег, мы уйдем, — ответил князь Федор. — А нет, будем биться и живыми вам в руки не дадимся!

Когда Араб-шаху перевели слова русского князя, он гневно хлопнул себя нагайкой по сапогу и крикнул:

— Вперед! Перебить всех до последнего!

***

Наступила заключительная фаза кровавых событий этого памятного в русской истории дня. И хотя итогом битвы на реке Пьяне было жестокое поражение, на которое обрекла русскую рать преступная беспечность нескольких воевод, — благодаря доблести звенигородцев и их князя Федора Андреевича, слава русского оружия в этот день не померкла.

Две сотни смертников, ставши в круг, грудью встретили бурный натиск ордынцев, каждый из которых хотел отличиться перед ханом и потому не жалел себя. Звенигородцы тоже сражались с отчаяньем обреченных, — прежде чем пасть, всякий из них успевал положить не одного противника. Но силы были слишком неравны и круговой строй русских был сразу разорван.

Всё теперь перемешалось, враг был повсюду и люди князя Федора, разделенные на отдельные кучки, от-

бивались на все стороны, не сходя с места, покуда их не настигала смерть. Поверженные на землю раненые, пока еще оставалось немного сил и не добивала их татарская сабля, ползали среди сражающихся, хватая за ноги врагов, чтобы хоть этим помочь тем из своих, кто еще бился; те, у кого ломалось оружие, продолжали драться как могли, били противника ногами или, схватившись в обнимку, валили его наземь, стараясь задушить или разорвать ему рот руками. Никто не просил и не давал пощады, каждый знал, что пришел его смертный час и думал лишь о том, чтобы умереть не даром.

Самая злая сеча шла возле той группы бойцов, где сражался князь Федор Андреевич. Его исполинская фигура, в кольчуге и шлеме-шишаке, на две головы возвышалась над другими, — татары уже знали, что это русский князь и душа столь жестокого сопротивления, а потому все свои усилия направили на то, чтобы с ним скорее покончить. Но это было нелегко: тяжелый меч князя Федора, — в полтора раза длиннее обычных, — был в непрестанном движении и разил насмерть всех, до кого мог достать. Не прошло и нескольких минут, а вокруг него земля уже была усеяна трупами татар, сам же он оставался невредим.

— Пятьдесят коней тому, кто его убьет! — крикнул Араб-шах, видя, что никто из ордынцев больше не отваживается приблизиться к русскому князю на расстояние удара.

Побуждаемые возможностью отличиться и получить такую щедрую награду, человек десять, с саблями в руках, сразу бросились на князя Федора, сзади защищенного десятком своих воинов. В воздухе сверкнула молния меча и две не успевшие пригнуться татарские головы отскочили от туловищ. Видя, что страшный меч поднимается для нового кругового взмаха, часть нападающих шарахнулась назад, но двое остались на месте. Один из них, мужчина почти такого же сложения, как князь Федор, понадеявшись отбить удар, закрылся своей саблей, но она переломилась как

сухая ветвь, а мгновение спустя и сам ее владелец был разрублен от плеча до пояса. Другой татарин, тем временем, изловчившись метнулся вперед и успел ударить Федора Андреевича саблей по шее, расчитывая попасть под свисавшую со шлема кольчужную сеть. Но удар был нанесен слишком поспешно и не причинив князю Федору вреда, стоил татарину жизни: с размозженной головой он опрокинулся на безжизненные тела товарищей. Видя, что остальные, стоя в нескольких шагах, о чем-то меж собой совещаются и не зная что они затевают, Федор Андреевич, до сих пор не сходивший с места, сам теперь бросился вперед и успел положить двоих, прежде чем уцелевшие кинулись наутёк.

Возвращаясь на свое место, он быстро окинул взглядом поле сражения. Его людей оставалось уже совсем мало: только в двух или в трех местах, спинами друг к другу, стояло еще несколько русских воинов, из последних сил отбиваясь от ордынцев.

Возле князя в живых оставалось пятеро. Одного из них Федор Андреевич хорошо знал: это был звенигородский кузнец Митяйка, мужик лет сорока, славившийся своей медвежьей силой. Ростом он был ниже князя на добрых поларшина но в плечах едва ли не шире. На него не налезала ни одна кольчуга и он вышел в поход в доспехе своего собственного изготовления. Это была длинная, почти до колен, кожаная рубаха, сверху донизу обшитая всевозможным железным хламом: тут были и сломанные подковы и старые болты, и куски колесных ободьев и все прочие виды металлических отбросов, которыми была богата Митяйкина кузница. Весило это сооружение не мало и таскать его на себе обычному бойцу было бы не под силу, но кузнец, казалось, нисколько не был обременен такою тяжестью и знатно работал мечом: по количеству лежащих вокруг него татарских тел, он смело мог потягаться со своим князем.

— Держишься, Митяй? — участливо спросил Федор Андреевич, смазывая ладонью кровь с лица. Рубанувший его татарин, все же задел ему щеку, чего в пылу схватки он и не заметил.

— Стою, княже! Господь пособляет, да и доспех хорош, — сверкнул Митяйка белыми зубами. — Кажись, еще и не ранен.

Федор Андреевич хотел сказать что-то еще, но в этот миг на них снова со всех сторон набросились татары. Теперь многие из них действовали копьями, — чему раньше препятствовала царившая на поле битвы теснота, — и это значительно ухудшило положение оборонявшихся. Но мечи князя Федора и Митяя поспевали всюду и творили чудеса: перерубали древки копий, сносили головы, распластывали тела... И татары еще раз отхлынули.

Князь перевел дух и огляделся. Солнце только-что зашло, охватывая почти пол-неба пламенем заката, будто бы в померкнувшей от скорби небесной синеве разом отразилась вся кровь, пролитая сегодня на земле. Всё поле было усеяно трупами и взор Федора Андреевича с удовлетворением отметил, что татарских было много больше, чем русских. Но живых и сражавшихся звенигородцев уже нигде не было видно. За спиною князя стоял теперь один Митяй.

— Что, княже, кажись мы последними остались? — спросил он, тяжко дыша и тоже озираясь вокруг.

— Будто так... Всё христианство полегло, подходит и наш черед. Но, пока Господь не призвал, будем биться еще. Пусть басурманы покрепче запомнят нынешний день!

— Вестимо, княже! Только, ежели мы останемся стоять на месте, одни средь поля, они нас копьями и стрелами враз забьют. Давай лучше сами на них ударим!

— То и я думал. Ну, Митяюшка, брат мой во Христе и во брани, прощаться не будем: вместе идем к престолу Божьему. А теперь вперед, за Святую Русь!

И два русских богатыря, — князь и кузнец, — глянув на небо и перекрестившись, бок-о-бок бросились на вражье войско.

Татары, стоявшие впереди и ждавшие, что эти двое, видя гибель всех своих товарищей, положат оружие,

— подались теперь назад с возгласами суеверного ужаса: может быть это вовсе не люди, а свирепые джины[1]), против которых оружие человека бессильно? Но сзади что-то яростно кричал Араб-шах, напирали другие понукаемые им бойцы и минуту спустя вокруг русских витязей, врубившихся в самую гущу врагов, сомкнулось плотное, сверкающее десятками стальных клинков кольцо, из которого выход был только в смерть.

Но, казалось, она сегодня решительно отдавала предпочтение татарам: немало их еще полегло под русскими мечами, прежде чем одному удалось сзади перерубить Митяю ногу. Кузнец не упал, а лишь сел на землю и еще успел достать своим смертоносным мечом первого подскочившего к нему ордынца, прежде чем второй вогнал ему под лопатку копье.

— Отхожу к Господу, княже, — из последних сил выкрикнул он, обливаясь кровью и падая на бок.

— Иди с миром и со славою, брат, сейчас и я за тобой, — промолвил князь Федор на мгновение обернувшись к умирающему. — Но прежде того, еще за тебя отомщу! — и разя вкруговую своим страшным мечом, он свалил нескольких человек, заставив остальных отпрянуть.

— Брось меч и я отпущу тебя! — крикнул Араб-шах, выезжая вперед. Каменное сердце этого маленького и тщедушного на вид азиата, прославившегося своей неумолимой жестокостью, сегодня впервые ощущало нечто похожее на жалость. Ему никогда не случалось видеть такого совершенного сочетания силы духа с телесной силой. — Уходи за реку, к своим!

— Нет, хан! — твердо ответил Федор Андреевич. — Все мои братья здесь полегли и никто не принял пощады. Тут и я лягу!

— Ну, так умри! — со смесью досады и сожаления промолвил Араб-шах. — Чего стоите? Кончайте его, дети шайтана! — закричал он на своих воинов.

Как стая собак на матерого медведя набросились ордынцы на Звенигородского князя, уже утомленного

---

1) Джины — духи.

долгим боем и слабеющего от полученных ран. Но он еще постоял за себя: первому наскочившему татарину снес пол черепа, у второго отлетела отрубленная рука, вместе с зажатой в ней саблей. Но в это время брошенное кем-то копье сбило с князя Федора шлем и кровь, хлынувшая из рассченного лба, залила ему лицо и глаза.

Почти ничего не видя сквозь темнеющую красную пелену, он еще махал мечом, чувствуя что удары его не падают впустую. Но вот, словно многоцветная молния, расколов этот мрак, на голову его обрушился страшный удар, — со звоном и грохотом мрак снова сомкнулся и выронив меч Федор Андреевич упал навзнич.

— Это был не человек, а шайтан! — промолвил один из окружавших Араб-шаха темников.

— Это был настоящий человек и великий воин, — стказал Араб-шах. — Жаль, что Аллах захотел, чтобы он родился русским, а не татарином. А теперь объявите бойцам, что до восхода луны они могут готовить себе пищу и отдыхать. Потом мы выступим и будем идти всю ночь: путь на Нижний открыт и нам надо прийти туда раньше, чем русские вышлют новое войско.

***

Около полуночи, когда татары ушли, из-за реки возвратились на поле сражения спасшиеся звенигородцы, чтобы подобрать своих раненых и порохонить убитых.

Они сразу нашли Федора Андреевича. Он был страшно изранен, но еще дышал. Случившийся в отряде знахарь, осмотрев его раны и оказав первую помощь, сказал, что князь, может-быть и выживет.

Оставить его здесь было негде, путь до Звенигорода был далек и труден, а потому боярин Елизаров принял решение везти его в Москву.

ГЛАВА 4.

"Татарове же приидоша к Новугороду к Нижнему месяца августа в пятый день, в середу..."

Троицкая летопись

Три дня спустя, орда Араб-шаха подошла к Нижнему Новгороду. Тут только накануне вечером узнали о страшном поражении русской рати на реке Пьяне и татар так скоро не ожидали. Войска в городе почти не было, к тому же молва изрядно преувеличивала силы Араб-шаха, а потому о сопротивлении никто не помышлял. Князь Дмитрий Константинович с семьей и приближенными бежал в Суздаль; из жителей, те кто побогаче, на судах ушли по Волге в Городец, иные успели попрятаться, а остальных ворвавшиеся в город татары частью перебили, частью забрали в плен.

Татары грабили Нижний два дня, затем предали его огню[1]) и ушли, уведя с собою огромный полон. Опустошая по пути нижегородские городки и селения, Араб-шах незаметно приблизился к рязанским рубежам, затем стремительно двинулся вперед и неожиданно для всех появился под стенами Рязани. Великий князь Олег Иванович, находившийся в городе с небольшими силами, храбро защищался, но яростного приступа ордынцев отбить не смог и сам, будучи жестоко израненным, едва спасся от плена. А татары, разграбив его столицу, ушли за Волгу.

Но на Нижегородскую землю сейчас же обрушилась новая беда: зная, что после разгрома на Пьяне, она осталась без войска и без защиты, вслед за татарами на нее напала мордва, грабя и разоряя всё, что еще уцелело.

Однако в своих расчетах мордовцы ошиблись: против них тотчас выступил Городецкий князь Борис Константинович и отогнал во-свояси. Два месяца спустя,

---

[1]) Летописец отмечает, что при этом пожаре сгорело 32 церкви, причем город выгорел далеко не весь. Это дает представление, о величине Нижнего Новгорода в XIV столетии.

возмущенные как этим набегом, так и предательством на реке Пьяне, русские князья решили жестоко покарать мордву. На нее обрушилось вновь собранное нижегородское войско, в помощь которому великий князь Дмитрий Иванович послал и московский отряд, под начальством воеводы Федора Свибла. Вся мордовская земля была опустошена, не успевших попрятаться по лесам жителей перебили, а некоторых захватили в плен и пригнавши в Нижний Новгород, тут секли плетьми, травили на льду собаками и казнили[1]).

Тело утонувшего князя Ивана Дмитриевича еще осенью было найдено и привезено в Нижний. Отец и братья, желая представить его героем, с честью павшим в неравной борьбе с татарами, устроили ему небывало торжественные похороны. Но по рассказам спасшихся воинов, в народе знали правду и не слишком таясь говорили, что черного кобеля, — хоть живого, хоть мертвого, — сколько ни мой, он от того белым не станет, и что такому воеводе оставаться бы на дне Пьяной реки, а не покоиться в Спасском храме, рядом со всеми любимым дедом своим, князем Константином Васильевичем.

***

Князь Федор Андреевич долго находился в пути: боясь, что он умрет от тряски в телеге, звенигородцы почти всю дорогу несли его на носилках. Помимо нескольких не опасных для жизни ран, последний полученный им сабельный удар был страшен, и для человека не столь могучего сложения оказался бы смертельным. Но внутренние силы князя Федора боролись со смертью с таким же упорством, с каким сам он дрался с татарами. До Москвы его довезли живым, хотя и в состоянии полного беспамятства.

---

[1]) Троицкая летопись так повествует об этом: "землю мордовскую повоеваша всю и сёла и погосты их и зимницы пограбиша, а самих посекоша, всю землю их пусту сотвориша, а множество живых полониша и приведоша их в Нов-Город и казниша их казнью смертной и травиша их псы на лёду, на Волзе".

Здесь уже знали все подробности битвы на Пьяне и готовились принять его как героя. Сам великий князь Дмитрий Иванович со многими боярами выехал к нему навстречу, но Федор Андреевич никого не узнавал и даже, казалось, никого не видел, хотя временами и открывал глаза.

По настоянию митрополита Алексея, его положили в Чудовом монастыре, где святитель лично отслужил молебен о его выздоровлении и бдительно следил за тем, чтобы ему был обеспечен самый заботливый уход.

К концу сентября жизнь князя Федора уже находилась вне опасности. К нему возвратились память и дар речи, но он был слеп.

* * *

Владыка Алексей в эту осень недомогал. В августе ему минуло восемьдесят пять и годы сказывались: он почти вовсе потерял сон, с трудом и неохотой принимал пищу, а в сырые дни мучительные боли в суставах приковывали его к постели.

Но мысль работала ясно. Бессонными ночами, длинными, как вереница прожитых дней, он думал о прошлом и неторопливо подводил итоги своего земного бытия, ибо хорошо понимал, что означает этот свинцовый холод, несмотря на меховую полость и жарко натопленную печь, рождающийся где-то внутри и будто ледяным чехлом одевающий кости. Но близящейся смерти не страшился, потому что крепко верил в то, что земная жизнь лишь преддверие жизни вечной и лучшей.

В тот день, когда ему доложили, что князь Федор уже достаточно окреп и начал говорить, святитель чувствовал себя сносно и тотчас отправился навестить раненого. Тяжело опираясь на посох и часто останавливаясь по пути, чтобы передохнуть, он добрёл до кельи, где лежал страшно исхудавший, обросший бородой Федор Андреевич, и опустился у его ложа в поставленное тут кресло.

— Ну, вот, княже, — слабым голосом промолвил он, — Господь услышал наши молитвы и отвёл от тебя смерть... Теперь поправишься и еще послужишь Руси.

Будь здрав на долгие годы и прими мое благословение!

— Это ты, владыка, отче Алексей? — с трудом поворачивая к нему перевязанную голову спросил князь Федор. Он уже знал, где находится, а потому, хотя и не видел своего посетителя, сразу догадался, кто он. — Спаси тебя Христос за заботу твою и за всё... Знаю: посекли меня басурманы на-смерть и без молитвы твоей святой мне бы наверное не жить.

— Не меня, а Господа возблагодари, Федор Андреевич. Видать, угодил ты Ему безмерной доблестью, с которой постоял за Святую Русь.

— Стоял, как мог, владыка... Да что толку-то? Побили нас татары.

— Не твоя в том вина, Федор Андреевич. Не оплошай другие князья, была бы наша победа. Но благодарение тебе и людям твоим, — спасена от сраму русская честь и многие наши воины избежали смерти либо полона. Орду же мы всё одно одолеем и день тот близок. Долга была ночь над Русью, но уж она на исходе. Я, может, не доживу, ты же рассвет своими глазами увидишь.

— Нет, владыка, — горько усмехнулся князь Федор, — своими глазами я уж навряд что увижу...

— Почто так?

— Ослеп я... и как помыслю о том, что жить мне отныне в вечной тьме, так и не рад, что жив остался.

— Не ропщи на Бога, Федор Андреевич, а лучше молись Ему, — строго промолвил митрополит. — Всё в Его власти. Он возвратил тебе жизнь, возвратит и зрение, коли с верою о том просить станешь.

— Я ли не молюсь, владыка? Только кто я, чтобы Господь по молитве моей сотворил чудо? Вот ты за меня помолись, отче святый! — с надеждой в голосе воскликнул князь Федор. — Твоя молитва беспременно дойдет до Бога! Ведь прозрела же по слову твоему татарская ханша!

— Буду молиться, сыне, и верю — Господь меня услышит. Но и ты помоги в том: очистись душою от греха и кривды, и обещай небесному Отцу нашему,

что ежели явит Он тебе свою великую милость, то и ты всегда будешь справедлив и милостив к просящему.

— Обещаю и клянусь в том, владыка!

— Аминь. А теперь, коли не утомила тебя наша беседа, ты мне вот что скажи: не у тебя ли духовная грамота[1]) деда твоего, князя Мстислава Михайловича, хранившаяся в роду Карачевских князей, а после, будто, попавшая в руки родителя твоего покойного?

— Не у меня она, отче, но знаю где: как оставил ее батюшка покойный в Покровском нашем монастыре, так она там и досе лежит.

— И никто тебя о ней не спрашивал?

—Годов тому с десяток, приезжал ее искать родич мой, сын князя Василея Пантелеевича, убивца моего отца.

— Почто же ты не отдал ему? Ведь та грамота ему надлежит по всей правде.

— Али ты его знаешь, владыка?

— Знаю. Он к тебе с моего благословения ездил.

— Если бы он мне о том сказал, может, было бы иное... А то я подумал: приведёт он татар и учнёт отнимать свой удел у князя Святослава Титовича, — снова весь край наш займётся огнем и кровью. Ну и не дал...

— Он бы того не сделал, Федор Андреевич, — не таков человек. Я его добре знаю и вот что тебе скажу: забыть бы вам вражду отцов ваших и жить в дружбе, — ведь вы близкая родня, оба славные витязи, сердцем и мыслями чистые... Ты, коли вдругораз сведёт вас случай, прими его как брата и тем угодишь Господу.

— С радостью так сделаю, владыка! Он мне самому приглянулся тогда, да как вспомнил дела отцов наших, вот и не дал душе-то раскрыться.

— Ну, ничего, сыне, еще, Бог даст, встретитесь. А грамоту мне пришли, как вернешься домой.

— И прежде пришлю, владыка, коли ты того хочешь. Завтра боярин мой едет в вестями в Звенигород, вот я ему и накажу, чтобы ту грамоту с первым же гонцом выслали.

---

[1]) Духовная грамота — завещание.

— Добро, Федор Андреевич, тем очистишься от скверны, хотя и невольной... Ну, а теперь я пойду, ты же отдыхай и поправляйся! Стану о тебе молиться и ты молись. И верь крепко, ибо только по вере твоей будет тебе дано. Коли не усомнишься, получишь исцеление.

— Если ты это говоришь, отче святый, верю, что так будет!

**
*

Прошло еще три недели. Здоровье князя Федора медленно, но неуклонно поправлялось. Он уже мог вставать с постели и с помощью кого-либо из приставленных к нему иноков спускаться в сад и совершать небольшие прогулки.

А однажды, проснувшись после крепкого сна, он открыл глаза и еще не осознав мыслию того, что случилось, почувствовал в окружающем его мире мрака какую-то странную перемену: ему показалось, что мрак этот не всюду одинаково густ.

С замиранием сердца, боясь поверить себе, он медленно повернул голову и отчетливо увидел будто прорубленный во тьме светлый квадрат окна, сквозь который вливались в келью неяркие лучи утреннего солнца.

Потрясенный Федор Андреевич долго глядел на это белеющее во мраке отверстие в мир солнца и красок, и ему казалось, что ничего прекраснее он никогда не видел и не увидит. Потом закрыл затуманенные слезами глаза и погрузился в горячую молитву.

Месяц спустя, передавая митрополиту привезенную из Звенигорода грамоту, князь Федор видел уже настолько хорошо, что без труда различал черты лица своего собеседника и мог навсегда запечатлеть их в памяти.

А к Рождеству он был уже настолько крепок, что покинул Москву и возвратился домой.

ГЛАВА 5.

Двенадцатого февраля 1378 года умер в Москве митрополит Алексей. Преемником своим он намечал радонежского игумена Сергия, к тому времени уже широко прославившегося не только своим подвижничеством, но и глубоким пониманием тех государственных идей, которым служил и покойный митрополит.

Преподобный Сергий (в миру Варфоломей), справедливо почитающийся одним из столпов русского православия, родился в 1314 году, в семье обедневших ростовских бояр. Он с юных лет почувствовал призвание к религиозному подвижничеству: ему не было и двадцати одного года, когда он покинул мир и вместе со старшим братом своим, Стефаном, основал в радонежском бору, на берегу реки Кончуры, небольшую обитель, названную Троицкой, где два года спустя он принял иночество, а позже и сан игумена.

Устав молодой обители, в отличие от большинства русских монастырей того времени, был строг и даже суров. Она во всем терпела нужду, но слава ее быстро росла. Сюда начали стекаться монахи, стремившиеся к подвигу, за ними потянулись паломники; крестьяне, сперва окрестные, а потом и из дальних земель, стали приходить в обитель за помощью и утешением в несчастьях и болезнях, многие из них оседали поблизости на свободных землях и оставались тут навсегда. О святости жизни и мудрости игумена Сергия заговорили в самых отдаленных уголках Русской земли, за советом и наставлением стали приезжать к нему бояре и даже князья, которые привозили щедрые пожертвования. И как следствие всего этого, небольшая Троицкая обитель вскоре превратилась в крупный и почитаемый всею Русью монастырь.

Русский человек любит подвиг и, как никто другой, на него способен. Подвижников, украсивших своими именами православные святцы, Русь знает немало и Сергий, вероятно, был далеко не самым строгим из них. Но в веках обессмертило его имя и сделало его самым

чтимым из русских святых, несомненно, то, что свою славу подвижника и всенародную популярность он использовал в глубоко патриотических целях. С великим подвигом сокрушения татарского владычества над Русью, имя святого Сергия Радонежского в духовном плане связано столь же неразрывно, как имя Дмитрия Донского в плане военном.

Сергий хорошо понимал, что самым тяжким несчастием Руси была ее раздробленность на уделы, порождающая бесконечные внутренние войны, и что доколе это зло не будет изжито, нельзя рассчитывать на освобождение от татарского ига. А потому всю силу приобретенного им авторитета и тот исключительный дар слова и убеждения, который отмечают в нем все современники, — он отдал делу объединения Руси под властью Дмитрия Московского, единственного из русских князей мыслившего в государственном масштабе и, по своим личным качествам, способного такое объединение осуществить. И во многих случаях проникновенное слово Сергия Радонежского оказывалось сильнее оружия и делало кровопролитие ненужным: примиряя между собой враждующих князей, он не одного из них убедил добровольно подчиниться Дмитрию. Именно таким образом, без всякой войны, было присоединено к Москве обширное княжество Ростовское, а позже Сергий убедил и Суздальско-Нижегородских князей отказаться от борьбы с Дмитрием и признать его верховную власть.

Сергий был живым олицетворением совести и чаяний возрождающейся Руси и истинным вдохновителем тех духовных сдвигов, которые вывели ее на великодержавный путь, оправданный всем дальнейшим ходом истории.

В силу всего этого, умирающий митрополит Алексей видел в лице Сергия наиболее достойного преемника, которому надлежало теперь возглавить русскую Церковь, чего хотел и великий князь Дмитрий Иванович, глубоко почитавший радонежского игумена. Посвящение его в митрополиты не могло встретить ни-

каких возражений и со стороны вселенского патриарха, который очень высоко ценил Сергия и уже раньше прислал ему в награду наперсный крест и особую грамоту со своим патриаршим благословением.

Однако Сергий, по скромности своей, от столь высокого сана, несмотря на все уговоры, отказался и видя его непреклонность, князь Дмитрий решил просить патриарха о поставлении в московские митрополиты своего духовника, архимандрита Митяя. Но едва Митяй, — еще не получив посвящения, — временно вступил в управление русской Церковью, в Москву явился, в сопровождении пышной свиты, митрополит Киприан, — дотоле находившийся в Киеве и возглавлявший православную Церковь в великом княжестве Литовском.

Следует пояснить, что до четырнадцатого столетия, в каноническом отношении все русские земли представляли собой единую митрополию, глава которой был, таким образом, первоиерархом всей восточно-славянской православной Церкви. Первоначально он пребывал в Киеве и назывался митрополитом Киевским и всея Руси; но с перенесением великокняжеской столицы на север, митрополичья кафедра также была перенесена сначала во Владимир, а потом в Москву. Естественно, это делало митрополита ближайшим сотрудником Московских князей и чрезвычайно возвышало значение и власть последних. Достаточно вспомнить, что когда Псков отказался выдать Ивану Калите его врага, великого князя Александра Михайловича Тверского, весьма любимого псковичами, — митрополит Феогност отлучил всё Псковское княжество от Церкви и тем принудил его подчиниться воле Московского князя.

Разумеется, такое положение очень не нравилось некоторым князьям, соперничавшим с Москвой и не желавшим находиться от нее в какой-либо зависимости. А потому те из них, которые были достаточно влиятельны и богаты, усиленно добивались учреждения в своих княжествах отдельных, независимых от Москвы митрополий.

Впервые в этом преуспел, в 1301 году, великий князь Юрий Львович Галицкий, внук короля Даниила

Романовича. Но как следствие сильного противодействия Москвы, — галицкая митрополия не приобрела особого значения и в течение четырнадцатого столетия неоднократно упразднялась.

Великий князь литовский Ольгерд Гедиминович, объединивший под своей властью всю Западную и Южную Русь, и сам исповедывавший православие[1]), тоже домогался церковной независимости от Москвы. В 1355 году, послав вселенскому патриарху Филофею богатейшие дары, он достиг своей цели: на Литву был поставлен митрополитом грек Роман, с местопребыванием в Киеве.

Однако границы и юрисдикции митрополий не были точно определены и это повело к бесчисленным столкновения и неполадкам между митрополитами московским и киевским. В возникшей борьбе победа осталась за Москвой и десять лет спустя, литовская митрополия была упразднена. Но Ольгерд не хотел сдаваться и безрезультатно испробовав для восстановления своей митрополии все обычные средства, в конце концов прибег к крайности: заявил вселенскому патриарху, что если его ходатайство не будет удовлетворено, он перейдет в католичество и подчинит литовскую Церковь Риму. Это подействовало: в 1375 году в Киев был поставлен митрополитом болгарин Киприан[2]).

В Москве это событие было воспринято с легко понятным неудовольствием, которое перешло в открытое негодование, когда Киприан, — человек властолюбивый и, к тому же, научаемый Ольгердом, — едва утвердившись в Киеве, потребовал подчинения себе и московской миртополии, на том основании, что он, как иерарх занимающий первую учрежденную на Руси, киевскую кафедру, является старшим из митрополитов, а

---

[1]) Православное имя Ольгерда было Александр.

[2]) Киприан был родом из города Тырново, столицы Болгарии. Но Болгария тогда находилась под властью сербов, таким образом вопрос о национальности Киприана остается спорным. Некоторые историки считают его сербом.

следовательно, главой всей русской Церкви. Великий князь Дмитрий Иванович, со свойственной ему решительностью, эти притязания отклонил и Киприану ответил:

"есть у нас митрополит Алексей, патриархом поставленный и всею Русью чтимый, а ты почто ставишься на живого митрополита?"

Киприан вынужден был остаться в Киеве, управляя делами литовской митрополии, но его домогательства настолько возмутили Дмитрия, что когда, после смерти Алексея, он явился в Москву, — его не впустили даже в город и под конвоем препроводили на границу Литвы.

После этого[1]) Дмитрий Иванович сейчас же отправил архимандрита Митяя в Константинополь, для посвящения в митрополиты. Но Митяй по дороге умер. Тогда, находившийся в его свите переяславский архимандрит Пимен, воспользовавшись пустым бланком с великокняжеской печатью, — который был дан Митяю на всякий случай, — вписал в него своё имя и, прибыв в Константинополь, получил от патриарха митрополичий сан. Троицкая летопись в таких словах повествует об этом событии:

> ..."Пимен же, съзирая ризницу и казну Митяеву, обрете хартию имущу печять князя великаго, а писания неимущу. И подумав с думцами своими и написа грамоту на тои хартии, сице глаголющу: — от великаго князя руського к царю и к патриарху: послал есмь к вам мужа честна архимарита Пимена, поставьте ми его в митрополиты, того бо единого избрах на Русь и паче того никого не обретох".

Впрочем, у Пимена дело прошло не очень гладко: византийский император Иоанн Пятый и патриарх Нил заподозрили что-то неладное и настаивали на том, что

---

[1]) Чтобы дать читателям законченное представление о церковных делах эпохи, здесь автор несколько опережает общий ход своего повествования.

московским митрополитом должен быть Киприан. Пимена даже схватили и "много истязаша и распытоваше его и сущих с ним". Но он, как гласит летопись, "именем князя великого позаимоваше много серебра в рост от фрягов и бесерменов", и подарки сделали свое дело: он получил сан митрополита.

Однако великий князь Дмитрий Иванович, разгневанный этим подлогом, принять Пимена в качестве главы русской Церкви наотрез отказался и предпочел пригласить в Москву Киприана, так как хорошо понимал, что третьего митрополита патриарх на Русь не поставит.

Посланные им люди, во главе с боярином Иваном Драницей, встретили Пимена на границе Московского княжества. Тут с него сняли белый митрополичий клобук, а затем отвезли в ссылку, в городок Чухлому.

Киприан прибыл в Москву в мае 1381 года. Предав забвению прошлое, Дмитрий Иванович повелел встретить его с подобающим почетом и с колокольным звоном.

ГЛАВА 6.

...."И тогда серебро мечей приняло цвет блестящего рубина, головы бойцов заплясали под пение стрел и копий, а сердца их начали рвать одежды своего земного бытия. Сам Тохтамыш-хан с трудом спас свою жизнь из водоворота битвы".

Из персидской летописи

В Белой орде, где верховная власть до сих пор передавалась в порядке законной преемственности, положение было гораздо лучше, чем в Золотой: она почти не страдала от ханских усобиц и сохраняла свое единство. Великий хан Урус был силен, правил твердой рукой и казалось, что власть его незыблема. Сам он не сомневался в том, что сумеет распространить ее и на Золотую Орду, разрозненную и ослабленную междоусобиями. Овладеть Левобережьем Волги ему удалось

без особого труда и в 1376 году, утвердившись в Сарае, он уже готовился к решительной схватке со своим последним и самым серьезным противником — Мамаем, когда над ним самим неожиданно сгустились грозовые тучи.

В лице своего племянника, царевича Тохтамыша, он имел непримиримого врага[1]), но сам по себе этот враг был настолько слаб и незначителен, что для Урус-хана не представлял опасности. Однако, Тохтамыш сумел удачно воспользоваться обстановкой, сложившейся в Средней Азии и, спасаясь от Урус-хана, — вместе со своим двоюродным братом, царевичем Карач-мурзой, бежал в Самарканд, надеясь на помощь и покровительство Тимура[2]), который к этому времени овладел уже всем Мавераннахром[3]) и располагал очень крупными силами.

В своих расчетах Тохтамыш не ошибся: Тимур, наметивший обширный план завоеваний, хорошо видел, что в его осуществлении может ему помешать только Белая Орда, если она будет находиться в руках воинственного и враждебного ему повелителя. Урус-хан был именно таковым и это сковывало действия Тимура, который, опасаясь удара в спину ,вынужден был пока ограничиваться сравнительно мелкими завоеваниями и короткими походами.

Он как раз находился в одном из таких походов, когда ему доложили, что в поисках покровительства, в Самарканд прибыл татарский царевич Тохтамыш, бежавший от преследований Урус-хана. "Железный Хромец", обладавший незаурядным умом и неменьшей прозорливостью, сразу понял, что судьба посылает ему случай, которым следует воспользоваться: помощь,

---

1) Отца Тохтамыша, — Туй-ходжу-оглана, — Урус-хан казнил в начале своего царствования.

2) Тимур-Ленг (что означает "Железный Хромец") или Тамерлан, — один из величайших завоевателей Азии, в те годы начавший свое возвышение.

3) Мавераннахр — государство, включавшее в себя Бухару и Самаркандскую область. Город Самарканд был его столицей.

оказанная Тохтамышу, при удаче сулила ему возможность возвести на белоордынский престол своего ставленника, всем ему обязанного, — в худшем случае в Белой Орде возникнет большая междоусобная война, которая надолго свяжет руки Урус-хану и его ослабит.

Исходя из этого, Тимур распорядился оказать Тохтамышу самый лучший прием, а вскоре и сам прибыл в Самарканд. Он всячески обласкал белоордынского царевича, который в самых смелых мечтах своих не мог рассчитывать на такую широкую поддержку и помощь: Тимур осыпал его милостями и подарками, дал ему денег, скота, оружие, лошадей, кибитки и, наконец, предоставил в его распоряжение несколько туменов войска, чтобы овладеть столицей Белой Орды — Сыгнаком и там утвердиться.

В 1376 году, воспользовавшись тем, что Урус-хан со своими главными силами ушел на Волгу, Тохтамыш отправился в поход. Правителем в Сыгнаке оставался старший сын Уруса, Кутлук-Буга, который, узнав о приближении противника, сейчас же выступил ему навстречу.

У Тохтамыша было меньше войска, но в разыгравшемся сражении перевес вначале явно клонился на его сторону. Вскоре Кутлук-Буга был убит, но тут произошло обратное тому, что в подобных случаях обыкновенно бывает: увидев гибель своего вождя, белоордынцы, — среди которых Кутлук-Буга пользовался большой любовью и популярностью, — вместо того, чтобы обратиться в бегство, пришли в неистовство и Тохтамыш был разбит наголову. С остатками своих туменов он возвратился в Самарканд, опасаясь самого худшего. Но Тимур не сказал ни слова упрека. Он снова хорошо принял Тохтамыша, дал ему еще более сильное войско и посоветовал немедленно идти в новый поход, — пока не возвратился с Волги Урус-хан.

Тохтамыш выступил не мешкая, осенью того же года. Он двигался быстрыми переходами, надеясь появиться под Сыгнаком неожиданно и взять город врасплох. Но в степной и довольно густо населенной местности молва опережала движение войска: хан Токта-

кия, второй сын Уруса, принявший власть в Ак-Орде[1]) после смерти брата, во-время узнал о приближении неприятеля. Войска у него было много, так-как в Сыгнаке понимали, что за спиной Тохтамыша стоит Тимур, который не ограничится первой, неудавшейся попыткой, и потому не теряя времени начали стягивать к столице кочевавшие в степи тумены.

Токтакия был опытным воином и сумел хорошо приготовиться ко встрече. Половину своего войска он оставил в городе, а другую половину выдвинул на несколько верст вперед и спрятал ее в густых зарослях камыша, у берега Сыр-Дарьи.

Тохтамыш, не встретив по дороге никакого сопротивления, подошел к Сыгнаку на рассвете. Не видя на стенах и у запертых ворот ни одной живой души, он попробовал ворваться в город, но едва его воины полезли на стены, на них обрушилась лавина камней и стрел. Поняв, что его перехитрили, но еще не подозревая самого худшего, он приказал своим войскам отойти от стен и окружать город для осады.

К вечеру Сыгнак был обложен со всех сторон и Тохтамыш, согласно обычаю, предложил осажденным сдаться, всем обещая в этом случае пощаду. Но когда посланный им бирючь[2]) прокричал у главных ворот это предложение, — в него, вместо ответа полетели стрелы. Тохтамыш иного и не ожидал. Он приказал своим воинам варить пищу и отдыхать, но к рассвету быть готовыми к общему приступу.

Ночь прошла спокойно. Но едва начало светать, с тыла на осаждающих обрушились три тумена ак-ордынцев, оставленных в засаде. Их вёл лучший из темников Токтакии, эмир Казанчи, сумевший приблизиться незаметно и напасть врасплох. К счастью, в лагере Тохтамыша все были уже на ногах, готовясь к приступу и это отчасти спасло положение. Завязалась жестокая сеча, в которой все преимущества были на стороне нападающих: они шли сосредоточенной массой, тогда

---

1) Ак — по-татарски “белый” Ак-Орда — Белая Орда.

2) Бирючь — глашатай.

как войско Тохтамыша было растянуто вокруг огромного города и менее всего ожидало нападения с тыла. Когда же, в довершение всего, распахнулись все городские ворота и из них с устрашающими воплями хлынули нескончаемые потоки всадников, — положение Тохтамыша, зажатого между двух огней, сделалось отчаянным. Не прошло и получаса, как войско его было разгромлено и побежало. Но спастись и уйти от погони в этот день удалось лишь немногим.

В момент нападения, Тохтамыш, с группой приближенных, находился неподалеку от главных ворот и потому сразу же попал в самую гущу боя. Он не успел надеть доспехов и это упущение сослужило ему хорошую службу: ничем не выделяясь среди других воинов, он не привлекал к себе особого внимания и до конца битвы оставался неузнанным, тогда как эмир Казанчи все усилия прилагал к тому, чтобы прорубиться к стоявшему в стороне пустому шатру царевича, возле которого развевался семихвостый ханский бунчук. Это ему удалось не без труда, так-как нукеры Тохтамыша[1]) отчаянно защищались, что укрепляло уверенность эмира, в том, что Тохтамыш находится среди них. Но овладев в конце-концов шатром и перерубив всех его защитников, он не обнаружил здесь того, кого искал.

Карач-мурза, все время находившийся рядом с Тохтамышем, очень скоро заметил ошибку эмира Казанчи и решил ею воспользоваться. Исход битвы, почти с самого начала, был ему совершенно ясен: их воины, из которых половина не успела даже сесть на коней, гибли тысячами и если еще продолжали драться, то лишь в надежде прорубиться сквозь ряды противника и спастись бегством. И Карач-мурза понял, что пока остатки их туменов не побросали оружия, а Тохтамыш никем не узнан, — надо попытаться его спасти.

Собрав вокруг себя десятка три нукеров, он отдал им нужные приказания и окружив Тохтамыша, они дружно врубились в ряды неприятеля, прокладывая се-

---

[1]) Нукер — дружинник, телохранитель.

бе дорогу к реке. Почти все другие старались пробиться в сторону степи, — ибо никто не верил в возможность уйти вплавь через Сыр-Дарью, — а потому акордынцев было тут сравнительно мало и небольшой отряд Тохтамыша, без особого труда вырвавшись из окружения, во весь опор понесся по берегу, вдоль реки.

Думая, что это простые воины, по-началу их никто даже не стал преследовать. Но на беду как раз в этот миг сюда подскакал эмир Казанчи, хорошо знавший Тохтамыша в лицо и искавший его по всему полю сражения. В одном из беглецов он сразу узнал царевича и крикнув ближайшим воинам, чтобы следовали за ним, пустился в погоню.

Расстояние между двумя отрядами было не больше двухсот шагов и на протяжении трех или четырех верст скачки, оно заметно не изменилось. Но Карач-мурзе, голова которого напряженно работала в поисках спасения, было очевидно, что едва на их пути встретится один из многочисленных здесь арыков или иное препятствие, могущее вызвать небольшую задержку, — они будут настигнуты. Броситься вплавь через реку на виду у преследователей, тоже не годилось, ибо пока они отплывут от берега на значительное расстояние, их всех успеют перестрелять из луков.

По берегу, между тем, начали показываться отдельные, жидкие поросли камышей, вскоре перешедшие в сплошную блекло-зеленую стену, отделившую реку от дороги полосою в несколько десятков сажен. Проскакав вдоль нее с версту, Карач-мурза обернулся и прикинул на глаз количество преследователей. Их было не больше сорока человек. И сразу приняв решение, он крикнул скакавшему рядом Тохтамышу:

— Сворачивай в камыши по первой же тропинке, которую увидишь, скачи к реке и бросайся вплавь! Я придержу погоню!

Тохтамыш молча кивнул и с середины дороги передвинулся на ее правый край. Вскоре в стене камышей показалась широкая прогалина, в которую он тотчас направил своего коня и почти одновременно услы-

шал, как Карач-мурза скомандовал отряду остановиться и приготовиться к бою.

Он продолжал скакать по узкой тропе и вскоре увидел в десятке саженей впереди мутную поверхность Сыр-Дарьи. Но в этот самый миг конь его, попав ногою в нору какого-то грызуна, споткнулся и полетел на землю. Тохтамыш при падении не пострадал и сейчас же вскочил, но попытавшись поднять свою лошадь, увидел, что нога у нее сломана. Злобно выругавшись, он побежал к берегу и измерил взглядом ширину реки: в эту пору года она тут не превышала ста-двадцати сажень и течение не казалось слишком быстрым. Тохтамыш был хорошим пловцом, а потому не раздумывая долго, он сбросил с себя одежду и кинувшись в воду, стал быстро отдаляться от берега.

Эмир Казанчи, мчавшийся впереди своего отряда, сразу заметил, что в тот миг, когда преследуемые повернули коней и изготовились к бою, один из них свернул в камыши. В том что это Тохтамыш, у него не было никаких сомнений, а потому за несколько секунд до того, как люди его сшиблись с нукерами Карач-мурзы, — он, нисколько не заботясь об исходе этой стычки, выхватил у одного из своих воинов лук и колчан со стрелами, и ринулся к берегу.

Прежде чем он попал на дорожку, ему пришлось шагов сорок ломиться через сплошные заросли камыша и это его задержало: когда он выбрался на берег, Тохтамыш был уже на середине реки.

Спрыгнув с коня, Казанчи наложил стрелу на тетеву лука и, тщательно прицелившись, выстрелил. Вначале ему показалось, что он промахнулся и что стрела ткнулась в воду возле самой головы плывущего. Но в то же мгновение голова эта исчезла под водой, а когда, минуту спустя, она снова появилась на поверхности, Казанчи радостно вскрикнул: его стрела торчала в левой руке беглеца! Однако, Тохтамыш повернувшись на бок, продолжал плыть, действуя здоровой рукой. Ему повезло: он почти сразу попал в полосу сильного течения, которое понесло его вниз по реке, быстро приближая к противоположному берегу.

Тщетно Казанчи пускал в него стрелу за стрелой, — они уже не долетали до цели. Только выпустив последнюю, поглощенный этим занятием эмир услышал за спиной конский топот и быстро обернувшись, схватился за саблю. Но было уже поздно: Карач-мурза на всем скаку раскроил ему череп и даже не обернувшись, бросился с конем в воду.

Вырваться невредимыми из кровавой схватки на дороге, кроме него, удалось еще четверым. Все они также пустились вплавь через реку, но благополучно достигли до другого берега только трое: сам Карач-мурза, пожилой эмир Идику, приставленный Тимуром к Тохтамышу, и татарин Адаш, — один из преданнейших нукеров Тохтамыша.

Выбравшись из воды и привязав коней к первой попавшейся коряге, они сейчас же рассыпались по прибрежным зарослям в поисках Тохтамыша, ибо на отмели его не оказалось, а на зов он не откликался. Вскоре на него набрел Идику и условленным криком позвал остальных.

Привалившись спиной к старому пню, Тохтамыш лежал на крохотной полянке, среди кустов, куда он дополз из последних сил и тут, попытавшись выдернуть стрелу из раны, потерял сознание. Голый, грязный, с лицом перепачканным слезами и кровью, он был беспомощен и жалок. Нужны были любовь или безграничная преданность, чтобы не почувствовать злорадства или презрения, увидев в таком состоянии человека, претендующего на величие. Но у барласа[1]) Идику, не было, по отношению к Тохтамышу, ни того, ни другого. К тому же, он вообще не любил татар, а потому сказал, обращаясь к подошедшему Карач-мурзе:

— Кажется, ваш хан мертв, оглан[2]). Если бы Аллах был к нему более милостив, Он позволил бы ему уме-

---

[1]) Барласы — одно из тюркских племён Средней Азии. К нему принадлежал и Тимур.

[2]) Оглан — титул младших членов ханского рода чингизидов. Русские летописи переводят его словом “царевич”.

реть под стенами Сыгнака, с оружием в руках, как подобает настоящему воину.

Ничего не ответив эмиру, Карач-мурза опустился на колени подле бесчувственного Тохтамыша и быстро убедился в том, что он еще жив. Отломив наконечник стрелы, пронзившей его предплечье, он легко вытащил ее из раны. Последняя была не опасна, но очень болезненна и пока Карач-мурза ее перевязывал,обложив свежими листьями, Тохтамыш застонал и открыл глаза.

Он был храбрым и волевым человеком и на протяжении всей его долгой и бурной жизни, эти качества ему почти никогда не изменяли. Но сегодня, под тяжестью всех обрушившихся на него несчастий, унижения и боли, мужество его на мгновение покинуло.

— Всё погибло, Ичан, — пробормотал он, узнавая Карач-мурзу. — Аллах от меня отвернулся и Тимур мне больше не захочет помогать...

— Я знаю только, что сегодня Аллах два раза спас тебе жизнь и наверное Он это сделал не зря, — сквозь зубы промолвил Карач-мурза, продолжая перевязывать рану. Но Тохтамыш, казалось, его не слышал.

— Теперь я даже не могу возвратиться в Самарканд... Если я возвращусь туда, Тимур прогонит меня, как собаку... Да и это еще надо будет посчитать великой милостью, — добавил он и судорожно вхлипнул.

— И этот человек хотел быть великим ханом! — пробурчал Идику, неподвижно стоявший сбоку, глядя на происходящее.

Нукер Адаш, на которого никто не обращал внимания, между тем потоптался по поляне, потом зашел сзади и взмахнув кинжалом, вогнал его по самую рукоятку в левый бок Идику. Эмир вскрикнул, обеими руками схватился за бок и обливаясь кровью, упал на траву.

— Аллах акбар! — крикнул потрясенный этим зрелищем Карач-мурза. — Зачем ты убил его?!

— Его надо было убить, — хладнокровно ответил Адаш, погружая в землю свой кинжал, чтобы очистить

его от крови. — Разве ты не знаешь, что он был глазом и ухом Тимура? Было бы нехорошо, если бы он рассказал ему то, что сейчас видел и слышал.

— Будет еще хуже, когда Тимур узнает, что мы его убили!

— А откуда он это узнает? Мы скажем ему, что Идику утонул в реке.

Карач-мурза помолчал. Его возмущала столь предательская расправа, но в то же время он понимал, что Адаш рассуждает разумно и что этим убийством он оказал Тохтамышу неоценимую услугу. Все же он сказал:

— Если это и так, не тебе надлежит принимать решения. Ты не должен был убивать его, не спросив своих начальников.

— Хана я не спросил потому, что сейчас его устами мне могла бы ответить не его обычная мудрость, а его болезнь. А тебя не спросил, оглан, потому что знаю: ты бы этого не позволил. Теперь же дело уже сделано и если я поступил плохо, пусть судит меня пресветлый хан Тохтамыш!

— Ты поступил правильно и я никогда этого не забуду![1] Теперь мне можно ехать в Самарканд, к Тимуру, и Сыгнак еще будет моим! — окрепшим голосом сказал Тохтамыш, приподнимаясь на локте здоровой руки. Случившееся подействовало на него отрезвляюще, — теперь он снова обрел мужество и свою обычную самоуверенность.

— Разденьте его и помогите мне надеть его одежду, — добавил он, указывая на труп Идику. — А потом в путь!

Час спустя, посадив Тохтамыша на лошадь убитого эмира, они уже скакали по направлению к Мавераннахру.

---

[1]) Впоследствии Адаш сделался у Тохтамыша одним из знатнейших вельмож.

ГЛАВА 7.

"Тохтамыш был творением и питомцем милостей его хаканского величества, эмира Тимура. Он как растение питался от облака бесконечных даров его и возрастал под тенью непоколебимого могущества великого эмира, достигнув степени обладания верховной властью".

Гийас-ад-дин Али, персидский автор XIV века.

Тимура и на этот раз не охладила неудача Тохтамыша. Он не любил отступать от принятых решений, а иметь на ак-ордынском престоле своего ставленника, было ему особенно важно. Для достижения этой цели, он готов был идти на большие жертвы, а то, что Тохтамыш потерпел уже два поражения, его в какой-то мере даже успокаивало, ибо это говорило о том, что будущий повелитель Белой Орды не одарен качествами выдающегося полководца, а следовательно никогда не будет ему опасен. Если добавить к этому, что Тохтамыш обладал способностью легко располагать к себе нужных ему людей и сумел внушить Тимуру вполне искреннюю симпатию, станет понятным — почему тот снова принял татарского царевича милостиво и не лишил его своего покровительства.

В третий поход решили выступить летом следующего года, но к тому времени обстановка изменилась: встревоженный событиями на Сыр-Дарье, в Сыгнак возвратился сам Урус-хан. Он привел с собою девять туменов отборной конницы и точас отправил в Самарканд посла, требуя выдачи Тохтамыша. Тимур отказал и обе стороны начали готовиться к войне.

Железный Хромец на этот раз лично возглавил собранное им войско и поздней осенью 1377 года выступил в поход. Получив донесение об этом, Урус-хан сейчас же двинулся ему навстречу. По его сведеньям, Тимур находился еще далеко, но уже на втором переходе от Сыгнака, его головной отряд натолкнулся на неприятеля. Произошла довольно жаркая стычка, закончившаяся для ак-ордынцев полной неудачей.

Пока к месту столкновения стягивались главные силы обоих сторон, стоявшая всю осень сухая погода резко изменилась: полил дождь, не прекращавшийся шесть дней; степь превратилась в болото, насквозь промокшие воины мерзли на холодном ветру, не имея возможности развести костры и обсушиться.

Ни один из двух полководцев не хотел при таких условиях начинать битвы и оба ждали улучшения погоды. Но едва кончился дождь, ударили сильные морозы. Земля покрылась ледяной корой, на которой скользили и падали лошади; неистовый ветер прохватывал воинов до костей, делая их совершенно небоеспособными. Так продолжалось больше недели. Наконец, Урус-хан не выдержал и выбрав день, показавшийся ему не таким холодным, попытался начать битву. Но бойцы, у которых пальцы совсем окоченели, не в состоянии были владеть оружием: при малейшей сшибке копья и сабли вываливались у них из рук.

Вместо решающего сражения, получилась жалкая и нелепая стычка, вскоре закончившаяся тем, что воины Уруса побежали. Оба войска заняли исходное положение и в полном бездействии простояли друг против друга еще несколько дней. Погода не улучшалась, воинов косили болезни, с каждым днем труднее становилось прокормить людей и лошадей, а потому Тимур, в конце концов, принял благоразумное решение возвратиться в Самарканд. Разумеется, Урус-хан его не преследовал и сам сейчас же отошел в Сыгнак.

Дождавшись весны, Тимур снова отправился в поход, но по дороге получил известие, что Урус-хан внезапно умер и великим ханом Белой Орды провозгласил себя Токтакия. Последний был известен как искусный и решительный военачальник, но у Уруса было еще четверо сыновей, а потому, зная что смена верховной власти в татарских улусах редко проходит без осложнений, — осторожный Тимур стал лагерем в нескольких переходах от Сыгнака, ожидая дальнейших событий.

В своих предположениях он не ошибся: две недели спустя, по всем городам и стойбищам Белой Орды

было объявлено, что великий хан Токтакия скоропостижно умер и на престол вступил его младший брат, Мелик-оглан.

Эта новость порадовала и вместе с тем удивила Тимура: Мелик издавна пользовался славой пьяницы и развратника, похождения которого служили неиссякаемым источником для веселых рассказов во всех чайханах Средней Азии, а потому, не считая его достойным для себя противником, Тимур передал начальство над войском Тохтамышу и возвратился в Самарканд.

Но хан Мелик, вопреки всем предположениям, оказался неплохим военачальником и, к тому же, располагал значительно большими силами, чем думали в ставке Тимура. Он сумел навязать Тохтамышу сражение на заранее выбранном рубеже ,где условия местности позволили ему очень удачно расположить свои войска, значительная часть которых оказалась скрытой от глаз противника, хотя и находилась тут же, в непосредственой близости.

Начало битвы казалось явно неудачным для белоордынцев. Они сражались вяло и это было воспринято Тохтамышем как нечто вполне естественное: он так и ожидал, что они не станут особенно упорно защищать нелюбимого в войске хана Мелика. Полчаса спустя, когда передовые тумены неприятеля обратились в бегство, это предположение обратилось в уверенность. Если в мозгу Тохтамыша и мелькнуло подозрение, что его заманивают в западню, — подобная уловка нередко применялась татарами, — то оглянувшись по сторонам, он тотчас его отбросил: на много верст вокруг расстилалась ровная на вид степь, где, казалось, невозможно было спрятать и сотню всадников. И потому он, окрыленный своею легкой победой, не слушая ничьих советов, бросился преследовать уходившего врага.

Но войско Мелика, казавшееся охваченным паникой, проскакав версты три, внезапно повернуло коней и с грозными криками двинулось навстречу преследователям. В то же самое время, слева, как из-под земли, стали вырастать сотни и тысячи всадников, пря-

тавшихся тут в неглубоких и неприметных издали оврагах. Растянувшимся по степи туменам Тохтамыша сразу же пришлось разорваться на две неравных группы: всё основное ярдо его войска, которое отстало от вырвавшегося далеко вперед головного отряда, — видя появившуюся сбоку массу белоордынской конницы, — под угрозой окружения вынуждено было остановиться и перестроившись фронтом влево, вступить в бой с этим новым противником. Вначале численный перевес тут оказался на стороне воинов Тохтамыша, — им удалось отбиться и благополучно уйти, прежде чем сюда подоспели главные силы Мелика.

Но положение передового отряда, при котором находился и сам Тохтамыш, было гораздо хуже: ему пришлось вести бой в условиях почти полного окружения и с противником впятеро превосходящим по численности. При таком соотношении сил, исход сражения был, разумеется, предрешен: не прошло и получаса, как большая часть воинов Тохтамыша, несмотря на отчаянное сопротивление, была изрублена, а остальные обратились в беспорядочное бегство. Но и в нем мало кто нашел свое спасение, ибо белоордынцы уже успели отрезать их от остального войска Тохтамыша, во весь опор уходящего к границам Мавераннахра.

Когда Тохтамышу, с несколькими приближенными и с полусотней нукеров удалось вырваться из гущи боя, он с одного взгляда понял, что спастись ему будет нелегко. Вся степь кишела неприятелем, к тому же, сегодня он был сразу узнан, а потому не менее тысячи всадников бросились за ним в преследованье, рассыпавшись, как на облаве, широким полукругом и стараясь гнать его вглубь Орды.

Надеяться можно было только на быстроту коней и на спасительный покров ночи, до наступления которой оставалось не более двух часов. В коня своего Тохтамыш крепко верил, ибо знал, что равного ему нет во всей Белой Орде. Это был личный подарок Тимура, — чистокровный золотисто-гнедой "недgеди", — бес-

ценный арабский скакун, быстрый как птица и выносливый как верблюд. За первые же четверть часа скачки, он легко вынес своего хозяина вперед, обогнав на добрую сотню сажень почти всех других лошадей отряда. Лишь Карач-мурза, тоже обладавший конем исключительных качеств, пока поспевал за ним, держась всего на один корпус сзади; пять или шесть нукеров скакали почти вместе, шагах в сорока за ними, — остальные вскоре начали отставать, падая один за другим под стрелами преследователей. Число последних тоже заметно сокращалось: все у кого лошади были послабее, постепенно отставали от погони.

Пригнувшись к гриве коня, Тохтамыш несся вперед, всё более опережая остальных. Теперь это уже не было похоже на облаву: направление выбирал он, описывая по степи широкую дугу, постепенно выводившую его на прямой путь к Мавераннахру. Время от времени оборачиваясь, всякий раз он видел за собой меньше преследователей, но еще быстрее уменьшалось число его собственных нукеров. Впрочем, это его не особенно беспокоило, ибо он уже не сомневался в том, что и он сам, и скакавший в десяти шагах за ним Карач-мурза уйдут от погони. Однако, если лошадь последнего не уступала его арабу в быстроте, — она все же не могла состязаться с ним в выносливости и на втором часу скачки начала заметно сдавать.

Когда солнце, в последний раз обшарив землю скользящими, розовыми лучами, скрылось за грядою дальних холмов, Тохтамыш снова обернулся. Из всего его отряда за ним следовал теперь один Карач-мурза, но и он отстал уже шагов на двести. Медленно настигая его, за ним мчалось человек десять преследователей, лошади которых оказались достаточно выносливыми, — все остальные давно отстали от погони и в бескрайной степи, насколько хватал глаз, больше никого не было видно.

"Ичана нагонят!" — с тревогою подумал Тохтамыш. Первым его побуждением было придержать коня и разделить участь друга, ибо он не сомневался в том,

что на его месте Карач-мурза поступил бы именно так. Но в нем сейчас же заговорил холодный рассудок: — "ведь вдвоем мы все равно не отобьемся от десятерых, значит я только погублю себя и его. А так он еще может уйти, — на нем кольчуга и стрелы ему не страшны. Ну, а если его схватят, а я спасусь, то смогу выкупить его у Мелика..."

Успокоив себя такими рассуждениями, он продолжал мчаться дальше во весь опор, но теперь поминутно оглядывался. Карач-мурза отставал всё больше и двое преследователей, немного опередив других, скакали шагах в сорока за ним, выпуская стрелу за стрелой. — "Ничего, на нем хорошая кольчуга" — снова подумал Тохтамыш и в ту же минуту увидел, что Карач-мурза покачнулся в седле, медленно стал сползать на бок и проскакав еще несколько шагов, рухнул на землю.

Уверенный в том, что его все равно не догонят, Тохтамыш придержал коня. Видя его совсем близко, вся погоня, — не обращая никакого внимания на упавшего, — бросилась за ним, ибо тому, кто привезет его живым или мертвым, хан Мелик обещал в награду тысячу коней. На протяжении следующих четырех или пяти верст, идя почти за хвостом его лошади, преследователи уже мысленно делили это богатство. Но едва на землю спустилась ночь, он снова полетел вперед быстрее птицы и вскоре исчез во мраке.

* * *

Причиной падения Карач-мурзы была не стрела врагов, как думал Тохтамыш и как были уверены сами стрелявшие. Правда, несколько стрел ударили ему в спину и одна даже застряла в бармице[1]), но на нем был отличный, московской работы юшман[2]), служивший надежной защитой от стрел, которые, таким об-

---

[1]) Ба̀рмица — кольчужная сетка, прикреплявшаяся к шлему для защиты шеи и плеч.

[2]) Юшма̀н — защитный доспех, состоявший из комбинации кольчужных колец и стальных пластинок.

разом, не причинили ему вреда. Но еще во время сражения он был ранен копьем в левое плечо, чего никто из окружающих не заметил. Вначале он и сам не обратил на эту рану внимания, — острие копья, разорвав несколько звеньев кольчуги и мякоть плеча, прошло вскользь. Но рана сильно кровоточила. Перевязать ее или даже зажать рукой было невозможно во время напряженной скачки, когда каждая секунда промедления грозила гибелью, и Карач-мурза вскоре начал слабеть от потери крови. Последние полчаса он удерживался в седле только предельным напряжением воли, но все же стал быстро отставать от Тохтамыша и в конце концов, потеряв сознание, упал наземь.

Очнулся он ночью и не сразу понял что с ним произошло и где он находится. Но сильная боль в плече быстро напомнила ему о случившемся и окончательно привела в себя. Он с трудом приподнял голову и огляделся вокруг.

Посеребренная луной степь была на первый взгляд тиха и пустынна, — только звенели в траве цикады, да возле самого лица Карач-мурзы легкий ветерок колыхал метёлки полыни. Но сквозь них, в нескольких шагах от себя, он увидел какие-то медленно движущиеся тени и вглядевшись различил двух крупных гиен, с коротким лающим хохотом отпрянувших в сторону, едва он зашевелился, пытаясь сесть. Это ему удалось не сразу: собственное тело казалось глыбой свинца, в голове мутилось от слабости. Отдохнув немного после сделанного усилия, он попробовал встать на ноги, но тотчас почувствовал страшное головокружение и поспешно лег, вернее, упал на спину, почти теряя сознание.

Когда этот острый приступ слабости миновал, он открыл глаза и увидел, что гиены снова топчутся совсем близко, но теперь их было уже не две, а три. Нащупав рукоять сабли, Карач-мурза вытащил ее из ножен и сделал слабый взмах в сторону животных. С противным воем они подались немного назад, но тут же уселись на траву, всем своим видом показывая распростертому на земле человеку, что они могут и подо-

ждать, но отнюдь не намерены отказаться от добычи.

Некоторое время Карач-мурза пролежал неподвижно, обдумывая свое положение. Несмотря на его беспомощность, трусливые звери едва ли отважатся напасть на него пока он бодрствует. Но от большой потери крови его неудержимо клонило ко сну, а заснуть при таких обстоятельствах, значило погибнуть: если гиены, — а вот уже к ним подошла и четвертая, — набросятся на него во время сна и почувствуют вкус крови, все будет кончено. Значит, нужно, во что бы то ни стало, не спать всю ночь, — утром они уйдут. Но принять такое решение было несравненно легче, чем его исполнить. В течение получаса Карач-мурза кое-как боролся со сном, поминутно двигаясь, щипля себя за ухо и временами поднимая саблю, чтобы отпугнуть гиен. Но с каждой минутой движения его становились все более вялыми, мысли путались и, наконец, он крепко уснул. Но проспал недолго, ибо подсознание твердило ему, что спать нельзя.

Сразу открыв глаза, он увидел гиен совсем близко от себя, — их было уже около десятка, — и когда он, подкрепленный коротким сном, без особых усилий сел и громко закричав, взмахнул саблей, они лишь чуть-чуть попятились и подняли такой вой и хохот, что у него под шлемом зашевелились волосы. Ему стало ясно, что заснет он или не заснет, — вскоре эти гнусные твари совершенно осмелеют и он будет растерзан.

— Великий и милостивый Аллах! — громко сказал он. — Ты всемогущ. И если я должен умереть, отврати от меня этот позорный конец и пошли мне смерть приличную воину!

Он посидел еще немного, как бы ожидая, что Аллах ответит на его мольбу, но почувствовав новый приступ головокружения, лег на спину и положив себе на грудь саблю, почти мгновенно погрузился в состояние полусна-полубеспамятства. Голова его при этом откинулась на бок и ухо коснулось земли.

Когда чувства его начали выходить из оцепенения, он явственно уловил отдаленный, но ритмично на-

растающий звук, смысл которого не сразу дошел до его сознания. Но уже минуту спустя, сердце его затрепетало от радости: это был стук копыт быстро приближающейся лошади.

Собрав остатки сил, он сел и поглядел вокруг. Гиен возле него уже не было, топот слышался теперь совсем близко, а вскоре показался и всадник, направляющийся прямо к нему. Друг это или враг? Но Карач-мурзе не пришлось над этим долго раздумывать: осадив коня в трех шагах от него, ночной ездок соскочил на землю и крикнул:

— Ичан! Благодарение Аллаху, я нашел тебя!

— Тохтамыш! Да вознесёт тебя Аллах превыше всех владык земных! Ты искал меня, вместо того, чтобы спасать свою собственную голову?

— Как я мог тебя оставить! Я видел когда ты упал и хорошо заметил место. А потом, когда воины Мелика отстали, — повернул обратно и вот я здесь!

— Но как тебе удалось избавиться от погони?

— Разве трудно обмануть таких баранов? Я нарочно стал сдерживать коня, давая ему отдых, а они из последних сил мчались за мной, думая, что вот-вот догонят! Но проскакав еще один фарсах[1]), их лошади начали падать одна за другой. И тогда, видя что никто из них уже не может возвратиться сюда, я снова понесся вперед как ветер и объехав степью, нашел тебя.

— И нашел во-время! Еще немного и меня сожрали бы гиены. Ты спас меня от наихудшей из смертей и отныне жизнь моя принадлежит тебе! Клянусь, — что бы ни случилось с тобой в будущем, я тебя не покину!

— Я никогда не сомневался в твоей дружбе и в твоей преданности, Ичан. Но сейчас скажи: куда ты ранен?

— В плечо. Рана не опасная, но я потерял очень много крови и теперь слаб, как новорожденный ребенок.

— Сейчас я перевяжу твою рану и поспим до полуночи, — и нам и коню моему нужен отдых. А по-

---

1) Фарсах — среднеазиатская мера длины, равная приблизительно семи верстам.

том сядем на него вдвоем и поедем. Наше войско стало на ночевку не очень далеко отсюда, — по пути я поднялся на холм и видел с той стороны огни костров. К восходу солнца мы будем там.

**
*

Тимур и на этот раз не отвернулся от Тохтамыша. Он уже поставил на него так много, что явно было выгоднее довести начатое дело до конца, чем затевать что-то новое. "К тому же, — думал Тимур, — всё потерянное сейчас, после окупится и принесет свои плоды: чем больше Тохтамыш будет мне обязан, тем послушнее он станет, сделавшись великим ханом Белой Орды".

В Самарканде, не теряя времени, начали готовиться к новому походу и через верных людей зорко наблюдали за всем происходившим в Сыгнаке. А там было явно неблагополучно: хан Мелик вёл разгульную жизнь, ссорился с улусными князьями и наживал себе все больше врагов. В войске его не любили и вскоре начали поговаривать, что Тохтамыш был бы куда лучшим ханом.

Учитывая эти настроения, Тимур, осенью того же года, снова отправил Тохтамыша на завоевание ак-ордынского престола.

Этот четвертый поход увенчался полным успехом. Тохтамышу без боя сдалась сильнейшая белоордынская крепость Сауран, а после недолгого сопротивления пал и Сыгнак. Хан Мелик был захвачен в плен и казнен, вместе с эмиром Балтыкчи, — единственным до конца не пожелавшим изменить ему военачальником[1]). И то, чего так настойчиво добивался Тимур, наконец, совершилось: великим ханом Белой Орды был провозглашен Тохтамыш. Но вожделения последнего простирались гораздо дальше, чем думал Железный Хромец.

Зиму 1378 года Тохтамыш провел в Сыгнаке, занимаясь делами государства. Он показал себя способ-

---

[1]) Эмир Балтыкчи был отцом Эдигея, в будущем сыгравшего роковую роль в судьбе Тохтамыша.

ным правителем и быстро упрочнил свое положение Осыпав милостями и подарками улусных ханов и эмиров, он обеспечил себе их преданность и поддержку, произвел необходимые перемены в делах управления и на все руководящие должности поставил верных и подходящих людей. Одновременно он собрал и отлично снарядил большое войско, во главе которого весною **1379** года выступил в поход на Волгу.

Ему легко удалось подчинить себе всех левобережных ханов и занять Сарай, которым, после ухода Урусхана, в третий раз овладел Араб-шах. К осени того же года все Заволжье и Приуралье были покорны Тохтамышу и его власть прочно утвердилась на всем огромном пространстве между реками Сыр-Дарьей и Волгой.

Для того, чтобы стать единым повелителем всего улуса Джучи, ему предстояло теперь скрестить оружие с Мамаем, который владел Правобережьем Волги, распространяя свою власть и на русские земли. Но момент для этого был явно неподходящий: готовясь к решительной схватке с князем Дмитрием Московским, Мамай собрал громадную орду и был силен, как никогда. Это обстоятельство заставило его совершить пагубную ошибку: он не обратил должного внимания на усиление Тохтамыша, самонадеянно полагая, что с ним нетрудно будет справиться после победного похода на Русь.

Тохтамыш поступил умнее: он решил пока крепить свои собственные силы и не мешать столкновению Мамая с Дмитрием, справедливо рассудив, что чем бы оно ни закончилось, — больше всего выгадает на этом именно он, Тохтамыш, ибо оба противника понесут огромные потери, после чего справиться с Мамаем, а в случае непокорности и с Дмитрием, будет уже не трудно.

Дальнейшее показало, что его расчет был вполне правильным.

ГЛАВА 8.

"И поможе Бог великому князю Дмитрею Ивановичю, и победи врагы своя: татары повергоша копия свои и мечи и побегоша за реку за Вожю, а наши за ними, бьючи их и секучи и колючи, и убиша их множество, а инии в реце утопиша, и посрамлены быше окааннии бесермены".

Троицкая летопись

Через год после сражения на реке Пьяне, окрыленный легким успехом Араб-шаха, Мамай послал на Москву большое войско, под начальством князя Бегича. Это был лучший из золотоордынских полководцев того времени, старый и опытный воин, за всю свою долгую боевую жизнь не знавший ни одного поражения и глубоко преданный Мамаю.

Избрав кратчайший путь на Москву, через земли Рязанского княжества, Бегич быстро двигался вперед, не отвлекаясь грабежом попутных городов и селений, и по возможности стараясь сохранить свой поход в тайне. Но у Дмитрия Ивановича были верные люди и в ставке Мамая: он во-время был предупрежден о готовящемся нашествии и заранее успел сосредоточить сильную рать на берегах Оки. Едва до него дошла весть о том, что орда Бегича перешла рязанские рубежи, — он выступил ей навстречу, напрямик, через земли своего союзника — князя Владимира Пронского, который присоединил к московскому войску большой отряд, под начальством своего сына Даниила.

Противники встретились на реке Воже[1]) и несколько дней простояли друг против друга, не начиная сражения. Дмитрий Иванович занял очень выгодные позиции на левом берегу, расположив свое войско на гребне подковообразной возвышенности, полого спускавшейся к реке. Единственный удобный брод находился именно здесь. Справа и слева берег был крут и изрезан оврагами, что весьма затруднило бы перепра-

---

[1]) Вожа — правый приток Оки, впадающий в нее недалеко от Рязани.

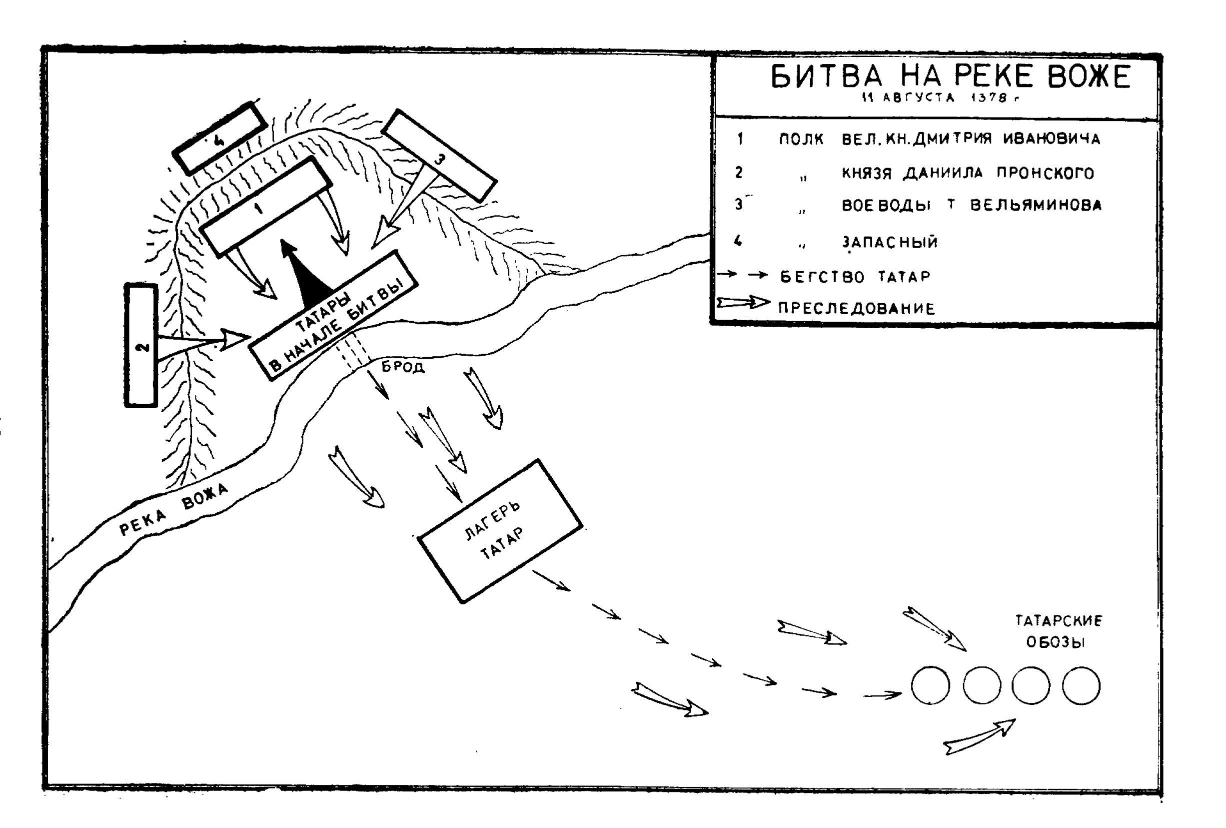
ву татарской конницы в другом месте, и лишало ее возможности совершить какой-либо обход. Учитывая всё это, Дмитрий решил оставаться тут, не переходя через реку и предоставляя это сделать татарам.

Бегич, со своей стороны, отлично видел, что условия сражения на левом берегу будут для него невыгодны, а потому не торопился, надеясь что русские, наскучив ждать, сами перейдут Вожу. Чтобы побудить их к этому, он даже оставил правый берег свободным и разбил свой стан в нескольких верстах от реки.

Но шли дни, а Дмитрий не трогался сместа и Бегич, наконец, понял, что совершить переправу придется ему: его противник мог простоять за рекою хоть до зимы, ибо ничто не обязывало его вступать в сражение, а он, Бегич, уклониться от этого не имел возможности. Мамай послал его именно для того, чтобы сразиться с Московским князем, и вернуться назад, не попытавшись этого сделать, он, конечно, не мог.

Утром одиннадцатого августа, татары начали переправу, не встречая со стороны русских никаких препятствий. В полдень вся ордынская конница уже сосредоточилась на левом берегу и выстроившись в боевой порядок, ударила на центр московского расположения, возглавляемый самим великим князем Дмитрием Ивановичем. Но едва тут завязалась сеча,— с холмов обрушились на татар оба крыла русского войска, под начальством воеводы Тимофея Вельяминова и князя Даниила Пронского.

Битва была чрезвычайно упорной и продолжалась несколько часов. Сам Дмитрий сражался в первых рядах, воодушевляя других и вскоре русские начали одолевать. Татар медленно теснили к реке и спереди, и с боков, всё крепче сжимая охватившее их живое полукольцо. Однако, они долгое время держались стойко и защищались отчаянно, ибо Бегич обещал казнить каждого, кто без приказа перейдет на другой берег. Но когда Бегич пал и бритая голова его, — со всей орде известным бельмом на левом глазу, — насаженная на русское копье, поднялась над сражающимися, татар охватила паника. Не слушая яростных криков


БИТВА НА РЕКЕ ВОЖЕ
11 АВГУСТА 1378 г.
1 ПОЛК ВЕЛ. КН. ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА
2 " КНЯЗЯ ДАНИИЛА ПРОНСКОГО
3 " ВОЕВОДЫ Т ВЕЛЬЯМИНОВА
4 " ЗАПАСНЫЙ
БЕГСТВО ТАТАР
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
ТАТАРЫ В НАЧАЛЕ БИТВЫ
БРОД
РЕКА ВОЖА
ЛАГЕРЬ ТАТАР
ТАТАРСКИЕ ОБОЗЫ
1
2
3
4

темника Хаджи-бея, вступившего теперь в командование и пережившего Бегича на какие-нибудь полчаса, — все бросились к берегу, давя и опрокидывая друг друга, в чаяньи спастись за рекой.

Под русскими мечами и стрелами, эта страшная переправа продолжалась до темноты. Тысячи татар полегли в этот день на берегу Вожи, но еще больше в ней утонуло. Преданье, — конечно, как и все героические преданья, сильно преувеличивая действительность, — говорит, что к концу побоища реку можно было перейти не замочив ног, по плотине, образовавшейся из человеческих и конских трупов.

Спустившаяся ночная тьма позволила остаткам татар уйти и помешала победителям их преследовать. Утром русское войско перешло на правый берег, но стоял такой густой туман, что в нескольких шагах ничего не было видно. Только к полудню прояснилось и Дмитрий сейчас же бросился по следам отступивших татар. Под вечер он нагнал весь огромный обоз Бегича, брошенный убегающим войском. Русским досталась богатейшая добыча: все татарские повозки, кибитки, шатры, множество доспехов, оружия, утвари, скота и рабов. По распоряжению великого князя, всё это на следующий день было поделено между его воинами, но теперь надо было, не теряя времени, продолжать погоню за разбитой ордой. Ее нагнали уже после захода солнца, — часть татар успели порубить, остальные рассеялись под покровом наступившей ночи.

Победа Дмитрия была полной: больше половины Бегичева войска было уничтожено, всё его имущество захвачено; из семи татарских князей, возглавлявших этот поход, остался в живых лишь один, едва отважившийся возвратиться в ставку Мамая со страшной вестью. Потери русских тоже были значительны. Славною смертью пали московские воеводы Дмитрий Александрович Монастырев и Назар Данилович Кусаков, а с ними многие воины. Три дня стоял Дмитрий Иванович на берегах Вожи, пока собирали и хоронили убитых, потом возвратился в Москву, где, под звон коло-

колов был торжественно встречен народом и духовенством.

Это было первое в истории большое сражение, выигранное русскими у татар. Для Руси его значение было огромно: оно полностью разрушило веру в непобедимость Орды, показало русским, что ныне у них есть вождь, способный с нею бороться и побеждать, укрепило увере̇нность в своих силах, поколебленную поражением на Пьяне. Но и Мамаю оно доказало, что он недооценивал могущества Москвы и что для победы над нею собственных сил его орды уже недостаточно.

Летом следующего года, Мамай опустошил земли Нижегородского княжества, затем внезапно появился под Рязанью, взял город приступом, разграбил его и сжег. В этих действиях им руководило не только желание отомстить русским за свое поражение на Воже: путем устрашения, он хотел принудить к полной покорности Рязанского и Нижегородского князей, и обеспечить себе их помощь в предстоящем решительном столкновении с Москвой. Это ему отчасти удалось: в Куликовской битве Суздальско-Нижегородские князья не рискнули открыто примкнуть к Дмитрию, а великий князь Рязанский был даже союзником Мамая, хотя и не принес ему никакой пользы.

Но в своих усилиях удержать власть над Москвой, Мамай не пренебрегал, повидимому и более низменными средствами. Так после разгрома татар на Воже, в обозе Бегича был победителями захвачен "некий поп русский", пробиравшийся из Орды на Русь, а при обыске на нем был обнаружен сверток с "лютым зельем"[1]). Под пытками он признался, что этим "зельем" снабдили его в ставке Мамая государевы изменники, — боярин Иван Васильевич Вельяминов и купец Некомат Сурожанин, и что ехал он по их наущению в Москву, "чтобы извести великого князя"[2]).

---

[1]) Лютое зелье — отрава, яд.

[2]) Этот случай отмечен всеми русскими летописями почти в одинаковых выражениях: "на том же побоищи, на Воже, изыма-

Разумеется Иван Васильевич Вельяминов очутился в Орде не случайно и трудно сомневаться в том, что это покушение затевалось с согласия Мамая, а может быть и по его прямому наущению. Иначе отравитель едва ли мог бы путешествовать в обозе татарского войска.

Боярин Вельяминов, деятельно помогавший Тверскому князю в его борьбе с Дмитрием и уже три года тому назад уличенный в предательстве, с тех пор скрывался. Но Дмитрий Иванович, не злопамятный по натуре и поглощенный другими делами, не прилагал особых усилий к поимке изменника. Однако, этот случай исчерпал его терпение: на всех дорогах, ведущих из Орды на Русь, было установлено наблюдение за проезжающими, а по русским городам разосланы люди, знающие Ивана Вельяминова в лицо, с приказанием схватить его, как только он будет обнаружен. Но на след его долго не удавалось напасть: среди купечества у боярина было немало пособников, помогавших ему скрываться.

Только в конце лета 1379 года, Вельяминов, по словам летописца, был "взят хистростию" в городе Серпухове и привезен в Москву. Несколько дней спустя, по повелению великого князя, ему была отрублена голова.

В истории Руси это была первая публичная казнь и на москвичей она произвела тяжкое впечатление. Иван Васильевич был так красив и принял смерть с таким достоинством и бестрашием, что многие отказывались верить в его виновность. Летописец так повествует об этом событии:

> "Того же лета, августа в тридцатый день, на память святого мученика Филикса, во вторник до обеда, убьен бысть Иван Васильев, сын тысяцко-

---

ша некоего попа русского, от орды шедша, от Ивана Вельяминова, и обретоша у него мех лютого зелья и потом извыпрошаша его и много истязаша, а после сослаша его князь великии на Лаче озеро в заточение".

го Вельяминова, мечом бысть потят на Кучковом поле у города Москвы, повелением князя великого Дмитрея Ивановичя. И бе множество народа стояще и мнози прослезишася о нем и опечалишеся о красе его и о величествии его"[1]).

Пособник Вельяминова, купец Некомат Сурожанин, был пойман и казнен четыре года спустя.

Пока на Руси происходили все эти события, крупные сдвиги совершались также в соседней Литве. Великий князь Ягайло, продолжая политику своего отца, стремился к новым захватам русских земель, но теперь его собственных сил было для этого недостаточно, тем более что на престоле он чувствовал себя не очень прочно. Не гнушаясь в отношениях с подчиненными ему князьями ни обманом, ни коварством, — он восстановил против себя своего могущественного дядю, князя Кейстута, человека рыцарски благородного и пользовавшегося в Литве всенародной любовью и популярностью; старшие братья тоже считали себя обиженными завещанием отца и едва терпели над собой власть младшего, а часто и вовсе отказывали ему в повиновении. Всё это толкнуло Ягайлу на сближение с Тевтонским Орденом, которому он предложил совместный поход на Москву, надеясь путем новых завоеваний упрочнить свою власть и укрепить пошатнувшееся государственное единство Литовского княжества.

Но расчеты его оказались ошибочными. В Литве ненавидели тевтонских рыцарей, с неслыханной жестокостью насаждавших здесь христианство и грабивших народ, а потому союз с ними окончательно восстановил против Ягайло недовольных князей. В частности, он послужил поводом к отъезду из Литвы старшего Ольгердовича, — князя Андрея Полоцкого, который, явившись на Русь и поцеловав крест Московскому великому князю, получил при его помощи княжение во Пскове.

Осведомленный в намереньях Ягайлы, Дмитрий Иванович не стал ожидать, пока он столкуется с Орде-

---

1) Полное собранне русских летописей, том II и том XVIII.

ном, а с обычной своей решительностью, в конце 1379 года, сам послал на Литву большое войско, под начальством князей Владимира Серпуховского, Боброка-Волынского и Андрея Полоцкого. Войско это победно вторгнулось в Новгород-Северскую землю, захватило город Стародуб (черниговский), а оттуда двинулось на Трубчевск и Брянск. Княживший здесь Дмитрий Ольгердович, также недовольный Ягайлой, сдал свои города без сопротивления и подобно старшему своему брату Андрею, вместе с дружиной и многими боярами перешел на службу к великому князю Московскому, который, как гласит летопись, "приял его с честью великою и многою любовью и даждь ему град Переяславль-Залесский, со всеми его пошлинами"[1]).

Весною следующего года, Дмитрий Иванович все захваченные у Литвы города оставил. Этим походом он хотел лишь устрашить Ягайлу, показав ему, как силу Москвы, так и непрочность его собственного государства. Но начинать серьезную войну с Литвой он сейчас не хотел и не мог, так-как хорошо понимал, что Мамай не простит ему своего поражения на Воже и что надо быть готовым к отражению нового татарского нашествия на Русь.

А слухи приходившие из Орды, день ото дня становились тревожнее. Осенью 1379 года внезапно умер, очевидно от отравления, хан Магомет-Султан, — ставленник Мамая, — и последний провозгласил себя великим ханом Золотой Орды. Всю зиму он усиленно собирал войска и летом 1380 года, с ордой, насчитывающей несколько сот тысяч человек, вышел на кочевку к берегам реки Воронежа, у самый рубежей Руси.

---

[1]) Троицкая летопись.

ГЛАВА 9.

"В лето 6888 поганый царь Мамай поиде ратью на Русь, на великаго князя Дмитрея Ивановичя, а с ним все князи ордынскии темные и со всеми силами тотарскими. И еще к тому понаимована рать: бесермены, буртаси, фрязи, черкасы, ясы, булгары, мордва, черемисы и ины многыя силы. А князь великий Ягайло со всею силою литовьской и с желотью и ляхи поиде на помощь Мамаю и с ним в одиначестве князь Олег Рязанский. И сочте силу свою Мамай и обрете девятьсот и тридцать тысяч человек. И возгордися он и рече: "идем на Русь и сотворим ее пусту, яко же при Батые было" [1]).

Устюжская летопись.

В Орде всегда проживало достаточно русских людей, — купцов, духовенства и пленников, — среди которых были и соглядатаи Дмитрия. Уже раннею весною от них стали приходить вести о том, что Мамай готовится к походу и собрал небывалое по численности войско. Впрочем, Мамай и не старался скрыть этих приготовлений: он был слишком уверен в своей силе и потому действовал в открытую.

А силу сплотил он и впрямь огромную. На землях подвластной ему Орды, в войско были согнаны все мужчины, способные держать оружие. Когда его спросили, какую часть земледельцев следует оставить, чтобы Орда была обеспечена хлебом, он ответил:

— Мне нужны воины, а не пахари. В этом году никто не должен работать на своем поле: хлеб для нас посеяли на Руси!

Во всех соседних землях люди Мамая вербовали наемников, обещая им милости хана и богатую добычу. И едва стаяли снега, в Орду потянулись отряды

---

1) Под бесерменами летописец подразумевает тут туркменов; фрязи — генуэзцы, ясы — осетины, буртасы — один из кочевых народов, обитавших в Заволжье; желоть — жмудины. Что касается сил Мамая, то здесь они преувеличены по крайней мере вдвое, даже если бы к орде успели присоединиться литовские и рязанские войска.

черкесов, туркменов, осетин, волжских болгар, черемисов, мордвы и других. Соблазненные возможностью небывалого грабежа, пришли даже генуэзцы из Крыма.

Зимою Мамай вел переговоры с Ягайлой и с Рязанским князем Олегом Ивановичем, обещая щедро оделить их московскими землями, если они ему помогут. И помочь согласились оба, так-как, помимо надежды на земельные приобретения, Ягайло искал случая посчитаться с Дмитрием, у которого находили прибежище все враждебные ему литовские князья, а Олег Иванович смертельно боялся татар, после того, как они дважды, за последние три года, опустошили его землю и сожгли Рязань.

Было условлено, что не позже первого сентября, литовские и рязанские войска соединятся с ордой Мамая в верховьях Дона и оттуда вместе двинутся на Москву.

Но не терял времени и великий князь Дмитрий Иванович. По его повелению, во всех городах Руси готовили доспехи, в селах сбивали из дерева или плели из прутьев щиты, вытачивали и оперяли стрелы; во всех кузницах ковали оружие, закупали его в Великом Новгороде, у волжских болгар и в Орденских землях; в подвластных Москве княжествах спешно собирали войска, а по Оке и в верховьях Дона были поставлены многочисленные заставы и сторожевые посты, с наказом зорко следить за приближением татар и по возможности разведывать их силы.

Двадцать третьего июня в Москву прискакал служилый человек Андрей Попов и сказал, что привез важные вести из Мамаевой орды. Его тотчас провели к самому великому князю.

— Где видел орду? — спросил Дмитрий, оглядев с головы до ног крепкую фигуру воина.

— Ноне стоит она промеж рекой Воронежом и Доном, великий государь, поприщ[1]) ста не будет от города Ельца.

---

[1]) Поприще — древне-русская мера длины, примерно верста.

— И сам Мамай с нею?

— Истина, княже. Своими очьми его видел.

— Обскажи всё.

— Стояли мы стражею на Дону, чуть пониже Быстрой Сосны, — начал Попов, — я, Родион Жидовинов, Федька Милюк[2]), да с нами с пол-ста воев. Ну, Задонье блюли мы крепко и едва татары пошли через Воронеж, мы уж о том знали. Сила у поганых несметная, — дни и ночи шли как саранa, — черна была степь и не виделось им ни конца, ни краю. А как стала орда близь Дону, взял я двух воев и почали мы ее объезжать кругом, дабы уразуметь сколько есть силы басурманской, и что можно высмотреть. Днем хоронились в кустах и в балках, а ночью ехали и за двенадцать ночей едва обкружили татарский стан! Ну, на тринадцатую ночь подобрался я к ним поближе, послухать о чем толкуют у костров поганые, только забрехал на меня татарский пёс и меня схватили.

"Наутро привели к самому Мамаю. Спросил он — кто я есть, я запираться не стал, — и так и так, думаю, смерть. Но он не осерчал, ухмыльнулся. — "Да, говорит, хоть все приезжайте сюды глядеть! Идут со мною двенадцать орд и три царства, а в службе у меня семьдесят три князя больших, да тридцать малых, а силы моей считанной сорок шесть темь[1]) да, может, еще полстолька будет несчитанной. И, опричь того, всякий день подходят ко мне новые орды. И всю эту силу, каковой и у Батыя не было, веду я на Русь, на вашего князя Дмитрея Ивановича!“ И сказав такое, повелел он меня увести. Ну, видя что Мамай беседовал со мною милостиво и казнить не велел, стерегли меня не дюже крепко и молитвами Радонежского угодника да твоим го-

---

[2]) В этом повествовании приводятся все имена русских людей, — князей, бояр, воевод, служилых дворян, купцов и простых воинов, — участников Куликовской битвы, которые автору удалось обнаружить в летописях и иных документах эпохи. Их немного более ста и они заслуживают того, чтобы их не забыло потомство.

[1]) Тьмою на Руси назывались десять тысяч. У татар — тумен.

сударевым счастьем, через ночь я сбег и привез тебе свои вести.

— Так... Сколько же, мыслишь ты, поистине есть войска у Мамая? Неужто он тебе правду сказал?

— Должно быть, прилгнул Мамай, княже, не без того. Счесть я, вестимо, не мог, а так прикидывал, что туменов у него будет поболе тридцати, может и сорок наберется.

— Ну, добро, иди. Службу твою не забуду.

Времени терять было нельзя и Дмитрий в тот же день разослал гонцов по всем русским городам, повелевая войскам к Успению святой Богородицы[1]) собраться у города Коломны. На реку Быструю Сосну он отправил заставу в семьдесят испытанных воинов, под начальством молодых детей боярских Василия Тупика, Андрея Волосатого и Якова Ослябьева, наказав им бдительно следить за всеми передвижениями орды, а также захватить у татар "языка", — не простого воя, а мурзу либо сотника, — и прислать его поскорее в Москву.

Русская земля всколыхнулась и пришла в движение от края и до края. Но ни суеты ни растерянности не было, — всё шло ладно и споро, как было предусмотрено великим князем, ибо народ ему верил и каждый хотел, в меру сил своих, послужить святому делу спасения Отчизны. В приемные станы свозили хлеб и гречиху, гнали гурты скота, косяки лошадей; по дорогам тянулся к Москве и к Коломне пеший и конный люд, двигались отряды всадников, шли обозы с оружием и запасом; в церквах служили молебны, в селах и деревнях снаряжали ополченцев в войско: матери и жены укладывали в котомки немудреную снедь, целебные травы и медвежий жир для лечения ран, не забывали положить и по чистой белой рубахе, чтобы надел ее воин перед битвой, дабы не предстать перед престолом Божьим в непотребном виде, ежели выпадет ему смертный жребий. Никто не голосил и не плакал, —

---

[1]) 15 августа по старому стилю.

для того еще будет время, — да и что̀ убиваться-то по одному, когда встаёт на врага вся Святая Русь и коли не выстоит, — никому в ней живу не быть...

Слухи о том, что Русь деятельно готовится к отпору и что под знамена князя Дмитрия отовсюду стекаются войска, вскоре дошли до Мамая, поколебав его уверенность в легкой победе. Он понимал, что русские, одержимые идеей освобождения, будут сражаться с предельным упорством, а в стойкости своего собственного войска, — разноплемённого по составу и заинтересованного только в грабеже, — не был уверен. Успех своего похода он строил на огромном численном превосходстве и вот, это единственное его преимущество рушилось, если Дмитрию удастся собрать во̀йска не меньше.

Помощь Литвы и Рязани приобретала теперь для Мамая особенно важное значение, но во-время ли придет эта помощь? Он посылал к Ягайле и к князю Олегу гонца за гонцом, торопя их с выступлением, но ни тот ни другой не спешил. Правда, Ягайло выступил из Вильны в начале июля, но за три недели не прошел и трехсот верст; князь Олег Рязанский отвечал, что и рад бы угодить хану, но сборы войска идут медленно потому, что после двух последних татарских набегов, земля его обезлюдела. Разгневанный таким ответом, Мамай повелел ему сказать: — "я стою на рубежах твоей земли и если ты не исполнишь обещанного, превращу ее в пастбище для моих коней!“

Положение князя Олега Ивановича было трудным: совесть не позволяла ему сражаться на стороне татар, против своих, но в то же время он знал, что в случае неповиновения Мамай его не пощадит. Он мог двинуться на Москву через Рязанское княжество и по пути обратить его в пустыню. Правда, можно было решительно стать на сторону Дмитрия, но это значило — признать его главенство, а себя поставить в общий ряд с подвластными Москве князьями, чего Олег Иванович никак не хотел. Но и такой шаг едва ли спас бы его от мести Мамая, который стоял в четырех днев-

ных переходах от его столицы и мог поспеть туда гораздо раньше, чем подойдут московские войска. Таким образом, вся изворотливость Рязанского князя была направлена к тому, чтобы остаться в стороне от столкновения Москвы с Ордой и не попасть между молотом и наковальней. И потому, получив грозное предостережение Мамая, он ответил ему новыми изъявлениями покорности и обещаниями поторопиться с выступлением, а в Москву сейчас же отправил гонца, с вестью о том, что Мамай движется на Русь через Рязанские земли, угрожая их разорением, и что литовский князь Ягайло ведет свое войско на соединение с ордой.

Эту чрезвычайно важную новость Дмитрий Иванович слышал впервые, но тем не менее рязанского посла он принял сурово.

— Скажи своему князю, — ответил он, — что я татар не боюсь, а коли он их боится, почто не идет с нами? Вся Русь ныне здесь, под моими стягами, одного лишь Рязанского князя нет. А ежели мыслит он и со мною и с Мамаем ладиться, я его землю боронить от Орды не стану и пусть от меня добра не ждет!

Не имея уверенности в своих союзниках, Мамай, между тем, сделал попытку, не роняя своего достоинства, избежать войны с Дмитрием: он прислал к нему посла, обещая мир, если Русь согласится платить Орде ту дань, которая была установлена Батыем[1]). Дмитрий Иванович, желая выиграть время для окончания своих сборов, не отверг сразу этого предложения. Татарского посла он продержал несколько дней, а потом отпустил его ни с чем, сказав что посоветуется с другими князьями Русской земли и тогда пришлет свой ответ хану.

Но еще прежде того, он отправил к месту расположения орды новый разведывательный отряд, под началом воевод Ивана Сеславина, Григория Судакова и Клементия Полева, с наказом вызнать, — верно ли то, что Мамай поджидает подхода Ягайлы, а также захва-

---

[1]) Дань эта была установлена в размере "десятины", т. е. десятой части государственных доходов. Так она и выплачивалась до вокняжения Дмитрия Донского, который ее значительно урезал.

тить и прислать в Москву татарского "языка", поелику от первого посланного отряда никаких вестей до сих пор не было.

Но два дня спустя, в Москву приехал сын боярский Василий Тупик, с захваченным им татарином. Пленник оказался одним из приближенных Мамая и сообщил важные сведенья. Он сказал, что за Доном стоит орда, численностью свыше тридцати туменов, не считая многих тысяч наёмников, и что Мамай только и ожидает подхода войск Ягайлы и князя Олега Рязанского, чтобы двинуться на Русь и покончить с Дмитрием еще до наступления осенних дождей.

То, что Рязанский князь обещал свою помощь Мамаю, было для Дмитрия новостью, хотя и не очень его удивившей. Слухи о сговоре Мамая с Ягайлой тоже получили теперь свое подтверждение. И стало очевидно: Руси угрожает гибель, предотвратить которую можно только быстротой и смелостью действий. И Дмитрий решил не ожидать нападения, а первым ударить на татар, не давая им времени соединиться со своими союзниками.

Было начало августа, а по словам плененного татарина, Мамай ожидал подхода Ягайлы и Олега Рязанского к первому сентября. Нельзя было терять ни дня и Дмитрий Иванович сейчас же отдал приказ находившимся у Москвы войскам готовиться к выступлению на Коломну.

Вечером того же дня, он вызвал к себе воеводу Захария Тютчева, хорошо говорившего по-татарски и слывшего человеком невозмутимо-спокойным и находчивым.

— Готовься послужить Руси, Захар Матвеевич, — сказал великий князь вошедшему боярину. — Ночь тебе на сборы, а с зарею выедешь послом моим в Орду.

— Сборы мои недолги, княже: коли есть спех, то и в ночь выеду, — ответил Тютчев. Он был еще молод, ясноглаз и хорош собою. И сердце Дмитрия на мгновение сжалось.

"Почитай, на смерть посылаю, — подумал он. — Да ведь все на нее идём. Днем раньше, днем позже, —

что уж там… Кому-то ехать надо, а лучше него на такое дело никого не сыскать". И вслух сказал:

— Выедешь утром. Повезешь грамоту мою Мамаю и в той грамоте будет отписано, что дань ему готов платить такую, как платил доселева, ни рубля больше. А пока он свою орду с Дона не уведёт, и того не дам! О десятине же пусть позабудет, — прошли те времена. А ежели ответ мой будет ему не по сердцу и схочет он со мною биться, скажи, что я к тому готов, только пусть наперед крепко подумает, — не пришлось бы ему платить мне десятину!

— Скажу, государь, — просто ответил Тютчев.

— На рожон, однако, не лезь, — продолжал Дмитрий. — Как хана его почти, но после держись достойно, как подобает посланцу Великой Руси. За мои слова ты перед ним не ответчик, а вот за свои, — гляди, не перегни… Всё что я тебе покуда сказал, это еще полдела. А наипаче надобно мне Мамая распалить, чтобы в сердцах снялся он с кочевья и пошел на нас, не ожидая Литву и своих рязанских пособников. Разумеешь? И в том уповаю на твое умение. В речах своих будь ловок и так всё оборачивай, чтобы Мамай на меня взъярился, а не на тебя. Коли поведешь дело с умом — и Руси сослужишь службу великую, и сам будешь цел. Но ежели так выйдет, что он весь гнев свой на тебя изведёт, а сам останется ждать Ягайлу и Рязанского князя, — и тебе конец, и мне никакого проку. Помни это.

— Разумею, княже. Чести русской не посрамлю и доверия твоего не обману.

— Тому верю. Знаю тебя. Поезжай через Рязанскую землю и по пути погляди да послушай — что там и как? Коли сведаешь что важное, немедля шли ко мне гонца. В Орде тоже держи глаза открытыми и старайся всё примечать. С собою возьми сотню добрых воев, только не доезжая дня до Мамаевой ставки, её где-нибудь схорони, а сам явись к хану с двумя либо тремя боярскими детьми да со слугами. Сотня тебе может в пути сгодиться, — мало ли кого ноне встретишь!

— Всё сделаю, как велишь, государь.

— Ну, тогда с Богом, иди сбирайся. Перед выездом зайди, простимся и возьмешь грамоту, — будет готова.

Отпустив Тютчева и приказавши дворцовому дьяку изготовить к утру грамоту для посла, Дмитрий Иванович созвал к себе находившихся в Москве князей и воевод, чтобы совместно обсудить подробности похода и установить порядок движения полков.

Было очевидно, что Коломна не сможет вместить всех собранных войск, большая часть которых находилась сейчас в окрестностях Москвы, очень важно было также избежать заторов на дорогах, а потому решили, что князь Владимир Андреевич Серпуховский и воевода Тимофей Вельяминов, — каждый во главе тридцатитысячного отряда, — двумя различными дорогами, минуя Коломну, пойдут прямо к выбранному для переправы через Оку месту, возле впадения в нее реки Лопасни; князь Федор Романович Белозерский и его сын Иван, с двадцатьюпятью тысячами воинов, одновременно двинутся на Коломну, а три дня спустя, за ними выступит и сам великий князь, с главными силами, численностью около шестидесяти тысяч человек. Все остальные войска уже находились в Коломне или подходили к ней прямыми дорогами из различных удельных княжеств.

* * *

За день до начала похода, Дмитрий Иванович, с главными воеводами, отправился в Троицкую обитель. В ту пору митрополита в Москве не было[1]), преподобный же Сергий, несмотря на скромный сан игумена, являлся наиболее чтимым на Руси пастырем и потому именно от него хотел русский государь получить благословение на ратный подвиг.

В обитель приехали утром. Здесь, посреди обширной лесной поляны, обнесенной деревянным тыном, высилась большая, но незатейливая на вид бревенчатая

---

[1]) Временный глава русской Церкви, архимандрит Митяй, в эту пору находился на пути в Константинополь, куда он выехал для посвящения в митрополиты.

церковь, в которой как-раз совершалось богослужение. Справа и слева от нее, рядами тянулись такие же бревенчатые кельи иноков, сзади виднелась монастырская трапезная и всевозможные службы.

Князь Дмитрий, сопровождаемый воеводами, вошел в церковь и окинул взором ее внутреннее убранство. Низкий иконостас, с решетчатыми царскими вратами, — сквозь которые молящимся хорошо была видна вся внутренность алтаря — и потемневшие бревенчатые стены в полумраке сверкали золотом и самоцветами множества икон в драгоценных окладах, пожертвованных монастырю князьями и боярами. Среди этих сокровищ, подлинной отрешенностью веяло от хрупкой фигуры седовласого подвижника Сергия, в скромном холщевом облачении служившего литургию. Голос его был тих и мягок, в возгласах не было ничего торжественного, — великое искусство его служения заключалось в полной его безыскусственности, — это была простая и задушевная беседа с Богом, сразу и целиком приобщавшая к себе сердца и мысли молящихся, которых Сергий, казалось, вовсе не замечал.

С радостной легкостью поддавшись охватившему его ощущению близости Бога, Дмитрий горячо молился. Но шепча, по привычке, заученные с детства слова уставных молитв, он внезапно осознал, что они не вмещают тех чувств, забот и тревог, которые тяжелым грузом лежали на его душе. И сердце нашло и подсказало ему иную молитву, — простую и немногословную, но чудесным образом выразившую всё: — "Господи великий, — шептал он, — услыши молитву мою, на Тебя одного уповаю! Не дай погибнуть Руси! Сколько уже претерпела она, страдалица, нету силы еще терпеть! Пособи же верным сынам Твоим одолеть врага, благослови оружие наше! Ты видишь, Господи: не ради возвеличения своего обнажаю я меч, а в защиту родной земли и неисчислимых святынь Твоих. Вложи же в этот меч всю разящую силу Твою, а жизнь мою, коли нужно, возьми, — с радостью предстану перед Твоим святым престолом, исполнивши земной долг мой!"

Окончив службу и не ожидая когда великий князь подойдет под благословение, Сергий, с золотым распятием в руке, сам направился к нему и осенив его широким крестным знамением, сказал:

— Буди здрав на многие лета, великий государь! И да исполнит Господь твою молитву!

— Благослови, отче святый, — промолвил Дмитрий, приложившись к кресту и опускаясь на колени. — Благослови и молись за нас, ибо час настал!

— Знаю, сыне. Иди смело и исполни долг, Богом тебе завещанный! Избрав тебя орудием своей всевышней воли, Господь не оставит тебя в решающий час. Благословляю тебя и христолюбивое воинство твое на великий подвиг освобождения Руси, а молитва моя и заступничество всех святых земли нашей, всегда будет с вами!

Часом позже, после скромной трапезы, давая последнее напутствие великому князю, Сергий сказал:

— Знаю, много прольется христианской крови и ангелы Божьи уже плетут в небесах неисчислимые мученические венцы. Но ты, княже, своего еще не возденешь, ибо прежде того украсится чело твое венцом славы. Ты вернешься с брани живым и с победою!

— Да услышит тебя Господь и да исполнит Он по слову твоему, отче, — взволнованно промолвил Дмитрий. — Не себе славы ищу, а величия и блага Руси! И еще прошу, отче Сергий, дай мне на поход кого-либо из братии твоей. В том будет великая помощь войску моему, ибо укрепится оно духом, видя с собою на ратном поле посланца и молитвенника твоего!

— Добро, — сказал Сергий, минутку подумав. — Двоих тебе дам братьев, иноков Пересвета и Ослябю. Крест животворящий ныне избрали они своим оружием, но коли дрогнет твое войско и будет надобно примером ободрить его, — благословлю их и мечом постоять за Христову веру, ибо были они в миру славными витязями[1]). Иди же, сыне, Бог приведет тебя к победе!

---

[1]) Иноки Александр Пересвет и Родион Ослябя до пострижения были боярами и воеводами Брянского княжества.

ГЛАВА 10.

"И съвокупися князь великии Дмитрей Ивановичь со всеми князьями рускыми и со всею силою Руской земли, и поиде вборзе из Москвы противу поганых и прииде на Коломну, индеже собрав воев своих сто и пятьдесят тысящь, опричь рати иных князей и воевод местных. Еще к тому приспеша в той грозный час издалече князи Ольгердовичи, поклонитися и послужити: князь Андрей Полоцкии со псковичи и брат его Дмитрей Бряньскии со всеми своими мужи. И от начала миру не бывала такова сила руских князей, якоже при сем князи".

Повесть о побоище на Дону (XV в.).

Восемнадцатого августа великий князь, с главными силами, прибыл в Коломну, встреченный у городских ворот сонмом духовенства, во главе с коломенским епископом Герасимом, и множеством князей и воевод, уже находившихся на месте сбора.

Город был переполнен и все окрестности его, на много верст кругом, представляли собой сплошной военный лагерь. Даже поднявшись на сторожевую башню коломенского кремля, Дмитрий Иванович не мог оглядеть всего этого ратного моря. Всюду, куда ни посмотри, виднелись сложенные из свежих ветвей шалаши воинов и походные шатры воевод; над ними реяли разноцветные стяги, сверкали острия составленных вместе копий, курились дымки бесчисленных костров; тут и там, на блеклой предосенней зелени полей, черными островами стояли сотни и тысячи тесно сдвинутых телег, паслись огромные гурты скота и табуны лошадей. Среди всего этого, всюду бродили, сидели и лежали люди и было их столько, что, казалось и счесть немыслимо . . .

—А ведь это еще не все, — с гордым удовлетворением подумал Дмитрий: — шестьдесят тысяч пошли из Москвы прямо на Лопасню, да еще в пути к нам сколь-

ко пристанет! Быть того не может, чтобы татары одолели такую силу!“

Дмитрию хотелось сразу же пуститься в объезд лагеря, но его ждали на богослужение, к тому же он подумал, что будет лучше дать войску время подготовиться к общему смотру, а потому решил отложить это на завтра и предупредив о том воевод, отправился к обедне.

Служил ее сам владыка Герасим, в старой но просторной деревянной церкви Христова Воскресения, возле которой уже заканчивали постройку нового каменного храма того же имени, — самого обширного и величественного из всех дотоле бывших на Московской Руси. Но именно с этой, уже обветшалой и обреченной на снос бревенчатой церковью у Дмитрия были связаны особые воспоминания: четырнадцать лет тому назад, его, почти отрока, венчали в ней с Евдокией Дмитриевной Суздальской. И охваченный этими воспоминаниями, он никак не мог сосредоточиться на молитве.

"Будто и не много лет минуло, — думал он, — а сколь меняются времена! Брал Евдокию ее не зная, только лишь того ради, что надобно было породниться с Суздальскими князьями, — боялись мы их в ту пору. Сильны были и спесивы: не хотели ехать в Москву на свадьбу, пришлось уступить и венчаться тут в Коломне. А ныне они предо мной не князья, а князишки, коли захочу, — пешки в Москву придут! За женку же им спасибо, слюбились с нею и живем дай Бог всякому... Как убивалась-то, бедняжка, меня на рать провожаючи!“

Вечером в полки были назначены воеводы, а утром следующего дня, когда вся рать была собрана на обширном Девичьем поле, близь города, — из кремлевских ворот выехал и направился к ней великий князь Дмитрий Иванович. Обычно скромный в одежде, сегодня он счел нужным показаться войску во всем блеске своего боевого облачения. Его шлем, оплечья и зерца-

ло[1]) кольчуги сверкали золотом, на плечи была накинута отороченная горностаем алая епанча.

Роскошно был убран и его могучий белый конь: под драгоценное седло, с лукою искрящейся огнями самоцветов[2]), был положен богато расшитый жемчугом малиновый чепрак; узда, оголовье и нагрудник были изукрашены золотыми бляхами и кистями, а лоб коня — закрыт трехугольным золотым щитом, со звездою, выложенной на нем из крупных лалов[3]). И только боевой меч с крестообразной рукояткой, в простых черных ножнах висевший на боку у Дмитрия, не соответствовал всему этому великолепию и каждому красноречиво напоминал о том, что привело их сюда.

Справа и шага на два сзади, окольничий Иван Кутузов вёз развернутый черный стяг великого князя, с вышитым на нем изображением Нерукотворного Спаса. Слева, и тоже чуть поотстав, ехал воевода Михайла Бренко, ведавший учёт войску, а сзади — еще человек десять приближенных, все, как и государь, в боевых доспехах. Князья и воеводы стояли на поле, впереди своих полков, но по мере того как Дмитрий объезжал их, они тоже присоединялись к его свите.

Войска были построены покоем[4]), по трем сторонам поля и первым с краю стоял Белозерский полк. Конных тут было мало, но зато пеших многие тысячи и народ всё здоровый, рослый, — "подстать своим князьям, — с удовлетворением отметил про себя Дмитрий. — Высок и дороден Федор Романович, а князь Иван на пол-головы перерос отца, — истинный богатырь! Воины глядят смело и одеты не плохо. Доспехов, правда, почти не видать, но щиты хороши, мечей и копий много, у кого же нет, — у тех, луки, топоры, либо па-

---

1) Зерцало — дополнительный защитный доспех, одевавшийся поверх кольчуги и состоявший из стальных, иногда вызолоченных пластин, на груди круглой и соединенных с нею боковых, четырехугольных.

2) Самоцветы — драгоценные камни.

3) Лал — рубин.

4) Покоем в славянском алфавите называлась буква П.

лицы. Эти будут биться! Эх, кабы все были такие, как белозерцы, татары бы и дорогу на Русь забыли!"

Вторым стоял полк Тарусских и Оболенских князей[1]). Он был вполовину меньше Белозерского, но зато весь сидел на конях и тут многие воины были в кольчугах и в шлемах. Перед серединой полка, окруженный десятком князей и воевод, бородатый великан-витязь, сидя на вороном коне, держал голубой черниговский стяг, с изображением архангела Михаила. — "Эти князья хотя и не столь богаты, а в грязь лицом не ударили, — медленно проезжая мимо, подумал Дмитрий. — Видать, ничего для войска не пожалели, да и сами вышли, почитай, все: и старики Ивановичи тут, и племянники их, и внуки... Господь знает только, все ли домой воротятся?"

Миновав еще Муромский полк, по численности не уступавший Тарусскому, но снаряженный похуже, Дмитрий Иванович придержал коня у следующего. Это были Моложцы. Их было немного, — тысячи с три, — но все конны и хорошо вооружены. Впереди полка, на поджаром золотисто-рыжем жеребце, сидел ладный русобородый всадник, в сверкающих начищенной сталью доспехах и в посеребренном шлеме-ерихонке. Это был князь Федор Михайлович Моложский, сверстник Дмитрия, товарищ детских игр и неизменный участник всех его войн и походов.

— Вот и еще привёл Господь встретиться, Федя, — ласково сказал Дмитрий, подъезжая к нему. — Ну, здравствуй на долгие годы! Обнял бы тебя, да на коне и в доспехах несподручно. Снова, значит, вместе в сечу пойдем?

— Куда ты, туда и я, княже! Доколе жив, послужу тебе и святой Руси.

— Славных ты молодцов привел. Я уж знаю: добро бьются твои моложцы!

---

[1]) Это был общий княжеский род, идущий от кн. Юрия Тарусского, — младшего сына вел. князя Михаила Черниговского. Оболенское княжество было уделом Тарусского.

— Не обессудь, что мало, Дмитрей Иванович: повыбили моих людишек-то в последних войнах.

— Кто тебя осудит! Чай, на моей службе костьми легли. Ну, езжай за мною, поглядим других.

Вот стоят Ярославский, Ростовский, Углицкий, Стародубский полки... Вьются над ними алые, синие и желтые стяги, серебром и золотом светятся доспехи стоящих впереди князей и воевод. А воины, хотя и много их, снаряжены не богато. Конные еще туда-сюда, а больше пеших и тут доспеха ни на ком не увидишь. Кто в тягиляе[1]), а кто и просто в кожухе и в войлочной шапке, с понашитыми сверху железными бляхами и пластинами. На ногах лапти... Щиты деревянные, у кого обитые кожей, а у кого и так. Да и плетённых из лозы немало. Но люди глядят весело и биться будут, — знают, что идут за святое дело и что с ними Бог. А доспехи и щиты что же? Где их напастись на эдакое войско!

А вот и мещеряки, с князем своим Юрием Федоровичем. Ныне их с русскими почти и не различишь, а ведь дед родной этого князя, Беклемиш, еще был язычником! Только и остались у них от мещерской старины кожаные шапки, да такие же латы, но это не плохо, — в битве они надежней тягиляев.

Объехав еще несколько полков, приведенных удельными князьями, Дмитрий Иванович, за которым следовало теперь не менее сотни военачальников, свернул вправо и поехал вдоль той стороны поля, где были выстроены войска собранные в московских землях.

Здесь, под желтым стягом, с изображением святого Георгия Победоносца, первым стоял Передовой полк, — все коренные москвичи, под началом воевод братьев Всеволожских, — Дмитрия, Владимира и Ивана Александровичей. Этот полк, насчитывавший десять тысяч всадников, был гордостью Дмитрия. Лошади тут были

[1]) Тягиляй — стеганная, на шерсти, толстая куртка с высоким воротником, обычно кожаная. Для предохранения бойца от сабельных ударов, в нее вшивались куски железа, проволока и т. п.

на подбор, воины рослые, уже испытанные во многих битвах, почти все в кольчугах и в шишаках, с кованными круглыми щитами, при мечах и с длинными копьями, к которым, под лезвием, были приделаны железные крючья, чтобы стаскивать противника с седла.

"Эх, кабы все войско мое было таково, — думал Дмитрий, нарочито медленно проезжая мимо бородатых богатырей, провожавших его преданными глазами, — я бы тогда и татар, и литву и немцев повоевал, ни единой пяди русской земли под ними бы не оставил! Оно, правда, и так своё отберем, только долго будет и тяжко... Коли я не успею, сыны мои, либо внуки сделают".

Далее стоял Коломенский полк, куда главным воеводою был поставлен государев свояк, Микула Васильевич Вельяминов, а за ним Владимирский и Юрьевский полки, под водительством боярина Ивана Окатьевича Валуева и племянника его Тимофея Васильевича. — "И эти все хороши, — думал Дмитрий, пытливо оглядывая нескончаемые ряды воинов, тянувшиеся мимо. — На многих доспехи, лапотников почти не видать и оружны как подобает. А вот Костромичи похуже, — мысленно отметил он, подъезжая к следующему полку, перед которым сидел на коне воевода Иван Григорьевич Драница[1]). Рыжие усы его уже запорошила седина, он был в русских доспехах, но на боку его висел тот же самый клыч в малиновых ножнах, с которым он, двенадцать лет тому назад, приехал из Прусской земли поискать счастья в службе Московскому князю.

— Погоди, Миша, — придерживая коня, обратился великий князь к боярину Бренку, — тут же у нас воеводою был поставлен Иван Квашня. Куда он подевался?

— Занедужил Иван Родионович, княже. Цельную ночь брюхом маялся и ныне лежит кулём. А Драница у костромичей вторым.

---

[1]) Потомки Драницы впоследствии приняли фамилию Чуриловых.

— Стало быть, расквасился наш Квашня! Ну, гляди, коли завтра ему не полегчает, пускай остается в Коломне. Драницу на его место главным, а в подручные ему братьев Нелидовых!

— Нелидов Иван с Серпуховским ушел, княже, а Юрия взял с собою посол твой, Тютчев.

— Ну, тогда Кожина и Белоусова к Дранице!

— Сделаю, как велишь, Дмитрей Иванович.

— И еще, чтобы не забыть: Валую в помощь добавь Федора Грунка и Михайлу Челядню. Велик Владимирский полк, туда надобно поболе воевод поставить.

— Не забуду, княже.

Миновав Дмитровский полк, с воеводою Михайлой Ивановичем Окинфиевым, великий князь подъехал к Переяславскому, стоявшему на московской стороне поля последним. Сюда воеводою был назначен Андрей Иванович, сын татарского царевича Серкиза, — ныне московского боярина, состарившегося на службе Руси и слабого ногами, а потому оставленного Дмитрием в Москве. К своему удивлению, князь увидел теперь старика-царевича, в полном боевом облачении сидящим на коне, рядом с сыном.

— Не ждал тебя здесь увидеть, Иван Ахметович, — промолвил Дмитрий, подъезжая к нему. — Что, не усидел в Москве?

— Приехал, княже, — с легким татарским выговором ответил старик. — С сыном буду. Не обык я сидеть позади, когда другие в битву идут.

— Да нешто мало ты на веку повоевал? Чай, заслужил отдых. Ну, куда ты, с твоими ногами?

— Ноги ничего, государь. На коне я еще крепко сижу.

— Ну, а коли с коня собьют? Стар ведь ты, друже!

— Бог был милостив к моему роду, князь: у нас никто еще не умирал на постели. Коли я Его сильно не прогневил, верю что и мне Он пошлет хорошую смерть.

— Стало-быть, идешь ты со мною, чая этой "хорошей" смерти?

— За хлеб и за ласку твою, Дмитрей Иванович, хочу послужить тебе еще, как могу, — ответил царевич, поднимая на Дмитрия чуть раскосые и уже обесцвеченные старостью глаза. — А жизнь и смерть наша в руках Божьих.

С минуту Дмитрий молча глядел на старика, потом подался вперед и крепко сжал его руку.

— Эх, Иван Ахметович, верный ты друг! Ежели бы все служили мне как ты, иного бы не желал. Ну, что ж, коли так, езжай с нами и да сохранит тебя Господь!

Третью сторону поля занимали войска, приведенные братьями Ольгердовичами и русскими удельными князьями, находившимися под властью Литвы. Взглянув на них, Дмитрий не мог скрыть своего удивления и радости: такой помощи с этой стороны он не ожидал. Тут было не менее шестидесяти тысяч воинов, все на конях и в большинстве хорошо вооруженные.

Особенно выделялись псковичи князя Андрея Ольгердовича. То ли воеводы их так умело поставили, то ли и впрямь все они были такие, но проезжая вдоль Псковского полка, Дмитрий видел перед собою одинаково рослых и крепких молодцов, даже лицами, будто, схожих. Все их передние ряды были в доспехах, с железными щитами и копьями; среди начальных людей[1]), на многих были кованные немецкие панцыри и шлемы с решетчатыми забралами, но в задних рядах Дмитрий заметил и тягиляи, что вызвало в нем легкую досаду. — "Богат Псков, да малость прижимист, — подумал он, — ему бы ништо и всех в кольчуги одеть". Но подъезжая к сверкавшему позолотой колонтаря[2]) псковскому князю, он сказал:

— Экие у тебя орлы, Андрей Ольгердович! Ты, может, нарочно таких брал, а неказистых оставлял дома? Гляди, плохой приплод будет у псковичей, ежели эти не вернутся с поля.

---

1) Начальные люди — начальники.

2) Колонтарь — защитный доспех, состоявший из нашитых на кольчужную или кожаную основу горизонтальных, во всю грудь металлических пластин.

— Да нет, Дмитрей Иванович, во Пскове они все таковы. Крепкий народ псковичи!

— Ну, значит, к месту ты им пришелся, авось не сгонят, как сгоняли иных князей, — улыбнулся Дмитрий, оглядывая высокую и жилистую фигуру князя Андрея, который, несмотря на свои пятьдесятпять лет, казалось, находился в расцвете сил.

Отряд Брянского князя своим видом и численностью тоже порадовал Дмитрия Ивановича. Тут, среди воинов и воевод, его намётанный глаз замечал немало литовцев и это заставило его внутренне усмехнуться: "Сколько с ними пришлось повоевать, а вот теперь они за меня в битву пойдут", — подумал он.

За брянцами в поле стояло несколько отдельных, сравнительно небольших конных полков. Чьи они — Дмитрий не знал, но Бренко, по мере того, как великий князь со своею свитой продвигался вперед, подсказывал:

— Смоленцы, с князем Иваном Васильевичем... Карачевцы... Козельцы... Новосильцы... Ельчане...

Смотр кончился поздно. После него, на середину поля вышел епископ Герасим, в сопровождении всего коломенского духовенства и отслужил напутственный молобен. Потом, пока он благословлял князей и воевод, а затем, поворачиваясь на все стороны и высоко поднимая в обеих руках распятие, крестил стоявшие вокруг полки, — священники и служки ходили по рядам и кропили воинов святой водой.

Перед тем как отпустить с поля войска, Дмитрий собрал вокруг себя всех старших военачальников и сказал им:

— Слушайте меня, братья! Надо бы мне слово молвить воинству, да не стану: все равно мало кто меня услышит, — эдакую рать не то что голосом, — глазом не охватишь! А потому слово свое вам скажу, вы же по полкам повторите: пусть всякий знает, что близится час пострадать за Русскую землю. Тяжко будет и многие не вернутся с поля, но ежели оплошаем — и Руси не быть! Только знаю, — не оплошаем и

врага побьем, и пусть все тому верят, как я верю! Сила наша велика, но сильнее того мы помощью Божьей, заступою всех святых земли нашей и молитвами угодника Сергия. Пусть же каждый, не щадя живота, постоит за Русь, за святыни православные, за семьи свои, за родные города и села! И людям скажите: сам я буду биться бок о бок с ними, как простой воин и коли приму за Отчизну венец мученический, — буду рад, ибо для себя лучшей кончины не мыслил.

С минуту вокруг царило молчание. Потом чей-то голос возле Дмитрия произнес:

— Великий государь! Какая ж то будет победа, ежели татар прогоним, а ты падешь?

— За Русь будем биться, не за меня! — ответил Дмитрий. — Я же, поелику от Бога получил власти, богатства и чести больше нежели все иные, — перед Ним и перед землею своей наибольший должник[1]). Ну, о том кончено, — добавил он другим голосом. — Уводите с поля людей, а завтра с зарею в поход! До Лопасни пустить наперед пеших и обозы, конница выступит днем либо двумя позже. А уж за Окою пойдем иным порядком.

Великий князь уже собирался уезжать с поля, когда к нему приблизилось несколько человек, судя по одежде, купцов. Разом сняв шапки, все они поклонились в землю.

— Дозволь слово молвить, великий государь, — сказал стоявший впереди других.

— Молви, — ответил Дмитрий, придерживая коня. — Кто такие?

— Сурожские гости мы[2]), великий государь! Я —

---

[1]) Подлинные слова Дмитрия.

[2]) Купцы — выходцы из крымского города Сурожа, нынешнего Судака. Это бывшая греческая колония, возникшая в III веке, позже захваченная славянами и превратившаяся в русский город Сурож, который входил одно время в состав Тмутороканского княжества. Его торговое значение в областях, прилегающих к Азовскому морю было так велико, что и само море это тогда называли Сурожским. Позже этот город захватили половцы, а в

Козьма Хаврин, а со мною тут Василей Капица, Костянтин Петунов, Олферьев Сидор, да Тимофей Весяков, да Митрей Черный, да еще Антон Верблюзин, да братья Саларевы — Михайла и Дементий, да Иван Ших.

— Сурожане! Некомата дружки? — нахмурился Дмитрий.

— Не кори нас им, батюшка государь! — воскликнул Хаврин. — Какой он нам друг, разбойник проклятый! Что сраму-то за него натерпелись! Он нам лютый ворог, как и тебе!

— Чего же хотите вы? — смягчаясь спросил Дмитрий.

— Челом тебе бьем, княже великий: Русь и нам стала матерью, хотим за нее головы сложить! Повели принять нас в твое войско.

— Добро, — сказал Дмитрий, секунду подумав, — Коли так, и Русь вас и детей ваших не забудет. В войско вас беру. За торговой надобностью ездите вы по разным странам, так вот, кто из вас жив останется, пусть расскажет там, как билися мы за родную землю! Михайла Андреевич, — обратился он к Бренку, — поставь их по разным полкам, чтобы добре всю битву увидели.

***

Ночью великого князя разбудили: возвратился из Орды боярин Тютчев. Дмитрий пожелал его видеть точас и наспех одевшись, принял своего посла. Тютчев, скакавший несколько дней почти без отдыха, был покрыт пылью и еле держался на ногах от усталости, но его почерневшее от солнца лицо излучало безмятежное спокойствие, которое сразу передалось и Дмитрию.

— Слава Христу, — воскликнул он, обнимая воеводу, — жив ты, Захар Матвеич! Боялся я за тебя... Ну как? Говорил с Мамаем?

— Говорил, великий государь.

1365 году генуэзцы, назвавшие его Сольдаей. Столетие спустя, им овладели турки. В дальнейшем, под властью крымских ханов, Сурож захирел, утратил всякое торговое значение и России достался в виде развалин.

— Ну и что? Да ты садись, чай притомился изрядно. Где застал орду?

— За Доном, княже, чуть ниже Красивой Мечи.

— А велика ли?

— Велика, но не столь, как Мамай кажет. Более трехсот тысяч едва ли будет.

— Ну, сказывай всё, с самых начал!

— Доехал я без помех, княже, и принял меня Мамай в тот же час, по началу будто, милостиво. Спросил о твоем здоровьи, — всё по чину, — должно думал, что ты согласился платить ему десятину и с тем меня прислал. Но когда вычитал ему толмач твою грамоту, он враз озверел. Стал кричать, что еще до зимы обратит Москву во прах и что ты будешь ему ноги целовать. Снял с себя чувяк и мне суёт, — на, говорит, отвези своему князю, чтобы загодя целовать его наловчился! Я, вестимо, не беру и ему ответствую, что о моем государе слушать мне такое не подобает. А свой чувяк, говорю, ты, хан, побереги: он тебе сгодится когда будешь бежать от Москвы, ибо земля наша для татар колючая, — коли побежишь босиком, попортишь ножки.

— Так и сказал? — в восхищении воскликнул Дмитрий.

— Так и сказал, государь. Юрий Нелидов да Тимофей Кикин при том были.

— Ну, а Мамай что?

— Он сперва обомлел на миг, а после крикнул страже, чтобы меня схватили и вели на казнь. Скрутили мне его нукеры руки, а он тогда спрашивает: может я еще что сказать имею? Я говорю: сказал тебе такое, ибо не стерпел поношения своему государю, а больше сказать мне нечего. И ежели у тебя обычай казнить послов, я готов принять муки и смерть. Ну, тут он чуток подумал и велел слугам отпустить мои руки. — "Вижу, говорит, что ты князю Дмитрею верный слуга, а я бесстрашных людей люблю. Скоро, говорит, тебе некому будет служить на Руси, тогда приходи ко мне, — я возьму тебя в службу и поставлю высоко. Теперь же ворочайся к своему государю и коли не хочешь вез-

ти ему мой чувяк, — отвезут мои послы, коих отправлю с тобой; им же дам грамоту для князя Дмитрея".

"Ну, наутро выехал я в обрат и со мною четыре Мамаевых посла: Казибек, Агиш, Урай и Сеид-Буюк, а при них пол-ста нукеров. К ночи приехали мы на то место, где оставил я свою сотню. Узревши ее, послы было всполошились, но я их успокоил, что это-де мои люди и что будут они нам охраной. Повечеряли дружно и легли спать, только средь ночи велел я своим молодцам всех нукеров повязать, а послов привести ко мне. Подвели их к костру и я говорю Казибеку: — давай, князь, Мамаеву грамоту, буду ее читать! Он, вестимо, уже смекнул, что дело их плохо, не сказал и полслова, — даёт. Прочел я, плюнул в ту грамоту, разорвал ее надвое и подаю Казибеку: садись, говорю, теперь на коня и вези эти шмотья обратно Мамаю, скажи ему, что к русскому государю так писать не гоже. Да и чувяк не позабудь ему воротить! С тем он уехал, а других послов и их людей я привез сюда, — может, ты пожелаешь их о чем расспросить.

— Что же было писано в Мамаевой грамоте? — спросил Дмитрий.

— Да всякая похвальба и хула на тебя, государь. Не охота и повторять.

— Повтори все же.

— Слово в слово я не запомнил, но написал Мамай вроде того, что если жалеешь ты свою землю и не хочешь чтобы всю ее вытоптали татарские кони, — должен выйти ему навстречь, с покорностью и повиниться что не способен править Русью. Тогда он тебя помилует и пошлет пасти своих верблюдов, а на Русь поставит другого князя.

— Малого он хочет, — засмеялся Дмитрий. — Что же, навстречу ему я выйду, только едва ли он тому останется рад. Ну, молодец же ты, Захар Матвеич, дай еще раз обниму тебя! Спаси тебя Господь за верность и за службу твою, век того не забуду! Мыслю я, что Мамай теперь так взъярился, что беспременно пойдет на нас, не ожидая Литву и Рязань. А мне того и надо!

— Он уже идет, княже. Следом за Казибеком по-

слал я тайно из моих людей сына боярского Михайлу Лялина, наказавши ему высмотреть, что там будет. На третьем ночлеге он нас догнал и сказал, что в тот самый день, когда воротился к Мамаю его посол, орда стронулась и пошла вверх по Дону.

— Ну, слава Христу! Завтра и мы выступаем, авось успеем ударить на татар, покуда они одни. А ты, едучи Рязанской землей, ничего там не вызнал?

— Вызнал, государь: войско князя Олега Ивановича не вельми велико и ныне стоит близь реки Вожи, недалече от того места, где запрошлым годом побили мы Бегича. Прежде стояли они под самым Пронском, да вои его, как прознали о том, что собрал их князь в помощь Мамаю, — почали разбегаться, вот и увел их князь подале от городов и сёл, чтобы не так бежали.

— Ну, оттуда он едва ли поспеет ко времени, да по всему видно, — не слишком ему хочется и поспеть. Эти нам не страшны: если бы и дошло до дела, почитай, все рязанцы, кроме своего князя, сами бы на нашу сторону перешли. Иное Ягайло. Знать бы наверное — где он?

— Передовой литовский полк ныне стоит в Одоеве, княже, а сам Ягайло, со всею своей силой, к нему подходит. Так мне сказал в пути человек, который ехал прямо оттуда.

— Должно быть, то истина, потому что сегодня и здесь такие слухи были. Ну, добро, Захар Матвеич, иди теперь отдыхай, да и я посплю. Завтра день будет трудный.

ГЛАВА 11.

"На Москве кони ржут, звенит слава русская по всей земле. Трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона великого, на берегу. То не орлы слетошася со всея полунощныя страны, — съехалися вси князи руския к государю-князю Дмитрею Ивановичю, рекучи ему: господине великий, уже поганыи татарове на поля наши наступают и отчину нашу берут. Поидем же за быструю реку Дон, прольем кровь за землю Рускую и за веру крестьянскую!"

"Задонщина", — повесть Софония Рязанца (конца XIV века).

Двадцатого августа, выслав вперед большой разведывательный отряд под начальством воеводы Семена Мелика и детей боярских Игнатия Кренева, Петра Горского, Фомы Тынина, Карпа Олексина и Петра Чирикова, — с наказом бдительно следить за всеми передвижениями орды, — Дмитрий Иванович с войском выступил из Коломны и через три дня прибыл к месту переправы.

Здесь уже находился, со своим отрядом, князь Владимир Андреевич Серпуховский, который не терял времени даром: часть его людей разведывала броды через Оку, промечая каждый из них двумя рядами шестов, вбитых во дно реки; все остальные валили в лесу деревья и вязали плоты для перевозки телег и клади. Сам князь Владимир и оба его набольшие воеводы, — Данила Белеут и Константин Кононов, — руководили этими работами, кипевшими на обоих берегах одновременно.

На следующий день подошел отряд Тимофея Вельяминова и началась общая переправа, продолжавшаяся три дня. Наконец, к вечеру двадцать седьмого августа, вся огромная рать, тысячи голов скота, предназначенного для ее прокормления и бесчисленные обозы оказались на правом берегу Оки. Краем рязанского княжества тронулись дальше, растянувшись на много верст.

Погода стояла жаркая, — когда шли степью, солнце палило тяжело снаряженных воинов изнуряющим зноем, в лесных местностях было легче, но тут сильно задерживала теснота дорог и потому войско двигалось медленно. Только четвертого сентября подошли к большому селу Березуй, в верховьях Дона, где Дмитрий решил сделать дневку, чтобы подождать отставшие обозы[1]). Вечером того же дня, разведчики Петр Горский и Карп Олексин доставили сюда захваченного в плен татарского мурзу, который на допросе сказал, что орда Мамая перешла на правый берег Дона возле Кузьминой гати, повыше Красивой Мечи, и сейчас находится в трех переходах от Непрядвы, где она должна соединиться с войском литовского князя Ягайлы, который обещал быть там девятого либо десятого сентября.

Получив это чрезвычайно важное сообщение, Дмитрий понял, что нельзя терять ни часа: нужно было как можно скорее сблизиться с Мамаем и заставить его вступить в сражение до подхода Ягайлы.

Русское войско сейчас же двинулось дальше, по левому берегу Дона и утром шестого сентября стало лагерем против впадения в него реки Непрядвы. В полдень с передовой заставы прискакал сам воевода Семен Мелик и доложил, что татары находятся у Гусиного брода, в одном переходе от них и, повидимому не зная, что войско Дмитрия стоит так близко, — спокойно продолжают двигаться вперед.

Не оставалось никаких сомнений в том, что завтра Мамай будет здесь. Но увидев русское войско на противоположном берегу Дона, захочет ли он немедленно начать битву или, стоя за рекой, будет ожидать подхода литовцев? Последнее казалось более вероятным и это ставило под угрозу не только план Дмитрия, но и весь исход сражения: в этом случае пришлось бы самим переправляться через Дон на глазах у татар и вступать в битву в самых невыгодных для себя усло-

---

[1]) От места переправы через Оку до Куликова поля, войском было пройдено расстояние примерно в 180 верст. Это заняло десять дней.

виях, или же, оставаясь на месте и укрепив как можно свой лагерь, — ждать удара объединенных сил Мамая и Ягайлы.

И то и другое было плохо. Но оставалась еще одна возможность: перейти на правый берег Дона до подхода татар и занять там удобные для сражения рубежи. Это обеспечивало Дмитрию наибольшие преимущества, но в случае проигрыша битвы, обрекало всё русское войско на гибель: находящаяся за спиной река, которая имела тут тридцать пять сажен ширины, при довольно крутых берегах, делала отступление невозможным.

Дмитрий понимал, что нужно идти на этот риск. Он верил в свое войско, ибо знал, что оно крепко духом и будет сражаться стойко, верил и в то, что его собственными действиями руководит Бог. А как-раз в это утро прибыл к нему инок из Троицкой обители, с просфорой и грамоткой от своего игумена. В этой грамотке Сергий писал: — "благословение Господне да пребудет с тобою и с воинством твоим, великий государь! Молюсь за тебя денно и нощно, без страху и с верою иди вперед, — Бог и Пресвятая Богородица не оставят тебя своею помощью".

"Будто знал преподобный, — подумал Дмитрий, вспомнив об этом. Его решение созрело, но понимая исключительную важность предстоящего шага и связанную с ним ответственность перед родной землей, он все же счел нужным созвать на совет старших военачальников.

На этом совещании мнения разделились. Владимир Серпуховский, братья Ольгердовичи, князья Белозерские, Боброк, Бренко и многие другие горячо поддерживали великого князя. Но были и такие, которые считали более благоразумным остаться на левом берегу Дона.

— Пусть орда сама идёт на нас через Дон, — говорил князь Иван Холмский, — мы ее прямо из реки будем принимать в копья, да еще скольких в воде постреляем!

— Ну, а ежели Мамай не пойдет через реку? — возражали ему. — Тогда что? Нам идти на их копья и стрелы?

— Зачем нам идти? Будем ждать. Не для того же Мамай поднял все басурманские земли, чтобы на нас издаля глядеть! Днем раньше, днем позже, а коли мы первыми не сунемся, придется идти ему!

— Он-то пойдет, когда дождется Ягайлу, только нам того попустить нельзя. А может обернуться и похуже: сговорившись с Мамаем, Ягайло перейдет Дон где-либо ниже и ударит нам в спину, когда орда начнет битву!

Разгоревшиеся споры прекратил Дмитрий Иванович. Он приказал боярину Бренку вслух прочитать грамоту отца Сергия, потом сказал:

— Слышали, братья, слово Радонежского угодника? Коли пойдем вперед, Бог нам поможет. А на споры ныне времени нету. Починайте возиться за Дон!

Переправа продолжалась весь день и всю ночь. Конница шла отысканными в разных местах бродами, пешие воины и телеги перевозились на плотах, а к вечеру уже пошли по двум наскоро наведенным через Дон мостам. До самого рассвета на обоих берегах реки пылали громадные костры, освещая места переправы, слышались грохот колес по бревенчатым настилам мостов, ржание коней, окрики воевод и крепкая ругань сорвавшихся в воду людей. Но дело шло споро и еще до полуночи Дмитрий с облегчением увидел, что к восходу солнца все его войско будет на правом берегу.

Сам он, — перейдя реку одним из первых, — вместе с князем Боброком-Волынским и с боярином Бренком, до темноты объезжал прилегающую к берегу местность, прикидывая как лучше расположить здесь полки. С наступлением ночи, все трое возвратились к Дону и еще долго сидели, совещаясь, у костра, под береговою кручей, куда великий князь приказал являться с докладом тем воеводам, полки которых уже

закончили переправу. Бренко свинцовой палочкой тотчас отмечал их в своем списке.

— А счёл ли ты, Михайла Андреевич, доточно, — сколько же есть у нас на сегодня войска? — спросил Дмитрий.

— Счёл, государь: без малого двести тысячь и десять.

— Неужли есть столько? Да откуда?

— А вот, коли сумневаешься, погляди запись и сочти сам, — промолвил Бренко, протягивая ему список. — Тут у меня все наши полки расписаны.

— Долго будет... Сам знаешь, какое было мое учение, — невесело усмехнулся Дмитрий: — почитай, с девяти годов и по сей день только на войну да на походы и доставало времени. Чти в голос, а я послушаю[1]).

— Добро, Дмитрей Иванович, — сказал Бренко, придвигаясь ближе к костру. Боброк подкинул в него несколько сухих ветвей из лежавшей рядом кучи и притухший-было огонь сразу ожил и негромко потрескивая, засуетился во тьме веселыми языками пламени. — Так вот: с Белаозера у нас князья Федор Романович да сын его Иван, да князь Семен Кемский, да Глеб Карголомский, да Андрей Андомский, да еще семь княжичей, а войска с ними пришло шестнадцать тысяч.

"Еще Ростовские князья — Дмитрей да Андрей Федоровичи и Ярославские — Андрей Васильевич да Василь Васильевич, да с ними князья: Роман Прозоровский, Лев Курбский и Афанасий Шехонский, да молодых пятеро, а всего силы ростовской и ярославской двадцать три тысячи.

"Углицкие князья Борис да Роман Давыдовичи, да сыны князя Романа — Иван, Владимир, Святослав и Яков, а силы их семь тысяч.

"С Мурома князья Владимир Дмитриевич Красный да Андрей Федорович и у них войска восемь тысяч и пять-сот.

---

[1]) Дмитрий Донской едва умел читать и подписывать свое имя под документами.

"Тарусские князья Федор и Мстислав Ивановичи, да Оболенских четверо: Иван Костянтинович и брат его Андрей, да сыны князя Андрея — Семен и Михайла, а воев поставили они восемь тысяч.

"Из Тверских земель — князь Михайла Васильевич Кашинский привел шесть тысяч, да князь Иван Всеволодович Холмский — пять тысяч.

"Еще с нами Стародубские князья Андрей Федорович да Семен Михайлович, а войска дали они шесть тысяч; да князь Мещерский Юрий дал четыре, да Моложский Федор — три тысячи.

"Далее идут князья Ольгердовичи, Андрей да Дмитрей, да при них князья: Смоленский Иван Васильевич, Глеб Иванович Друцкой, Федор Туровский, да сыны Дмитрея Ольгердовича — князь Роман Трубчевский и княжич Глеб. Эти у меня все вместе посчитаны и войска с ними сорок и шесть тысяч.

"Ну, еще с низовых русских земель, из-под Литвы, есть от Новосильской земли князь Степан Романович с пятью тысячами воев, да из Карачевской привел князь Лев Серпейский две тысячи и князь Давид Иванович Шонуров тако же две тысячи, собранных в Козельске. А Елецкий князь, Федор Иванович, поставил две тысячи и пять-сот.

"Это доселева я читал всё тех, что вышли с нами из Москвы да из Коломны. А еще по пути подошли к войску две тысячи звенигородцев, с князем Александром Федоровичем, да по тысяче воев от Белева и от Лихвина, со своими воеводами, да еще пронцев, коих не увёл с собою князь Олег Иванович, пристало к нам тысячи с три.

"И вот еще какое диво: не ведаю отколь взялся и как сюда поспел, но только, назад тому три дня, пришел к нашему стану Перемский князек по имени Аликей и привел с собою восемь-сот воев. По обличью и по речи не наши, но говорит тот князь, что во Христа верует и что русы ему друзья, а татары вороги и потому хочет он пособить нам супротив Мамая. Ну, я ему сказал, что всякой помощи мы рады и что Русь их службы не позабудет.

— Это добро, — промолвил Дмитрий. — Пусть привыкают к нам. Пермская земля прежде Великому Новгороду дань платила, ну, а ныне она к Москве тянется. Бывали уже ко мне и послы и подарки от пермяцких князей. Живут средь них и наши русские старцы-просветители. Всего лишь запрошлым годом, выдал я охранную грамоту ростовскому иноку Стефану[1]), ехавшему туда. Муж достойный и вельми ученый, — сам угодник Сергий тогда за него просил. Был слух, — на почине чуть его не сожгли язычники, а потом сумел он с ними поладить, многих обратил в христианскую веру и ныне строит там церкви и учит народ. Может и этот князь Аликей из его духовных сынов. После битвы, коли живы будем, я с ним еще потолкую... Ну, это не к делу, — чти дальше!

— Так вот, княже, если сложить всех воев, коих привели нам эти князья, будет сто сорок и восемь тысяч. Да более шести десятков тысяч собрали мы сами, в наших московских землях, волостях и уделах. Вот, стало-быть и получается всей нашей силы двести и десять тысяч, как я тебе прежде сказал[2]).

— Никогда еще Русская земля такого войска не видывала! — воскликнул Дмитрий Иванович.

— Истина, государь. Почитай, вся Русь под твои стяги встала, — промолвил Боброк.

— Ну, не вся, — помрачнев сказал Дмитрий. —

---

[1]) Святой Стефан Пермский, родом из Устюга, — известный просветитель зырян и пермяков, и первый епископ Пермский (с 1383 года). Изучив язык туземцев, он составил им алфавит, ввел у них письменность и мирным путем приобщил этот дикий край к русской культуре.

[2]) В многочисленных летописях, сказаниях и иных документах эпохи, численность войска Дмитрия Донского определяется весьма разноречиво: в пределах от ста-пятидесяти до четырехсотпятидесяти тысяч человек, а численность орды Мамая — от двухсот-пятидесяти до девятьсот тридцати тысяч. Точно установить истину теперь, разумеется, невозможно, но при изучении и сопоставлении всех данных, цифры приведенные в этой книге представляются наиболее близкими к действительности.

Коли не говорить о мамаевом прихвостне Олеге Рязанском, который скорее татарам пособит, нежели нам, — Новгород никого не дал, да и от Тверской земли, и смех и грех, — всего пять тысяч, с князем Холмским!

— А Кашинский князь?

— Ну, это более наш, нежели тверской.

— Был слух в Великом Новгороде собрали нам в помощь войска тридцать тысяч и будто ведет их сюда сам посадник Иван Васильевич[1]).

— Дорого яичко ко Христову дню... Наобещали с три короба, только завтра нам уже в битву идти, а где они, новгородцы-то? — Знаю я их: на языке одно, а на уме другое. Небось, новгородская госпо̀да так уж была бы рада, ежели бы Мамай сокрушил Москву!

— Это так. Им своя мошна всего дороже. А вот еще суздальцы и нижегородцы, видно стыда не имут.

— Ну, не скажи: и воев и бояр суздальских да нижегородских у нас в войске немало, — промолвил Дмитрий, — только лишь князя нет ни единого. Отбрехались, что будут, мол, стоять ратью на своих рубежах, — вдруг-де орда повернет на их земли, как прежде случалось. Ну и пусть стоят, не надобны они нам... Чай всем еще памятно, как воевали они на реке Пьяне!

— Истину молвил, Дмитрей Иванович! И без них управимся. Господь за нас, да и ратью мы вельми сильны.

— Сильны-то сильны, да ведь и Мамай не слаб. Эх, знать бы сейчас — какова его подлинная сила?

— Андрюшка Попов сказывал — тридцать-пять темь, а Тютчев говорит и тридцати не будет.

— Сказывают разное, а истинного счета орде, поди и сам Мамай не знает. Но я так мыслю, что тысяч три-

---

[1]) Если это войско и было собрано, то во-время оно к Дмитрию не подошло. В летописях, подробно перечисляющих все ополчения, участвовавшие в Куликовской битве, нет никаких указаний на то, что в их числе находились новгородцы. Об оказании какой-либо помощи Дмитрию Донскому, ни слова нет и в новгородских летописях.

ста у него есть беспременно. Это вполовину больше нежели у нас.

— Не в силе Бог, а в правде, Дмитрей Иванович, — сказал Бренко. — С нами молитвы угодника Сергия и помощь святой Троицы. Да и люди наши за землю родную будут стоять крепко. Побьем мы татар, вот увидишь!

— Побьем, Миша, не можно нам не побить. Только тяжко будет, ох, тяжко! Что слёз-то прольют на Руси матери и жены, оплакивая мертвых!

ГЛАВА 12.

"О, жаворонок, летьняя птица, красных дней утеха, возлети под синии небеса, обратись к стольному граду Москве, воспой славу князю великому Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимеру Ондреевичю! То не буря ли занесла соколов в земли залесския, в поле половецкое".

Задонщина.

Утром Дмитрий собрал старших воевод и князей, и выехал с ними на расстилавшееся по эту сторону Дона обширное Куликово поле, чтобы еще раз осмотреть его и дать указания — как ставить полки.

Это поле, начинавшееся верстах в двух от берега Дона, представляло собой очень широкую, — верст в двенадцать, а местами и шире, — прогалину, с боков окаймленную лесом и длинным языком уходившую далеко на юг. В ближайшей своей части, где Дон и Непрядва охватывали его сзади широким полукругом, оно изобиловало невысокими холмами, оврагами и речками с крутыми, заросшими берегами. Дмитрий еще накануне, при первом осмотре, решил остановиться именно здесь, с чем и князь Боброк, — наиопытнейший из московских воевод, — тоже был согласен. Тут можно было удобно расположить свои войска, но особенно важно было то, что столь пересеченная местность не позволяла Мамаю сразу ввести в бой всю свою громадную орду и лишала татар возможности применять

излюбленную ими тактику охватов и обходных движений.

Теперь предстояло выбрать место, на котором выгоднее всего было встретить первый натиск татар и, применяясь к условиям созданным тут природой, наилучшим образом расположить свои полки. Военачальники изъездили поле вдоль и поперек, изучая характер местности, прикидывая расстояния и споря о том, как лучше использовать естественные рубежи. Каждый высказывал свои соображения и предлагал свой план, — Дмитрий внимательно слушал всех, а сам молчал, остро поглядывая по сторонам из-под черных, сросшихся на переносице бровей. Но когда, закончив осмотр, выехали на бугор, откуда хорошо было видно всё поле, он в немногих словах изложил свой план распределения сил и точно указал где стоять какому полку.

Согласно обычаю, русская рать была разбита на шесть отдельных отрядов-полков и поставлена "крестом".

В центре стоял Большой полк, численностью в пятьдесят тысяч человек, — почти все из Московских и Владимирских земель, — под началом воевод: Тимофея и Микулы Вельяминовых, Михайлы Бренка, Семена Мелика, Ивана Квашни и двух Валуевых, — дяди и племянника. На пол-версты впереди — Передовой полк, двадцать тысяч бойцов, все на конях, под командой князей Ольгердовичей и братьев Всеволожских. Запасный полк, — тысяч пятнадцать, под начальством князей Тарусских и Оболенских, поставили позади Большого, чтобы он мог легко прийти на помощь туда, где в том окажется надобность.

Справа от Большого полка — полк Правой руки, тридцать тысяч воинов и главные воеводы: князь Андрей Федорович Ростовский и князь Андрей Федорович Стародубский, а под рукою у них Ярославские и Углицкие князья. Правым крылом этот полк примыкал к обрывистому и заросшему лесом берегу речки Нижний Дубняк, что надежно защищало его от обхода или от флангового удара.

По другую сторону Большого полка, стоял полк Левой руки, под началом князей Белозерских, Федора Моложского и Глеба Друцкого. Этот полк насчитывал двадцать пять тысяч бойцов и слева был прикрыт лишь неглубоким оврагом речки Смолки, — таким образом, левое крыло было наиболее уязвимой частью русского построения. Дмитрий понимал, что во время боя татары это непременно обнаружат и постараются использовать, а потому именно с этой стороны, в лесу за рекою Смолкой, он приказал поставить Засадный полк, численностью в семьдесят тысяч всадников, под водительством испытанных военачальников: князей Боброка-Волынского и Владимира Серпуховского, в помощь которым были князья Федор Елецкий и Юрий Мещерский. Этому полку было наказано до поры не ввязываться в сражение и ничем себя не обнаруживать, чтобы ударить на татар только в решающую минуту, — если они начнут явно одолевать, или преследовать и добивать их, когда побегут с поля.

К двум часам дня, все полки были разведены по местам, воинам приказали осмотреть и изготовить к бою оружие, потом отдыхать. Вскоре по всему полю закурились дымки костров, от бесчисленных казанков, котлов и мисок потянуло запахами каши, лука и мясного хлёбова, волнами поплыл рокот негромких голосов. Кто-то попробовал затянуть песню, но тотчас оборвал ее:

— Петь будешь как побьем татар, — сурово сказал ему сидевший рядом седобородый воин, — а ноне близких вспомяни, да помолись!

В канун грозного сражения, решающего участь родной земли, люди были серьезны и сдержанны, никто не сквернословил и не гомонил, точно стояли не в поле, а в преддверии храма, в ожидании великого таинства. Но ни страха, ни уныния не было. — "Это не княжья усобица, где нивесть за что подневольный человек несет голову на кон, а война правая, за домы свои и за Святую Русь! В такой битве и Господь и ангелы Его пособят, — беспременно побьем поганых!" — Так рассуждали и так верили воины и за святое де-

ло каждый готов был к тому, чтобы лечь костьми на этом поле, коли такова будет воля Божья. Только не все ведь лягут, — будет немало и таких, что возвратятся домой со славою и с победой!

Поснедавши и помолясь, люди отошли от костров. Кто, найдя холодок, улегся спать, иные, собравшись кучками, негромко беседовали, вспоминая всякую бывальщину и родные места; те у кого не было на завтра чистых рубах, отправились к ближайшим ручьям и речкам, постирать свои. Яркий солнечный день постепенно бледнел и гас, как бы проникаясь томительным предчувствием близкой грозы.

Часа за два до захода солнца прискакали вестники от поставленной впереди стражи и сказали: идут татары. Вскоре их передовые тумены показались на открытом месте, верстах в четырех от русского стана. Взрыв свирепых криков, долетевший оттуда, ясно говорил о том, что и они заметили неприятеля. Потоптавшись немного на месте, — видимо в ожидании приказаний от хана, — они продвинулись еще версты на полторы вперед и растеклись во всю ширину поля, разбивая свой стан. До самой темноты к этому рубежу черным потоком текла с юга несметная орда. Шла она, видно, и ночью, ибо на татарской стороне всё поле, доколе хватал глаз, светилось огнями костров и факелов, а в лагере их почти до рассвета слышались крики, движение и возня. Дмитрий Иванович, хотя и знал, что татары не любят воевать ночью, всё же приказал, помимо обычного охранения, выставить далеко впереди русского войска многочисленные сторожевые посты и бдительно следить за всем, что делается у противника.

* * *

Шатер великого князя был поставлен в безопасном месте, позади Большого полка. Целый день Дмитрий, поглощенный делами и заботами, в него не заглядывал, — пришел лишь затемно, когда все распоряжения были сделаны и русский лагерь начал погружаться в сон. Не раздеваясь, он лег на постель и попытался заснуть. Но, вместо сна, пришло чувство гнетущего оди-

ночества и смутной, нарастающей тревоги. Все помыслы князя были с войском, ему казалось, что покуда он тут лежит, — там, впереди свершается или каждый миг может свершиться нечто непредвиденное и важное, отчего дальше всё пойдет совсем не так, как предположено. Этак промаявшись около часу, он понял, что здесь не уснет, — встал, пристегнул к поясу меч, накинул плащ и вышел из шатра.

Вокруг было тихо, в русском стане почти все спали. Миновав Большой полк, Дмитрий вступил в расположение Передового. Тут тоже царило безмолвие, лишь отфыркивались и всхрапывали лошади на коновязях, да кое-где потрескивали догорающие костры, освещая блеклым червонным пламенем тела спящих повсюду людей. Заметив в стороне молящегося на коленях воина в белой рубахе, Дмитрий подошел к нему. Увидев великого князя и узнав его, воин поспешно поднялся на ноги.

— Молись, молись, брате, — промолвил Дмитрий, — я тому не помеха.

— Ништо, государь, еще помолюсь... А, может, ты для какой службы человека ищешь? — помолчав добавил воин. Это был крепкого сложения мужик, лет сорока, с лохматыми русыми волосами и стриженной в полукруг бородой.

— Нет, я так... Как звать тебя и откуда родом?

— Степан я, прозванием Новосёл, а родом из-под Юрьева, княже.

— Уже бывал в войнах?

— Не случалось доселева. Был я в общине старостой, так меня в войско не брали.

— Что же, боязно завтра в битву идти?

— Нет, княже. Чего бояться-то? Все под Богом... Я ноне своею охотою пошел.

— А вот, молишься когда другие спят. Значит душа не спокойна.

— Так нешто я от боязни? За Русь сердце болит, — что̀ народу-то завтра ляжет! Молил я Господа, чтобы полегче далась нам победа.

— А веришь, что победим?

— Вестимо, верю! Завтра народ будет биться, как николи еще не бился, всякий разумеет за что в сечу идет. Истинный Бог, побьем поганых, — ты, государь, в том не сумлевайся! Хоть бы и воеводы оплошали, — всё одно побьем!

— Не оплошают и воеводы! А в победе и у меня сумнений нет, — разве с такими людьми возможно не победить? — Дмитрий шагнул вперед, обнял воина и троекратно его поцеловал. — Всех не могу, а тебя одного за всех! — сказал он. —Ну, молись, брате Степан, Христос с тобою, а я пойду. О том же и я молю Господа еженощно.

Эта короткая беседа с воином вернула Дмитрию душевное равновесие и уверенность. Выйдя за линию Передового полка, он с минуту поглядел на мерцавшие вдали костры татарского стана, затем расстелил под кустом свой плащь, лег и почти мгновенно уснул.

* * *

Проснулся великий князь от весьма чувствительного удара в бок. Приоткрыв глаза и все еще находясь во власти сна, он увидел стоявшую над ним темную фигуру, готовящуюся наградить его вторым пинком. Еще не вполне сознавая — где он и что происходит, Дмитрий сел, протирая рукой заспанные глаза.

— Так-то ты службу несешь, пёс смердящий, — раздался голос, по которому Дмитрий сразу опознал своего зятя, князя Боброка-Волынского. — Ну, не я бы на тебя набрёл, а татары?

— Где татары? — вскакивая на ноги воскликнул князь. — Окстись, Дмитрей Михайлович! Ты что, в разуме повредился?

— Матерь Божья! Это ты, Дмитрей Иванович?

— Слава Христу, хоть теперь признал! — засмеялся Дмитрий. — Чай, больше ругать не станешь?

— Прости для Бога, государь! Нешто могло мне на ум прийти, что это ты тут спишь? Подумал — страж нерадивый на посту заснул, ночь темна, не видать кто лежит. А ты как здесь случился?

— Притомился малость, обходя стан, прилег тут да и заснул ненароком. Видать, уже поздно?

— Уж давно перешло за полночь.

— А ты что не спишь?

— Вышел стражу проверить да поглядеть, что у татар деется.

— Ну, пойдем вместе.

Князья молча прошли с версту и остановились недоходя немного до речки Чуровки, на которой стояли русские передовые посты. Ночь была душной и темной, поздно взошедшую ущербную луну закрывали низкие облака; на юге, за татарским станом, яростно полыхали зарницы; зловеще и нудно где-то, совсем близко, выл одинокий волк, да вдали, на Непрядве, гоготали и хлопали крыльями гуси.

Позади, в русском стане, было тихо, словно и нет никого. У татар повсюду пылали костры, слышались крики, ржание коней, дикое, непривычное русскому уху пение и грохот бубнов.

— Видать, поганые загодя победу празднуют, — промолвил Дмитрий. — Только не рано ли?

— Завтра им будет не до песен, княже. Вон, погляди на сполохи[1]) в небе, над самой ордой: рдяны, ровно бы кровь из них брызжет. То для них худая примета.

— А вот, к слову, Дмитрей Иванович: сказывают, у вас на Волыни колдуны вельми искусны и знает через них народ много верных примет и гаданий. Может и ты там чему научился?

— Перед битвой у нас слушают голоса земли, — не сразу ответил Боброк. Он был лет на десять старше своего шурина и Дмитрий с большим доверием относился к его военному опыту и житейской мудрости[2]).

---

[1]) Сполòхи —зарницы.

[2]) Князь Боброк, женатый на сестре Дмитрия Донского — Анне, был племянником Ольгерда, — сыном его брата Кориата-Михаила Гедиминовича, княжившего на Волыни. Неизвестно почему Боброк покинул свое княжество, но с середины семидесятых годов XIV столетия, он уже находился на службе у Дмитрия.

— И кому дано понимать их, тот может сказать, чья будет победа.

— А ты можешь?

— Бывало мог.

— А ну, спробуй!

Боброк лег на траву, правым ухом припал к земле, закрывши ладонью левое. Он лежал не шевелясь, так долго, что Дмитрия начало разбирать нетерпение.

— Ну, что слышал? — спросил он, едва Боброк поднял голову.

— Плачет земля, Дмитрей Иванович! Сперва услыхал я лишь один стон и плач великий, а после стал различать в нем два голоса: в одной стороне, вроде бы, татарская женка голосит по мертвому, а в другой, жалостливо так, — ровно свирель пастушья, — плачет русская дева. Без числа воинов падет завтра и у нас, и у татар. Но победа будет твоя.

— Как ты о том сведал?

— Стал я слушать еще, и вот, там где татарка плакала, помстилось[1]) мне, будто вòроны закричали, а на русской стороне зазвонили колокола. Господь нам готовит победу, тому верь, государь.

— Слава Христу и Его Пречистой Матери, коли так, — перекрестился Дмитрий. — Устояла бы Русь, а что многие тут навеки лягут, — не без того. Может и нас с тобой завтра не будет... Не зря бы только.

— Зря не будет, да и мы, Бог даст, своими глазами победу увидим, — промолвил Боброк. — А ты, все же, отдохнул бы теперь, Дмитрей Иванович. Утром, небось, все силы снадобятся.

— И то, пойду. Твой шатер где?

— За Смолкой, в дубраве. Только я еще обойду стражу, протру ей глаза, ежели что. Сейчас, перед рассветом, сугубо бдить надобно.

— Протираешь ты знатно, на себе испытал, — улыбнулся Дмитрий. — Ну, коли так, оставайся с Богом!

***

---

1) Помстилось — показалось.

Проводив взором фигуру великого князя, скоро утонувшую во мраке, Боброк зашагал к полосе кустарников, окаймлявших речку Чуровку. Стало заметно светлее, — близился рассвет, да и луна начала изредка проглядывать сквозь прорывы поредевших облаков.

На первых двух постах всё оказалось в порядке. Но на третьем было неладно: дозорный сидел на кочке и опершись на рукоять меча, поставленного меж колен, спал, негромко прихрапывая. Боброк подошел тихо, как волк, изловчился и с силою ударил ногой по мечу. Воин, внезапно лишившись опоры, рухнул с кочки кулём и ткнулся головой в землю.

Он тотчас вскочил, еще не понимая что с ним стряслось, но грянувшая как с неба затрещина разом привела его в себя.

"Коли десятник, ништо, — мелькнуло в мозгу, — даст еще раз-другой, того и будет!" Но подняв глаза, обмер: перед ним стоял грозный Волынский князь, которого в войске боялись пуще всех иных воевод. Узнал его и Боброк: это был костромич Фомка Кабычей, незадолго до того схваченный в Москве за разбой. Будь другое время, ему бы не сдобровать, но поелику люди были нужны для похода, — в меру постегав батогами, его поставили в войско, дабы честною службой искупил он свою вину.

— Тать шелудивый! — сурово сказал Боброк. — Тебе бы ныне за троих усердствовать, а ты в страже спишь, ровно и не Русь за тобой. Ну, пеняй на себя: ежели стоять невмоготу, будешь висеть!

— Князь пресветлый! — возопил Кабычей, понимая, что не мольбы о пощаде, а лишь находчивость может спасти его от петли. — В животе моем и в смерти ты волен! Только не спал я, милостивец, сгореть мне на этом месте, не спал!

— Вона! — насмешливо произнес Боброк. — Стало-быть, это мне только привиделось?

Слово "привиделось" внезапно вдохновило Кабычея, который до этого и сам не знал еще, что станет врать в свое оправдание.

— Не спал я, княже, Богом тебе клянусь, — про-

никновенным голосом сказал он. — А было мне в тот самый час небесное видение.

— Видение?! Да ты, никак, из разбойников одним скоком во святые угодил?

— Нешто только святым бывают видения, княже милостивый? Господь печется о всех. Может, через тоё самое восхотел Он наставить меня на путь правды и святости! Мало, что ли, святых смолоду бывали разбойниками?

— Вишь, куда ты наметил! Только не поспеешь ты стать святым, ежели так службу несешь!

— Помилосердствуй, княже, не прими греха на душу! Нешто моя в том вина, что на службе Господь послал мне видение?

— Что же такое тебе привиделось?

— Глянул я, княже, ненароком на небо и вот, вижу: летит с ордынской стороны облако великое, и прямо на Русскую землю! Полыхают с того облака молоньи и громы, спущается оно всё ниже и вот, почала выходить из него несметная рать. Но тут, со стороны полуденной, внезапу пришли два витязя юных, в светлых одеждах и с вострыми мечами в руках... Надысь, было то святые Борис и Глеб! И приступили они без страху к татарским воеводам, рекуче: — "кто вам, поганым нехристям, сыроядцам[1]) проклятым, дозволил тревожить Святую Русь?" И как почали сечь басурманов своими мечами, индо стон смертный пошел по всей ихней орде! В недолго время посекли всех до единого и само облако то искрошили в шмотья... А после, гляжу, — святой Глеб прямо сюды идет, до мене! И тут я в страхе сомлел и сник, — энто как-раз в тот самый миг было, когда ты подошел и вдарил, думая что я заспал...

— Ну и здоров ты врать! — подивился Боброк.

---

[1]) Татар на Руси называли "сыроядцами" потому, что до принятия ордой ислама, во время походов, — когда не было времени для варки пищи, — они ели сырую конину. Утром, при выступлении, всадник клал под седло тонкий пласт мяса, — к полудню оно бывало "готово".

— Пусть я в землю врасту, ежели солгал тебе, всесветлый князь! Истинно так всё было, как я сказал. Надо-быть, в этом знамение Божье, что пособят нам посечь татар святые Борис и Глеб!

Боброк пристально поглядел на Кабычея, усмехнулся, малость подумал, потом сказал:

— Ну, слушай теперь меня, провидец: в иное время я бы с тебя за такое велел спустить три шкуры. Одну за то, что в дозоре спишь, а другие две, дабы уразумел ты, что меня не столь легко обмануть. Но возблагодари Господа: сегодня нам твое "видение" вельми сгодится. С зарею будет тебе смена, — ходи по полкам и всем пересказывай то, что и мне сказал!

Утром по всему стану только и судачили о том, что некоему святой жизни мужу, Фоме Кабычею, от Бога было в ночи знамение, чтобы русские воины шли в битву с верою и без страха, ибо будут среди них невидимо сражаться святые Борис и Глеб, коим Господь велел посечь орду. Слыша такое, даже робкие укреплялись духом и только лишь в сотне Кабычея, где он был хорошо известен, люди дивились и не знали что думать.

— Это наш Фомка-то святой жизни муж? — говорил Васюк Сухоборец, высокий и жилистый воин, судя по щеке изуродованной шрамом, уже побывавший в битвах. — С эдаким святым повстреваться в лесу, не приведи Господь!

— Шалыган как есть! — подтвердил другой воин, Юрка Сапожник. — Чтоб меня ноне убил первый татарин, коли не соврал он про тоё видение! Таким шпыням видениев не бывает!

— Кто знает, братцы! Может оно и вправду было, — промолвил огромный, похожий на лешего, но миролюбивый Федяй Зернов. — Не токмо попам да боярам Господь чудеса являет. Сподобляются того и простые люди!

— За простых людей кто говорит! Да Фомка-то ведь разбойник!

— Ну и што? Разбойник о бок с самим Христом был распят!

— Эко сказал! Нешто наш Кабычей с того стал лучше? Что хошь говори, а не поверю я чтобы ему было видение!

— А чего бы он стал врать-то?

— Вона, чего! Тут и дитё уразумеет: выпялиться хотит перед людьми, вот и врет!

— Он ловок, Фомка-то! За тую выдумку ему еще, гляди и перепадет чего-сь!

В этот миг из-за ближайшего куста появился и сам Фома Кабычей. Он не шел, а шествовал, словно епископ, весь преисполненный сознанием своей значимости. С минуту все молча глядели на него, потом кто-то засмеялся, а Васюк сказал:

— А вот и сам преподобный угодник грядет! Здрав буди, честной отец! Так было тебе, говоришь, видение?

— Вестимо, было, — буркнул Кабычей.

— Ан врешь!

— Ан не вру! Ты поди послухай: все войско о том гутарит!

— Стало-быть, всем приспел наврать. Ты что на язык, что на ноги скор. Коли совести нет, энти небылицы плести можно: поди, узнай — было оно или не было?

— Знать хочешь было или не было? — озлился Фома. — Ну, слухай сюды, жеребец меченый: идем со мною до Волынского князя!

— До Волынского князя? А на что он нам дался?

— А на то дался, что в тую самую пору он до мене подошел и конец того видения мы с ним вместях глядели! Вот и выкуси!

— Эвон что! — протянул Васюк. — А может...

— Чего еще может? — сурово оборвал его десятник Гридя Хрулец. — Хватит языком-то трепать! Ежели Волынский князь к тому причастен, стало-быть прими за истину и больше нишкни! Чай, у него голова получше твоей!

ГЛАВА 13.

"Выеде же Челибей из полку татарского хоробруя, велик и страшен, подобен есть древнему Гольяфу. Видев же то чернец Пересвет и напустися на него и рече — "игумен Сергий, помози молитвою своею!" Он же паки устремися противу ему и ударишася крепко, мало что земля под ними не проторжеся, и спадоша оба с коней на землю и умироша, ни един же от единого не отыиде".

Вологодская летопись.

Перед восходом солнца густой туман заволок Куликово поле. Покуда он не рассеялся, битву начинать было нельзя, но к шести часам все уже стояли на своих местах, в боевой готовности. Воины в последний раз опробовали седловку коней, половчее приладили оружие и теперь томились ожиданием, ежась от утренней прохлады и изредка перекидываясь словами. Многие, — особенно те, кто еще не бывал в сражениях, — истово и часто крестились, творя про себя молитвы.

В восьмом часу заиграли трубы и перед войском появился князь Дмитрий. На белом коне, в сверкающих золотом доспехах и в накинутой на плечи красной епанче, он объезжал полки, коротко напутствуя их на подвиг. Все воеводы стояли уже на своих местах и только окольничий Иван Кутузов вёз за великим князем развернутый черный стяг с золототканным Спасом.

— Братья, — говорил Дмитрий, — бейтесь крепко с татарами, ибо за веру отцов стоите и за Святую Русь! Ныне день Пресвятой Богородицы[1]), на помощь Ее и на доблесть вашу возлагаю все мои упования! Коли днесь победим, — конец поганому игу навеки, а вам вечная слава! Бейтесь же не щадя живота и смерти не бойтесь, ибо если оплошаем и пустим татар на Русь, жизнь наша будет хуже смерти!

Закончив объезд, Дмитрий подъехал к группе воевод, стоявших впереди Большого полка.

---

[1]) Куликовская битва происходила 8 сентября ст. стиля, в день рождества Богородицы.

— Редеет мгла, — сказал он, — скоро с Божьей помощью и начнем. Время уже и мне изготовиться к сече.

— Али ты не готов, княже? — с удивлением спросил боярин Бренко, оглядывая доспехи и оружие Дмитрия. — Кажись, у тебя всё на месте и в справности.

— Слово мое было еще в Коломне: буду биться сегодня как простой воин. Пойду наперед, а ты за меня станешь в Большом полку.

— Одумайся, Дмитрей Иванович! Такое великому князю не подобает. Должен ты стоять под стягом, на высоком месте и блюсти сражение, дабы всякий воин, видя что жив ты, укреплялся духом и лучше бился. Бойцов у нас не счесть, а государь ты один!

— Дабы все государя видели на своем месте, наденешь мой доспех и епанчу, и стяг мой при тебе будет. Сменяемся и конями. А я, как положил себе перед Господом и перед моим народом, так и сделаю. — С этими словами Дмитрий сбросил свой алый плащ и начал отстегивать ремни золоченных оплечий и нагрудного зерцала.

— Княже! Не делай того, молю тебя! — воскликнул Бренко.

— Коли себя не жалеешь, нас пожалей, — сказал Микула Вельяминов. — Ну, как убьют тебя, что с Русью станется? Вотчич[1]) твой Василей отрок еще, не удержать ему бремя власти в столь трудную пору.

— На вас уповаю, братья. Как мне с юных дней были вы твердой опорою, так и его не оставите своею помощью. А я не могу инако: ужели хотите, чтобы всех вперед призывая, сам я позади схоронился? Не токмо словом, но и делом хочу послужить Руси впереди других и дать пример слабым[2]). На, надевай, — добавил он, протягивая Бренку свой шлем-ерихонку, — нету нам времени для разговоров!

Бренко, еле сдерживая слезы, надел доспехи и епан-

---

[1]) Вотчич — старший сын, наследник.

[2]) Весь этот абзац летописи приводят как подлинные слова Дмитрия.

чу великого князя, и сел на его коня. Дмитрий, оставшись в простой кольчуге и надев на голову стальной шишак, поданный ему кем-то из воевод, мало чем отличался теперь от рядового воина.

— Ну, Миша, давай простимся, всяко может случиться, — сказал он Бренку. — С детских лет был ты мне набольшим другом, будь таковым и сыну, ежели что.

— В том не сумневайся, Дмитрей Иванович! Только ужели мыслишь ты, что на твое место став, я сегодня меча не выну? Что хошь после со мною делай, но как бы ни обернулось, — назад я отсюда шагу не подамся, как и сам бы ты не подался!

— Стой крепко, но на рожон не лезь. Сам даве сказал, что войско должно государя под стягом видеть. Ну, храни тебя Христос! — и трижды поцеловав Бренка, Дмитрий вскочил на его коня и поскакал вперед.

Почти одновременно с Дмитрием, к голове Передового полка подъехал один из находившихся впереди дозорных и сообщил, что приближаются татары. В тумане их не было видно, но уже отчетливо слышались голоса и шумы, присущие движению большого войска. Шло оно медленно, видимо, как и русские, ожидая когда прояснится.

Это случилось почти внезапно: подувший с Дону ветер в несколько мгновений рассеял туман и противники увидели друг друга. Черный вал татарского войска, раскинувшись во всю ширину поля, стоял в двухстах саженях. Версты на полторы сзади и чуть влево, на холме виднелся красный шатер Мамая, откуда хан приготовился наблюдать сражение.

Заметив, что оба крыла орды поотстали от середины, Дмитрий тотчас приказал Передовому полку продвинуться немного вперед, выдвигая фланги. Медленно шли навстречу и татары. Когда расстояние сократилось шагов до ста, обе стороны остановились. Ордынские военачальники почему-то медлили с приказом начинать битву, — выжидал и Дмитрий, не исключая того, что хан вступит в переговоры. Может-быть, того же ожидал Мамай со стороны Дмитрия.

Тем временем, первые ряды воинов, распаляя себя, завязали крепкую перебранку, понося друг друга самыми обидными словами. Вскоре отдельных выкриков уже нельзя было расслышать в общем свирепом реве.

Наконец, из ордынских рядов вырвался вперед огромного роста всадник, в стальных доспехах и с копьем в руке. Подскакав к русскому войску, он осадил коня и крикнул:

— Языком женка бьется, баатур бьется копьем! Колы ест такы храбры рускы свыня, чтобы нэ боялся быться с Темыр-бей[1]), пусть ыдет напыред!

Дмитрий с тревогою оглянулся. Надо было не только принять этот вызов, но и победить татарина ,иначе русское войско, еще не начав сражения, сникнет духом. Но кто может свалить этого великана?

Из рядов выехал прославленный своею силою витязь Григорий Капустин.

— Дозволь, великий государь, я сражусь с басурманом, — промолвил он. Но не успел Дмитрий что-либо ответить, как к нему приблизился инок Пересвет:

— Во славу животворящей Троицы и Пречистой Девы, княже, благослови на подвиг!

Дмитрий в замешательстве оглядел смельчаков: оба телами истые богатыри, — Пересвет чуть повыше, а Капустин пошире в плечах. Этот, вестимо, в бою гораздо искусен и годов на двадцать моложе, но инока Бог ведёт, — не зря же благословил его в войско провидец Сергий. И князь, почти не колеблясь, сказал:

— Иди, отче, тебе вверяю русскую честь!

Пересвет поклонился государю, помолился коротко и взяв из рук ближайшего воина тяжелое копье, тронул вперед. Он сидел на крепком вороном коне, но сам был, как обычно, в черном кукуле[2]) и в схиме, с медным крестом на груди.

---

1) Это имя — Темир-бей — русские летописи исказили в Челибей.

2) Кукуль или куколь, — головной убор монахов-схимников, род клобука, но более закрытый.

— Погоди, отче! — крикнул Дмитрий. — Неужли так выйдешь? Надень хоть кольчугу либо щит возьми.

— Мне того не надобно, государь: схима моя надежней кольчуги, а щитом мне молитва преподобного Сергия! — и с этими словами Пересвет выехал из рядов, навстречу татарскому богатырю.

— Ты зачэм, стары борода? — удивился Темир-бей, увидев его. — Я баатур на бытву звал, а поп мне нэ надо!

— Я с тобой буду биться, — сказал Пересвет.

— Со мной быться ты, поп?! Значыт рускы баатур нэт? Ыли рускы баатур за поп прятался?

— Хлипок ты, татарин, с русскими богатырями биться. Сперва спробуй русского попа одолеть. Становись в поле!

— Хлыпкы я? Поп одолеть?! Еслы поп прышел смеяться с Темыр-бей, смэх тыбе нэ будет, умырать будет! А потом с настоящим баатур буду быться! — с этими словами Темир-бей рванул повод и погнал коня в сторону. Пересвет поскакал в другую.

Разъехавшись шагов на сто, они повернули коней и остановились, прощупывая глазами друг друга. Из презренья к противнику, татарин бросил свой щит на землю и наставив копье, ринулся вперед. Перекрестившись, Пересвет изготовил своё и поскакал навстречу.

Сшиблись с такою силою, что взметнувшиеся на дыбы кони едва не опрокинулись навзничь. Ни один из бойцов не промахнулся: копье Пересвета, пробив кольчугу и грудь Темир-бея, на четверть выбежало из его спины. Но и схимник был сражен насмерть.

Оба витязя пали с коней на землю, — Темир-бей сразу, Пересвет минутою позже. Уже лежа на земле, он приподнялся на локте, осенил русское войско крестным знамением и испустил дух.

На одно мгновение над полем повисла страшная, предгрозовая тишина. Потом воздух содрогнулся от ударившей в небо волны разноголосых криков, пронзительно запели боевые трубы. две живые стены, вздыбившись, рванулись вперед и сверкая молниями клинков и копий, обрушились друг на друга.

ГЛАВА 14.

"Хощу вам, братие, о брани поведати и новыя победы, како случися на Дону великому князю Дмитрею Ивановичю и всем руским христианам с поганым Мамаем и с безбожною ордой. И возвыси Бог род православный, а поганых уничижи и посрами, яко же в прежняя времена помог Гедеону над медиамы, а преславному Моисею над фараоном".

Сказание о Мамаевом побоище,
повесть начала XV века.

Всю тяжесть первого удара принял на себя Передовой полк. Справа и слева от него были овраги, которые не позволяли татарам хлынуть на русское войско всею своей подавляющей массой, покуда этот полк закрывал проход. Тут завязалась жестокая и стремительно-быстрая сеча, но, несмотря на громадные потери, русские более получаса держались стойко, не подавшись и шагу назад. Но вскоре пешие фряги Мамая, перебираясь через овраги, начали с боков засыпать их стрелами; спереди татары напирали стеной, драться приходилось в невообразимой тесноте, — по словам летописцев, не было места куда упасть мертвому, — и Передовой полк был смят. Потеряв убитыми много тысяч бойцов, а из воевод — князя Федора Туровского, он откатился назад и смешался с Большим полком, стоявшим за ним.

Десятки тысяч ордынцев устремились теперь в открывшийся проход между оврагами, и главными своими силами обрушились на Большой полк. Но одновременно ударили они и на полк Правой руки, в попытке его опрокинуть и с этой стороны зайти в тыл русскому войску.

Огромное сражение стремительно развивалось. Обе стороны дрались с предельным ожесточением, вначале, — пока место не освободилось за счет павших, — почти в такой же тесноте, как в Передовом полку, ибо для сотен тысяч сражающихся не хватало ширины поля. Русским это было на руку: они могли успешнее от-

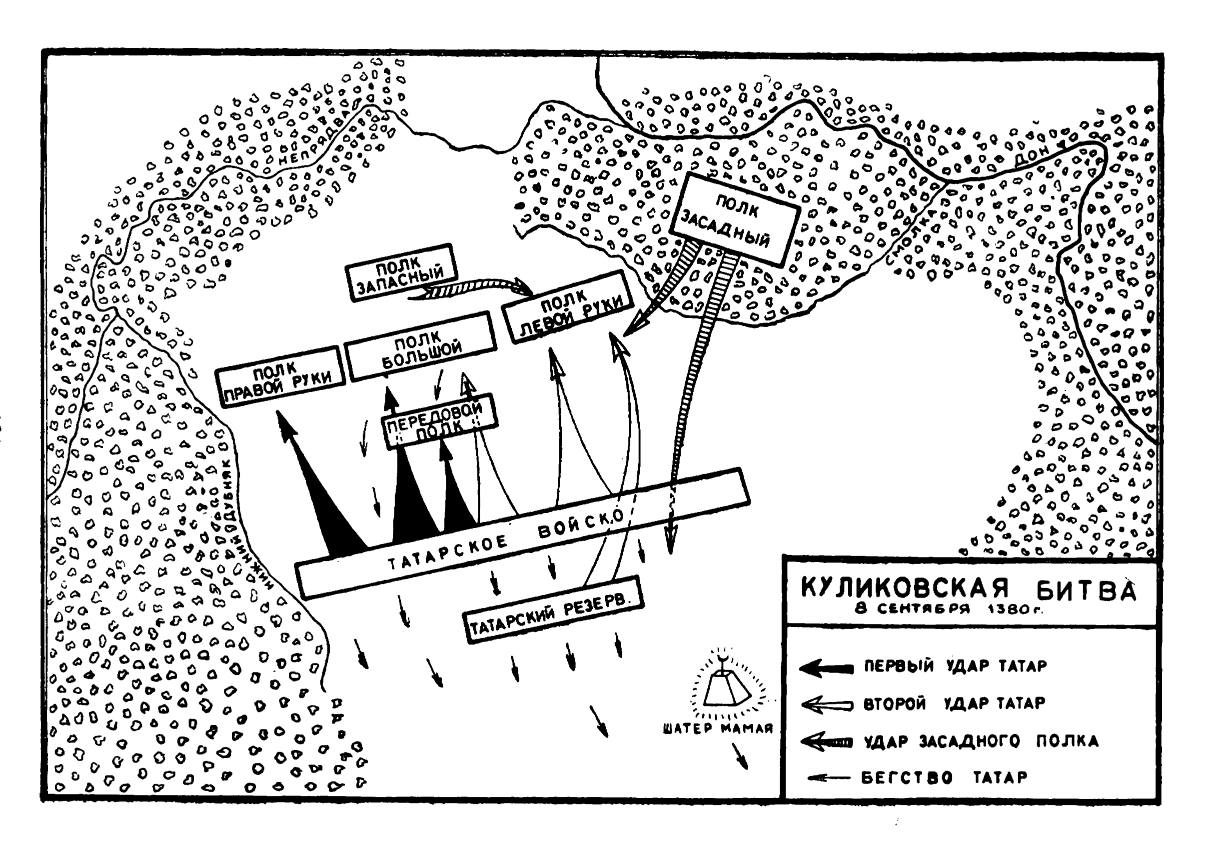
ражать противника, наседающего спереди, не опасаясь фланговых ударов.

Стоя на невысоком, плосковерхом бугре, в середине Большого полка, боярин Бренко, с трудом подавлял желание покинуть свое место под государевым знаменем и устремиться в сечу. Но помня наказ Дмитрия, да и сам понимая, что не только свои, но и татары его видят и принимают за великого князя, — он все же оставался у стяга, с замиранием сердца наблюдая ход сражения. Оно шло пока на сотню шагов впереди, медленно, но неуклонно приближаясь, по мере того, как ордынцы врубались в гущу москвичей и коломенцев, стоявших в первых рядах Большого полка.

Но видит Бренко: дорогою ценой платят поганые за каждый шаг, — крепко стоят москвичи и коломенцы! Почти час уже ломит на них неиссякаемая сила орды, — один басурман падёт, а на его место, ровно из-под земли, вырастают двое других; звенит поле сталью, вскидываются на дыбы кони, стонет под их копытами земля; раскалывая щиты и пронзая груди, мечутся, искрясь на солнце, окровавленные жала копий; взлетают над головами клинки и палицы, растут груды мертвых тел, их уже, местами, и конь не перескочит, а русские всего чуть подались назад.

Вот четверо татар теснят славного богатыря Григория Капустина, Но, видать, невдомек им на кого наскочили: первого поддел он на копье и сорвав с седла, швырнул через голову, ровно сноп жита; двух других положил мечом, а последний, — не углядел Бренко куда и подевался. А Капустин уже спешит на выручку к воеводе Андрею Шубе, которого с трех сторон обступили татары. Знатно бьется воевода, немало ворогов положил уже вкруг себя, но не в прок ему стал богатый фряжский доспех: все больше собирается возле него татар, — по убранству видят, что это важный начальник и облепили его, как мухи патоку. Вот уже срубили Шубе алый еловец[1]), еще минута и шлем с него

[1]) Еловец — украшение из лоскута цветной ткани, кожи или перьев, прикреплявшееся к острию шлема.


КУЛИКОВСКАЯ БИТВА
8 СЕНТЯБРЯ 1380 г.
ПЕРВЫЙ УДАР ТАТАР
ВТОРОЙ УДАР ТАТАР
УДАР ЗАСАДНОГО ПОЛКА
БЕГСТВО ТАТАР
ШАТЕР МАМАЯ
ТАТАРСКОЕ ВОЙСКО
ТАТАРСКИЙ РЕЗЕРВ.
ПОЛК ЗАСАДНЫЙ
ПОЛК ЗАПАСНЫЙ
ПОЛК ЛЕВОЙ РУКИ
ПОЛК БОЛЬШОЙ
ПОЛК ПРАВОЙ РУКИ
ПЕРЕДОВОЙ ПОЛК
НЕПРЯДВА
ДОН
СМОЛКА
НИЖНИЙ ДУБЯК

упал, сбитый копьем. Кровью залилось лицо, но еще держится воевода. Поспеет ли Григорий? — Попал он в самую гущу, но прёт как таран, кулями валятся обочь его поганые.

— Подержись еще малость, Андрей Федорович, ужотко я здеся! — крикнул он. Но уже не дослышал слов этих Шуба, сразила его татарская сабля. Наддал из последних сил Капустин, оттеснил ордынцев, чтобы не добили воеводу, коли еще он жив. Наклонился на миг с коня — воеводину смерть увидал, а свою проглядел: не упустили басурманы минуты, — разом вогнали в него три копья.

Перекрестившись, Бренко обратил взгляд в другую сторону, где незадолго до того видел он рубившегося Микулу Вельяминова. Но его уже нигде не было видно и в этом месте татары изрядно продвинулись вперед. "Неужто и он пал? — подумал Бренко. — А Дмитрей Иванович где же? Его и не различишь в простой-то кольчуге средь такого множества".

Михайла Андреевич начал искать глазами и вскоре ему показалось, что в одном высоком воине, бившемся спиной к нему, он узнаёт великого князя. Но вглядеться хорошо не успел, ибо в ту самую минуту москвичи дрогнули и все разом побежали назад. По орде раскатился торжествующий рев и Бренко неожиданно увидел совсем близко от себя скуластые лица татар, распаленные яростью боя.

— Михайла Андреевич, — крикнул выросший перед ним Кутузов, — как повелишь со стягом? Его бы увезти не медля, инако, неровен час, возьмут поганые!

— Стяг оборонять будем, — ответил Бренко, обнажая меч. — Где он поставлен, там ему и стоять, покуда хоть кто из нас жив. Опамятуйтесь, братья! — крикнул он во весь голос, выезжая вперед. — Ужели отдадим нехристям нашу святыню и себя осрамим? Поглядите округ: русские полки стоят крепко, только вы бежите! А ну, с Богом и дружно, — все на орду!

Ему удалось остановить бегущих и возле стяга на-

чалась лютая сеча. Татарские военачальники и беки[1]), опережая рядовых ордынцев, со всех сторон устремились к бугру, на котором стоял Бренко: принимая его за Дмитрия, каждый из них думал теперь о щедрой награде и славе, которые ждут того, кто привезет Мамаю голову русского государя и его черное знамя.

Но лучшие московские витязи тоже спешили отовсюду на помощь Бренку. Покуда еще было время оглядываться, повел он глазами вокруг себя и близко увидел Ивана Драницу: воевода, лицом красный как свекла, пробивался к нему, лихо работая своим тяжелым клычем; чуть поодаль, бок о бок ломились сквозь татар Тимофей Вельяминов и Семен Мелик, а за ними, клином, с пол-ста воев. Хоть бы поспели! Но тут, шагах в десяти от себя, Бренко негаданно увидел Дмитрия. Он отбивался мечом от двоих теснивших его ордынцев и в тот самый миг, когда Бренко глянул, — одного из них распластал мало не надвое. Другой взмахнул было саблей и не сдобровать бы князю, кабы тут же не поддел поганого снизу копьем какой-то пеший воин. "Кажись, Васюк Сухоборец", — подумал Бренко, но что было дальше, уже не увидел, потому что тут на него самого налетели татары.

Телом могуч и в бою искусен Михайла Андреевич, против троих-четверых биться ему бы ничто. Но сейчас насело на него разом не меньше десятка. Двоих он посек быстро, сам получив лишь легкую рану в щеку, изловчился было и на третьего, но тут закололи копьем его коня и Бренко упал наземь. Татары рванулись к нему, но на пути им встал Иван Кутузов, секунду спустя подоспел Драница и они вдвоем сдержали натиск, покуда Бренко выбирался из-под туши коня. Едва встал он на ноги, — пал с рассеченной головой Кутузов. Бренко мигом ухватил его лошадь за повод и занес ногу, чтобы вскочить в седло, но тут ударили его са-

---

1) Бек — князь. Титул этот указывал на принадлежность к княжескому роду, тогда как княжеский титул эмира в эту пору часто присваивался по должности темникам и вельможам даже не знатного происхождения.

мого копьем в бок и он снова упал. Однако, рана была не смертельна, — приподнявшись и силясь встать, он еще увидел как подняли на копья Драницу, потом трое татар, соскочив с коней, кинулись к нему. С другой стороны, с палицей в руке, путаясь в полах схимы, подбегал инок Ослябя.

— Эвот тебе за брата Александра[1]), поганый! — прохрипел он, опуская палицу на голову первого татарина. — Молись за меня, отче Сергий! — и размозжил голову второму. Но тут сабля третьего сразила его самого. Обливаясь кровью, он выронил палицу и грузно повалился на Бренка.

Михайла Андреевич, лежа навзничь, слабеющей рукой попытался спихнуть с себя мертвое тело. Но не успел: холодное лезвие копья, дробя зубы и обрывая жизнь, вошло ему в рот, пригвоздив к земле.

С победными криками ордынцы ринулись теперь к государеву знамени. Только один из них, спрыгнув с лошади и на ходу вытаскивая нож, подбежал к телу того, кого принимали за князя Дмитрия. Но сорвав шлем с головы убитого и вглядевшись в изуродованное ранами лицо, он отпрянул, с криком:

— Это не он!

— А ты сюда погляди! — раздался сзади насмешливый голос. Татарин быстро обернулся и в чернобородом всаднике, который в это мгновение снес ему голову, еще успел узнать русского великого князя. Узнал его и Дмитрий: это был Борак-сеид, месяц тому назад приезжавший к нему послом от Мамая.

К знамени, укрепленному на бугре, между тем, подскакали одновременно с пол-сотни татар и Семен Мелик, со своими людьми. Сюда же спешил и Дмитрий, а с ним вои Гридя Хрулец, Васюк Сухоборец и с десяток других, но возле самого бугра налетели на них Мамаевы косоги[2]) и пришлось с ними биться.

За государев стяг сражались на пределе ярости.

---

[1]) Александр — имя Пересвета.

[2]) Косоги — черкесы.

Тут исступленно секлись и конные и пешие; раненые и сбитые с коней катались в обнимку, давя и терзая друг друга; оставшиеся безоружными, дрались ногами, обломками щитов и копий, с разбега били противника головой в живот...

Наконец, одному из татар удалось перерубить саблей древко знамени и оно упало на землю. Несколько минут возле него шла кровавая свалка, в которой ничего нельзя было разобрать, потом черно-золотое полотнище снова взмыло над бугром: воевода Семен Мелик высоко поднимал его одной рукой, — в другой был меч, которым он оборонялся от ордынцев. Но их набегало сюда всё больше, вокруг бугра они в неудержимом порыве теснили москвичей, которые, со смертью Бренка, снова стали откатываться назад.

Прошло не много минут и пал храбрый воевода Мелик, пронзенный копьем; с разрубленной головой лёг на него юрьевский смерд Степан Новосёл, подхвативший падающее знамя; саблями иссечен Тимофей Вельяминов, приспевший-было на помощь. И орда с торжествующим криком хлынула через бугор. Казалось, еще немного и Большой полк будет разрезан надвое, но в этот миг ударили сбоку владимирцы.

Оказавшись в задних рядах русского построения, они до сих пор не участвовали в битве. Но теперь, когда частью перебитые, частью схлынувшие москвичи освободили им место, они всю свою нерастраченную силу обрушили на зарвавшихся ордынцев.

На бугре возобновилась злая сеча. Уже почти на вершине его нашел славную смерть набольший владимирский воевода, боярин Иван Окатьевич Валуй. Но племянник его Тимофей пробился к поверженному знамени и поднял его над сражающимися.

По русским рядам, ширясь и вливая в сердца отвагу, прокатился победный крик. Татары отступали, не прекращая жестокого сопротивления. Снова, нахлынув массой, они попытались повалить русский стяг. Тимофей Валуевич успел передать его двум подбежавшим воинам, — чтобы, привязав перерубленное древко к

копью, снова укрепили его на прежнем месте, — а сам стал впереди, прикрывая их. Шесть или семь татар, обступив молодого воеводу, сыпали на него сабельные удары. Отбивался он ловко, пока мог, но скоро ему отрубили руку и он упал. Подбежавший дворецкий его, Иван Кожухов, заслонив своего господина, вступил в неравный бой с татарами. Двоих он успел убить, прежде чем остальные изрубили его в куски, а потом прикончили и раненого Валуевича.

Но от знамени их сейчас же отбросили набежавшие во множестве владимирцы. Москвичи и коломенцы, ободрившись, снова крушили ордынцев с другой стороны. Позади врубившегося в Большой полк лучшего татарского тумена, русские ряды сомкнулись и этот тумен был уничтожен до последнего человека. Остальные отхлынули и после страшного трехчасового боя, русские, наконец, смогли перевести дух и осмотреться. Потери их были очень велики, — во многих сотнях осталось по двадцать-тридцать человек; из московских воевод, в центре уцелел один Иван Квашня и начальство над Большим полком принял князь Иван Васильевич Смоленский. Зная, что сражение вот-вот возобновится, он приказал трубить сбор и приводить оставшихся людей в порядок.

Еще раньше того, была отбита атака орды на полк Правой руки. Здесь татары всю силу удара сосредоточили на правом крыле, рассчитывая вдоль речки Нижний Дубняк прорваться в тыл русскому войску. Но стоявшие тут угличане уперлись крепко и дрались с предельным мужеством. Из шести Углицких князей, в этой битве пало пятеро[1]), а с ними и князь Семен Стародубский. Полегло больше половины воинов-угличан, много ярославцев и стародубцев, но опрокинуть их татарам не удалось и на третьем часу сражения, они отступили.

* * *

---

[1]) Князь Роман Давыдович и его сыновья: Иван, Владимир, Святослав и Яков.

Затишье продолжалось не долго. Разобравшись теперь в особенностях русского построения и правильно определив его наиболее уязвимое место, Мамай обрушил все силы орды на полк Левой руки, приказав своим темникам сбить его любой ценой и с этой стороны выйти в тыл Большому полку.

Первый удар стоявшие здесь белозерцы выдержали не дрогнув, но татары, не считаясь с потерями, бросали в битву новые тумены и с каждой минутой сеча становилась все более кровавой и напряженной. И воины и воеводы Левого полка дрались с беспримерной доблестью. Тут все понимали, что от их стойкости зависит участь Большого полка, а может быть даже исход всего сражения и потому, не жалея жизней, старались удержать страшный натиск врага.

Вот, заметив что в одном месте татары прорвали русские ряды и врубаются вглубь, бросился на них московский воевода Иван Семенович Мороз, с сыновьями Фирсом и Львом да с полусотней всадников. Они сдержали напор орды, покуда оправились и подоспели сюда другие, но сами все были изрублены; пал смертью храбрых старый князь Федор Романович Белозерский, не надолго пережил отца и князь Иван; без счету полегло и простых воев, — имена же их записаны у Бога в золотой книге славных, — и поредели ряды Левого полка, как колосья под градом.

Видя, что взликовали татары и рвутся вперед, собрал князь Глеб Иванович Друцкой вокруг себя сотни три воев, кои были поближе, и кинулся с ними без страху, смерти навстречу. Сам он схватился с татарским темником, долго с ним бился, — ловок и силён был поганый, — но когда одолел его князь Глеб и оглянулся, никого уже не увидел из своих воев, — кругом были татары. И положил князь Глеб свою молодую жизнь в неравном бою.

Когда уже иссякали последние силы белозерцев, подошел к ним на помощь Запасный полк и сеча разгорелась яростней прежнего. Но Мамай, окрыленный успехом, не жалел людей, — татары шли вал за валом

и, казалось, их уже ничто не может остановить. Под их бурным натиском, Запасный полк таял, как льдина на солнце, хотя и сражался храбро.

Рубясь в первых рядах, сложили здесь свои седые головы князья Федор и Мстислав Тарусские. Видя смерть стариков, возгорелся гневом князь Андрей Константинович Оболенский и дал себе зарок: за каждого из дядьев убить по три татарина, или самому живу не быть. Ростом невелик, но ровно из стали вылит князь Андрей и в бою искусен. Летает он по полю на быстром коне, словно ангел смерти, рдеет на солнце золоченный шлем, вьется над ним голубой еловец; где махнет саблею, там и валится татарин с седла! Вот уже троих срубил, — это за дядю Мстислава, и еще троих — за Федора, и еще двух, на додачу. Стал высматривать девятого и видит: лежит на земле сын его любимый Семен, пронзенный копьем. Покачнулся князь Андрей, помертвел весь, медленно осенил себя крестом... Разве же за это троих убить? Тут и целой орды мало! Бросился он в самую гущу татар и рубил их, как исступленный, уже не считая, покуда его самого не забили копьями.

На исходе второго часа, силы левого крыла были сломлены и оно начало отходить к Непрядве, оторвавшись от Большого полка, который тоже отбивался от наседавших спереди татар, но стоял крепко. Заметив беду, приспел на помощь князь Дмитрий Брянский: остатки своей дружины, — несколько тысяч человек, уцелевших после битвы в Передовом полку, — он бросил в прорыв, пытаясь сдержать хлынувшую в русские тылы орду. Но в короткое время половина брянцев была изрублена, остальные, истекая кровью, стали подаваться назад, смешиваясь с остатками разбитого Левого полка.

И тут нежданно увидели великого князя: на самом берегу Смолки, под деревьями, он и еще три воина, — один, как и князь, в кольчуге, а другие два в тягиляях, — бились против десятка татар.

Притомился Дмитрий в долгой сече, пот заливает и ест глаза, и не дает рука прежней силы, а дух пере-

вести — минуты нет. Не один уже раз его бы настигла смерть, да видя что заслабел князь, крепко прилепились к нему три воя, — Сенька Быков, Федяй Зернов и Юрка Сапожник, — куда он, туда и они, и дружно стоят за своего государя. Был еще с ними четвертый, — Федор Холоп, — да отлетела душа его к Богу: принял в грудь копье, которое инако досталось бы Дмитрию.

И плохо им тут пришлось: свалил одного татарина Дмитрий Иванович, но другой тут же выбил у него меч и замахнулся-было саблей на безоружного князя. Но Юрка Сапожник не проглядел, — во-время подсек басурмана. Соскочил Федяй Зернов на землю, поднял меч и хотел дать его Дмитрию, но в этот самый миг достала его татарская сабля, а под государем пошатнулся конь и пал, придавив собою всадника. И хоть закрыли его собою Юрий Сапожник и Сенька Быков, — татары накатили разом, Быкова крюком сорвали с седла, Юрке отсекли руку и один ударил копьем в бок силившегося подняться князя. Дмитрий снова упал и сотворив молитву ждал уже неминучей смерти, но тут подоспели два брянских витязя и не глядя, что татар на каждого четверо, смело ударили на них.

Дмитрий, лежа на боку, с ногой придавленной трупом лошади, — бессильный помочь или хотя бы подняться, глядел на неравный бой, от исхода которого зависела его собственная жизнь.

Один из брянцев, — крепкий и ладный старик, с почти белою, по грудь бородой, — бился с ловкостью и умением, поразившими Дмитрия: только успели схватиться, а уж два татарина, с рассеченными головами, скувырнулись под ноги его коня; недолго маялся он и с третьим, кинулся на четвертого, но тот повернул коня и поскакал прочь. Перевел дух старый богатырь, стер ладонью пот и обернулся на помощь товарищу. Но вдруг обронил саблю, качнулся и упал с седла: выцелил его стрелою отскакавший татарин, — вошла прямо в глаз.

Другой витязь, по виду литовец, — много моложе первого и телом крупней, тоже рубился не плохо. Он

свалил двоих, осталось против него еще трое, но тут мимо них с победным криком хлынула в тыл русскому войску новая орда и все бывшие в поле татары поскакали за ней. Это Мамай, видя, что левое крыло русских смято и осталось лишь завершить победу, бросил в прорыв несколько туменов свежей конницы, которую берег на крайний случай.

Литовский витязь высвободил Дмитрия из-под коня и пособил ему подняться на ноги.

— Ты крепко ранен, княже великий? — спросил он.

— Кажись, пустяк, будто лишь кожу вспороло, — ответил Дмитрий. — Ну, друг, спаси тебя Христос на веки! Не уйти бы мне тут от смерти. Как звать тебя, скажи?

— Мартос я, государь, а прозванием Погож, из дружины Брянского князя.

— Добро, брате Мартос, тебя не забуду, коли жив останусь. А кто этот старый витязь, приявший столь славную смерть?

— Царство ему небесное, — перекрестился Мартос, глянув на тело товарища. — Экое горе будет нашему князю, сильно он любил старика. Это его давний дружинник, воевода Лаврентий Клинков. А родом он из Карачева.

— Да упокоит его Господь со святыми и славными, — крестясь сказал Дмитрий. — Ну, а теперь, Мартос, садись на коня и скачи в дубраву, к Засадному полку. Скажи Волынскому князю, либо Серпуховскому: пришло время!

— Лечу, княже. А ты как же? Хоть пособлю тебе на коня сесть.

— Не надобно. С такой раною пешим лучше: коли сомлею, — присяду и отдохну. Подай мне вон ту палицу, она и к бою хороша и опереться на нее можно.

Исполнив эту просьбу князя, Мартос ускакал, а Дмитрий вошел в прибрежные заросли и сев под деревом, стал напряженно вслушиваться в звуки боя, который теперь переместился в тыл Большого полка.

Очень скоро он услышал то, чего ожидал: за Смолкою взревела боевая труба, тотчас возник и ураганом

стал нарастать шум неисчислимого множества копыт, задрожала земля и вырвавшаяся из дубравы лавина Засадного полка ударила сбоку на орду, уже упивавшуюся победой.

Дмитрий стал на колени и глядя не на небо, как ему казалось, а на скакавшего впереди всех Серпуховского князя, несколько раз торопливо перекрестился. — "Господи, — прошептал он, — последнее даём и только от Тебя теперь чаем помощи! Не попусти же, чтобы погибла Русь!" — И поднявшись на ноги, он быстро пошел, почти побежал туда, где в эти минуты решался исход сражения.

**
*

Атака Засадного полка была сокрушающей, но в первое мгновение татары встретили ее стойко: они подумали, что это лишь небольшой отряд, — остатки разбитого Левого полка, собравшиеся за Смолкой для последней попытки спасти положение русского войска. Но когда поле покрылось десятками тысяч всадников, а лесная опушка продолжала, волна за волной, выбрасывать новые тысячи, — их охватила растерянность, обратившаяся в панику, когда кто-то крикнул: — "Аллах абкар! Убитые русы оживают и снова идут на нас!" И орда обратилась в беспорядочное бегство.

Часть ее, отрезанная стремительным ударом Засадного полка, оказалась в тылу русского войска и побежала вперед, к Непрядве. Все кто не попал в окружение, — и Мамай впереди других, — бросая всё и думая лишь о спасении жизни, устремились вон с Куликова поля, тою же дорогой, которой пришли. Большая часть Засадного полка, во главе с князем Боброком, кинулась в преследованье и рубя бегущих, гнала их почти пятьдесят верст, до реки Красивой Мечи.

Но битва еще не была окончена: многие тысячи, отрезанные от бежавшей орды Мамая, продолжали отчаянное сопротивление, ибо пощады в этот день никому не было. И эта последняя фаза сражения, в которой покрыл себя славой князь Владимир Серпуховский, была хотя и не долгой, но чрезвычайно упорной и кровопролитной.

Вначале татары надеялись, что им удастся уйти вплавь через Непрядву и потому всею своей массой хлынули к ней. Пробиться к реке им удалось без всякого труда, потому что всё русское войско оказалось позади них. Но крутой и покрытый непролазными зарослями ежевики берег почти не оставлял возможности спуститься к воде. Едва ордынцы начали прорубать в колючих зарослях проходы, — сзади на них обрушились подоспевшие части Большог полка, а сбоку, стараясь отрезать их от реки, ударили ростовцы князя Андрея Федоровича.

Поняв, что осуществить в таких условиях переправу невозможно, — татары теперь решили пробиваться из окружения тем же путем, которым в него попали. Стремительно вырвавшись из готовых сомкнуться клещей, они бросились назад, к Смолке, где путь им преграждала только небольшая часть Засадного полка, не ушедшая в преследованье Мамая. Сплотив вокруг себя всех находившихся тут бойцов, князь Серпуховский, не ожидая удара, двинулся навстречу татарам.

Они дрались с отчаяньем обреченных, но и русские окрыленные победой, стояли крепко и тут завязалась жестокая сеча. В ней нашел свою смерть храбрый воевода, князь Юрий Мещерский; сам Владимир Андреевич, — поспевавший всюду где татары начинали одолевать, — вскоре был окружен с небольшим числмо воинов, и бился из последних сил, уже не чая спасения.

Казалось, — еще минута и татары прорвутся, но подоспели сюда бойцы из других полков, — все кто находился поближе. Выручая князя Владимира, сложили тут свои головы подскакавшие одними из первых, московские воеводы Иван Родионович Квашня и Андрей Серкизов, сын ордынского царевича. Вскоре татар взяли в крепкое кольцо и полчаса спустя, все они были изрублены.

Великая битва закончилась. Русь славила победу!

И князь Владимир Андреевич приказал трубить отбой.

ГЛАВА 15.

"Князь же великии Дмитрей Ивановичь с братом своим, князем Володимером, став на костех татарских и многия воеводы и воины руския похвалише и честную Матерь Божью Богородицю крепко прославише. И стояще за Доном восемь дней, доколе же христиан схорониша, а нечестивых оставиша зверем на расхищение и после приехал Богом хранимый в стольный и великий град свой Москву".

Новгородская летопись.

Солнце уже спустившееся в пол-неба, но еще яркое, золотою искорью лучилось на помятых доспехах Серпуховского князя, сидевшего на коне под государевым стягом. К подножию бугра отовсюду стекались люди. Оставшиеся в живых воеводы и воины из разных полков, переполненные радостью победы и сохраненной жизни, тут же на поле, над телами десятков тысяч павших, обнимали друг друга, возглашая славу. Но невесел был князь Владимир Андреевич, и чем больше вглядывался он в лица подходивших, тем становился мрачнее.

— Еще погодите радоваться, — сурово промолвил он. — Государь-то наш где? Коли жив он и цел, неужто бы досе не объявился?

Победные крики разом стихли. Люди, минуту назад ликовавшие, теперь переглядывались с тревогой и страхом: только сейчас все заметили, что великого князя нет среди них.

— Кто и где его последним видел? — спросил князь Владимир.

— Был я с ним рядом, когда ссек он голову татарину, убившему боярина Бренка, — сказал Васюк Сухоборец. — А после меня от него отхинули.

— Я его и после видел, — промолвил десятник Гридя Хрулец, — уже когда стал подаваться назад наш Левый полк. Был он здрав и рубился с татарами крепко.

Нашлись и другие, в разное время видевшие Дмитрия Ивановича в сражении. Но последним из всех оказался молодой князь Степан Новосильский.

— Уже когда сеча к концу близилась, — сказал он, — увидел я великого князя недалече от Смолки. Пеший, бился он палицей с двумя басурманами и не мог я ему пособить, ибо в тот самый миг наскочили на меня четверо и сам я не ведаю, как жив остался.

— Стало-быть, там и надобно его искать, — молвил князь Владимир, съезжая с бугра. — А ну, братья, все на поиск, может, Господь даст, жив он еще. Веди, Степан Романович, где его видел!

Когда выехали на то место, где начинал битву полк Левой руки, кто-то из идущих впереди воинов не своим голосом крикнул:

— Господи, за что покарал нас?! Вот он лежит, наш свет-государь, уже холодный!

Владимир покачнулся в седле, будто стрела татарская ударила его в грудь, закрыл ладонью глаза. Но князь Роман Прозоровский огрел плетью коня, рванулся вперед. Минуту спустя, все облегченно вздохнули, услышав его голос:

— Слава Христу, братья, не он это, а князь Иван Федорович!

Владимир Андреевич подъехал и глянул вниз: перед ним, раскинув руки крестом, лежал в залитых кровью доспехах князь Иван Белозерский. Лицом он и при жизни был похож на Дмитрия, смерть же еще увеличила это сходство. Чуть поодаль лежал и отец его, князь Федор Романович, иссеченный саблями, а близь него князь Андрей Андомский и двое Белозерских княжичей, из коих старшему не минуло и восемнадцати лет.

— Упокой, Господи, светлые души их со святыми Русской земли, — крестясь промолвил Владимир. — Ищите же теперь государя, да на тех что лежат в богатых доспехах глядеть нет нужды: Дмитрей Иванович был в простой кольчуге и в шишаке.

Кругом было навалено столько трупов, что всем пришлось спешиться. Выйдя на берег Смолки, к тому месту, где князь Новосильский видел Дмитрия, люди рассыпались по кустам, с тревогою заглядывая в лица убитых. Искали долго и уже стали отчаиваться, когда

дети боярские Федор Сабур и Григорий Хлопищев набрели на великого князя. В изорванной и окровавленной кольчуге он лежал под деревом, без сознания, но еще был жив.

Принесли в шлеме студеной воды из речки, плеснули князю в лицо, еще и еще. Наконец, он вздохнул, невнятно забормотал что-то, пошевелил рукою и открыл глаза.

— Слава Христу и Пресвятой Богородице! Сжалился Господь над Русью! Жив государь наш! — пронеслось в толпе и радостная весть, передаваясь из уст в уста, в короткое время облетела огромное поле, возвращая воинам радость победы и вновь исторгая из многих тысяч грудей ликующие крики.

Дмитрий был ранен легко, — сломили его усталость и потеря крови. Все же он не вышел из битвы до конца и только когда татары побежали с поля, прилег на траву отдохнуть и тут впал в забытье.

Очнувшись теперь, он сел, взял из рук Сабура шлем с остатками воды и жадно их выпил до капли. Затем поднялся на ноги и чувствуя что хмелеет от бьющей из сердца радости, обнял Серпуховского князя, а за ним и других, стоявших вокруг людей.

— Ну, родные, спаси вас Христос, — говорил он. — С великою вас победою! Славно вы бились все, воистину не оскудела богатырями Святая Русь! День нынешний и безмерная доблесть ваша живы будут в потомках, доколе стоит Русская земля. А с таким народом как не стоять ей во-веки!

— Слава тебе, великий государь! Слава тебе, отец наш! Да живет и крепнет Святая Русь! — кричали вокруг.

— А за татарами пошла ли погоня? — возвращаясь к делам спросил Дмитрий, едва улеглась немного эта волна восторга.

— Погнался за ними Волынский князь и с ним, почитай, тысяч сорок воев, — ответил Владимир Андреевич.

— То добро. Надобно их так проводить, чтобы на Русь и дорогу забыли. А теперь хочу павших почтить

и покуда еще не смерклось, объехать поле. Коня мне дайте!

— Возьми моего, государь, а я себе другого сыщу, — сказал князь Федор Елецкий, передавая Дмитрию повод своего белого жеребца.

— Ты бы сперва рану свою обмыл, Дмитрей Иванович, а то долго ли до греха? — промолвил Владимир Андреевич, помогая великому князю сесть в седло.

— Это можно, — согласился Дмитрий. — Заедем по пути в мой шатер, заодно и переоблакусь.

***

День, зачатый в крови, клонился к вечеру; чернея длинились тени, заходящее солнце озаряло красноватым светом Куликово поле, усеянное телами павших. Дмитрий и прежде знал, что войско его понесло громадные потери, но только сейчас, объезжая с уцелевшими воеводами поле битвы, постиг он, какою ценой заплатила Русь за победу.

Два часа уже едут они по скошенной Смертью ниве и всюду, доколе глаз достает, лежат сраженные витязи. Тесно сомкнула ряды свои мертвая рать, — конь едва находит куда ступить, а местами тела громоздятся высокими грудами; стелются низом тяжкие стоны тех, в ком еще не угасла жизнь, — от них холодеет сердце и кажется, будто это плачет земля; вьются над трупами стаи крикливого воронья, летают с места на место, вспуганные воинами, выносящими с поля раненых. Напилась земля кровью, как весенним дождем и долго еще будет роситься скорбящая Русь слезами...

У бугра, где зыбился на ветру привязанный к копью черный стяг, весь иссеченный вражьими саблями, но до конца выстоявший тут под страшным натиском орды, великий князь остановился. Убитых в этом месте воевод уже успели извлечь из сонмища мертвых тел и положить в ряд, под знаменем.

Медленно сняв с головы шлем, Дмитрий перекрестился отяжелевшей от внезапной слабости рукой и повёл глазами по безжизненным, ранами освященным лицам. Вот перед ним, на последнем смотру, вытянулись товарищи по многим славным походам, лучшие

друзья и верные слуги: Миша Бренко, коего с детства любил как брата, свояк Микула и дядя его Тимофей Вельяминов, старый окольничий Иван Кутузов, оба Валуевича, бесстрашный Андрей Шуба и гордость русского войска, — богатырь Григорий Капустин. Тут и славный воевода Семен Мелик, — давно уже ставший почитать за обиду всякое напоминание о том, что был он когда-то рыцарь фон Мельк, — и другой пришлец из чужой земли, Иван Драница, жизнь положивший за приемную мать свою, за святую и ласковую Русь; юные совсем Родион Ржевский и Брянские княжичи Глеб и Роман, а с ними рядом — доблестный инок Ослябя, близь которого положили и племянника его убитого, юношу Якова.

— Прими, Боже, в царствие Твое и в жизнь вечную верных сынов православной Руси, за Родину убиенных, — снова перекрестился Дмитрий и отер ладонью сползавшие по щекам слезы. Потом, обратясь к своим спутникам, добавил:

— Всех этих и других воевод, смерть приявших, завтра же везти в Москву, там похороним их с великою честью. А простых воинов с утра начнем предавать христианскому погребению тут, на поле. И сам я здесь останусь, доколе не провожу в могилу последнего.

Выехав к берегу Смолки, великий князь отыскал то место, где был он ранен и упал с коня. Седой воевода Лаврентий Клинков лежал еще здесь, с залитым кровью лицом и со стрелой, торчащей в глазнице. Глядя на него, Дмитрий помолился коротко и сказал, обращаясь к сопровождавшим его князьям:

— За меня смерть принял... Мне бы тут лежать, кабы не он и не друг его Мартос Погож. А этот жив ли?

— Здесь я, государь, — отозвался Мартос, находившийся при Брянском князе, в свите Дмитрия.

— Ну, выезжай сюда! — И когда Мартос приблизился, Дмитрий обнял его и сказал: — много я ныне потерял друзей, но Господь даст, будут новые. Хочешь служить мне?

— Я бы с радостью, государь... коли князь мой меня отпустит.

— Уступи его мне, Дмитрей Ольгердович, — обратился Дмитрий к Брянскому князю. — Ведь не зря его Бог привел мне на помощь, когда я уже и не чаял в живых остаться.

— Он в своей судьбе волен, Дмитрей Иванович. Я же себе за честь приму, коли мой верный дружинник будет взыскан твоею особой милостью.

— Ну, вот и добро, спаси тебя Христос, княже. Коли позволишь, и этого старого витязя, за меня жизнь отдавшего, велю отвезти в Москву и с честью похоронить в Кремле, вкупе с моими воеводами. А тебя, — обратился он к Мартосу, — жалую своим окольничим, на место ныне убиенного Ивана Кутузова.

Проехав еще шагов двести, увидели на земле, среди нагроможденья татарских трупов, иссеченные тела воевод Ивана Квашни и Андрея Серкизова. Князь Владимир Андреевич сошел с коня, поклонился праху их земно и поцеловал покойников.

— Меня спасая, приняли венец мученический, — пояснил он Дмитрию, глядевшему на него. Потом, обращаясь к своему стремяному, сыну боярскому Арцыбашеву, добавил: — вели сей же час их вынести отсель и обмыть. Тела обрядить в лучшие мои одежды и везти в Москву, к семьям их, о коих попечение на себя приемлю.

Уже когда тронулись дальше, все увидели что великий князь, отъехав чуть в сторону, стоит, склонив непокрытую голову и глядя вниз: перед ним лежал на траве боярин Иван Ахметович. В груди старого царевича торчала татарская стрела, пробившая сердце. Лицо было спокойно и благостно.

— Сыскал-таки кончину, какую чаял, — с ласковой грустью промолвил Дмитрий. — Отведи же ему, Господи, место достойное в Твоем светлом раю, среди славных и чистых сердцем![1]).

***

Утром возвратился из погони князь Боброк. Воины его иссекли тысячи бежавших татар, — особенно

---

1) Потомки царевича Серкиза носят фамилию Старковых.

много при их переправе через реку Красивую Мечу, за которою русские уже их не преследовали. Добыча была огромна: в руки победителей попал шатер Мамая, со всем его великолепным убранством, шатры и имущество других татарских князей, все кибитки и повозки орды, множество лошадей, скота и оружия.

Весь день отпевали убитых и хоронили их в обширных братских могилах, но к ночи успели предать земле лишь малую часть. Вечером боярин Михайла Челяднин, ведавший счет павшим, доложил великому князю Дмитрию:

— Убиенных у нас, государь, князей тридцать четыре, а больших воевод и бояр московских сорок, да из иных городов и земель русских близь пяти-сот, да двадцать семь литовских. Воинов же схоронили сегодня двенадцать тысяч и три ста. И ежели по стольку хоронить каждодневно будем, — станет мертвых еще дён на семь, либо на восемь. А татар полегло в поле много больше. Ужели и их закапывать велишь?

— Где там! — махнул рукою Дмитрий. — Оставить зверям да воронью на расхищение!

Вскоре стало известно, что великий князь Ягайло, со всем литовским войском, в день битвы находился в тридцати верстах от Куликова поля, но узнав о победе Дмитрия, в тот же час повернул назад и уходит так быстро, словно за ним гонятся по пятам.

Восемь дней хоронили убитых русских воинов и едва сумели закончить: десятки тысяч разбросанных по полю татарских трупов начали разлагаться, отравляя воздух невыносимым смрадом.

Семнадцатого сентября, когда погребение было завершено[1]), Дмитрий повел свое войско назад в Моск-

---

[1]) Позже Дмитрий Донской приказал поставить на месте этого погребения церковь Рождества Пресвятой Богородицы и было постановлено ежегодно, в Дмитриеву субботу, совершать поминовение павших на Куликовом поле, "доколе стоять будет Русская земля". В 1848 году на Красном холме, там где во время битвы стоял шатер Мамая, был воздвигнут памятник павшим в этой битве.

ву и вступил в Рязанскую землю. Великий князь Олег Иванович, опасаясь жестокой расправы за свое вероломство, вместе с семьей бежал в Литву. Но рязанский народ встретил Дмитрия восторженно, а бояре вышли ему навстречу с хлебом-солью, моля не гневаться и пощадить Рязанщину.

Дмитрий внял их мольбам и ограничился тем, что посадил в Рязани своих наместников[1]), а войску московскому повелел: "Рязанскою землею идучи, ни единому волосу не коснуться".

***

Москва встретила победителей колокольным звоном и всенародным ликованием. И хотя в каждой почи семье было кого оплакивать. Русь расцветала великою радостью: разбита поганая Орда, полтора столетия тяжким гнётом давившая Русскую землю и еще так недавно казавшаяся непобедимой. В обычном своем смирении и скромности, забывая о собственном неоценимом вкладе в дело этой победы, — народ видел в ней неоплатную заслугу своего государя, великого князя Дмитрия, которого нарек Донским, а главного его сподвижника, князя Владимира Серпуховского — Храбрым[2]).

В эти дни бурного национального подъема и опьянения великой победой, все хотели думать, что татарское иго сброшено полностью и навеки. Но это оказалось не так: в дряхлеющей империи Чингизидов, кроме Мамаевой орды, были и другие, еще достаточно мощные силы, власть которых над Русью, хотя и в очень ослабленной форме, продержалась еще целое столетие.

Да и сам Мамай не считал свое дело окончатель-

---

1) В следующем году, подписав с Дмитрием договор, в котором он признавал себя его "молодшим братом", отказался от союза с Литвой и сделал Москве некоторые территориальные уступки, — Олег Иванович возвратился на свое княжение в Рязань.

2) В течение долгого времени в этих прозваниях не было строгого разделения: Дмитрия часто называли Храбрым, а Владимира Серпуховского Донским. Только значительно позже они закрепились окончательно.

но проигранным: возвратившись в Орду, он тотчас принялся собирать новое войско на Дмитрия, но хан Тохтамыш воспользовался благоприятной для себя обстановкой и сейчас же выступил против него.

Битва произошла на той самой реке Калке, где татары когда-то нанесли первое поражение русским князьям, и в ней Мамай был разбит наголову. Все его темники передались Тохтамышу, а сам он бежал в Кафу[1]). Владевшие ею генуэзцы, — недавние союзники Мамая, — согласились его принять, но это убежище оказалось весьма ненадежным: Кафа жила, главным образом, торговлей с Ордой, и видя что в ней прочно воцарился Тохтамыш, генуэзцы предательски убили Мамая. Это им принесло двойную выгоду: они снискали расположение Тохтамыша и в то же время овладели несметными сокровищами Мамая, — итогами двадцатилетнего ограбления Руси, — которые он привез с собою в Кафу.

Одолев последнего соперника и сделавшись единым повелителем Золотой и Белой Орды[2]), Тохтамыш тотчас уведомил об этом всех русских князей. Прибыл его посол и в Москву. В выражениях вежливых и даже дружелюбных, новый великий хан извещал князя Дмитрия Ивановича, что он уничтожил их общего врага, самозванного хана Мамая и приняв верховную власть над всем улусом Джучи, ожидает к себе должного повиновения.

Ослабленная потерями на Куликовом поле, Русь не была сейчас в состоянии выдержать новую войну со столь сильным противником. Скрепя сердце, Дмитрий принял ханского посла "с честью" и отправил Тохтамышу богатые дары.

Конец первой части.

---

1) Кафа — нынешняя Феодосия.

2) В русских летописях с этого времени термин "Золотая орда" начинает исчезать и появляется новый: Большая орда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА ГОРЕ

ГЛАВА 16.

"В лето 6889 царь Тохтамыш послал посла своего к великому князю Дмитрею Ивановичю, зовущи его в Орду, царевича некоего Ак-хозю, а с ним дружины семь сот татаринов. И дошедши Нижнего Новагорода возвратися тот царевич вспять, а на Москву не дерзнул идти, но посла некиих своих товарищев не во мнози дружине".

Московская летопись.

Одержав победу над Мамаем и объединив под своей властью оба татарских государства, Тохтамыш сразу положил конец ханским усобицам и разрухе, четверть века изнурявшей всесильную прежде Орду. Ни один из улусных властителей не мог больше помышлять о какой-либо борьбе или о соперничестве с ним.

Из всего необъятного улуса Джучи, лишь Хорезм не подчинился Тохтамышу и сохранял пока независимость. Но эта независимость была только видимой, ибо там почти открыто распоряжался Тимур. Хорезмшах[1]) Юсуф Суфи, — сын умершего в 1372 году Хуссейна, — после нескольких крайне неудачных для него вооруженных столкновений, понял, что он не в состоянии воевать со столь могущественным соседом, а потому, чтобы возможно дольше сохранить за собой престол и уберечь свою страну от напрасных разорений, — превратился в покорного исполнителя воли Тимура.

Все это хорошо знал Тохтамыш и потому, со сво-

---

[1]) Хорезмшахами титуловались монархи Хорезма, как тогда называлось Хивинское ханство.

ей стороны, на Хорезм пока не посягал. Он отнюдь не собирался уступить кому-либо эту богатейшую страну, — прежде входившую в состав Золотой Орды, — но раньше чем приступить к действиям, которые могли повлечь за собой войну с Тимуром, ему нужно было хорошо укрепить свои собственные силы и, прежде всего, добиться полной покорности Руси, — что было нелегко после ее блестящей победы над татарами, на Куликовом поле.

Правда, великий князь Московский с честью принял его послов и прислал богатые подарки, но о том, — продолжает ли он считать себя татарским данником, не сказал ни слова и дани пока не присылал. Ордынцы же, по тем или иным делам ездившие на Русь, привозили оттуда плохие вести. Их встречали совсем не так, как прежде: никто не обнаруживал перед ними былого страха или, хотя бы, уважения, но, наоборот, — им говорили дерзкие речи, открыто насмехались, а бывало и били. И потому Тохтамыш решил, не останавливаясь перед крутыми мерами, навести на Руси порядок и обеспечить себя от возможных неожиданностей со стороны Московского князя, который, судя по всему, совершенно перестал считаться с Ордой.

Ставку свою Тохтамыш держал теперь в Сарае-Берке. Сюда же перевез из Ургенча свою семью и неотлучно находившийся при нём Карач-мурза-оглан. Собственно, перевозить ему пришлось только жену, так-как оба сына его уже служили в войске. Свое боевое крещение они получили в битве с Мамаем, на реке Калке, где семнадцатилетний Рустем отличился такой распорядительностью и столь беспримерной отвагой, что Тохтамыш тут же поставил его тысячником и с той поры относился к своему старшему племяннику с исключительным благоволением.

Милостями был осыпан и Карач-мурза: в числе четырех знатнейших ордынских царевичей, он был назначен в состав ханского дивана[1]), ему был подарен дво-

---

[1]) Диван — постоянный верховный совет при великом хане, ведавший важнейшими государственными делами. В Золотой Ор-

рец в Сарае, а к улусу его присоединены обширные земли, до самого Иртыша, с городами Чамга-Турой, Бицик-Турой и Искером[1]), что превращало Карач-мурзу в одного из самых крупных владетельных князей Орды[2]). В его подчинении находилось несколько туменов войска, хотя Тохтамыш чаще пользовался им не как военачальником, а как доверенным лицом для исполнения особо важных дипломатических поручений.

Летом 1381 года, у Тохтамыша как-раз возникла надобность отправить посла к Московскому князю Димитрию, которого он решил вызвать в Сарай, чтобы тут потребовать у него повиновения и дани. Вначале он хотел поручить это посольство Карач-мурзе, но поразмыслив, раздумал: посол должен был по пути нагнать страху на черезчур осмелевший русский народ и беспощадно карать за малейшее проявление непочтительности к татарам, а приехав в Москву, — разговаривать с Дмитрием так, как говорили с русскими князьями послы Бату-хана[3]). Карач-мурза не годился для этого, как по своему характеру, так и по дружественному отношению к Руси и к князю Дмитрию, которого он от Тохтамыша никогда не скрывал, — а потому послом в Москву был отправлен царевич Ак-ходжа, — человек, как казалось великому хану, для этой цели вполне подходящий. Для большей внушительности, его сопровождало несколько других ордынских князей и отряд отборных нукеров, численностью в семьсот человек.

де был введен ханом Узбеком и состоял из четырех членов, из которых каждый имел свои определенные функции. По нынешней терминологии это были министры: военный (беглер-бей), внутренних дел (везир), иностранных дел и финансов.

1) Чамга-Тура — нынешняя Тюмень, Бацик-Тура — Тобольск. Искер — город стоявший недалеко от Тобольска, позже он был столицей сибирских ханов.

2) Многие географические названия этой области и поныне сохраняют память об этом, например, — гора Карачи, озеро Карачинское, урочище Карачин, возвышенность Кичик-Карачи и др.

3) Бату-хан — завоеватель Руси и основатель Золотой Орды. Русские летописи называют его Батыем.

По повелению Тохтамыша, Ак-ходжа-оглан, прежде чем явиться в Москву, должен был посетить Рязанского и Нижегородского князей, владения которых граничили с Ордой, и под угрозой опустошения их земель, потребовать безоговорочного подчинения воле великого хана, даже в случае его войны с Московским князем.

Въехав в Рязанскую землю, ханский посол сразу заметил, что население встречных сёл и деревень настроено, по отношению к татарам, явно неприязненно. Русские крестьяне, видя многочисленность ордынского отряда, внешне держали себя пристойно и почти ничего, к чему можно было бы придраться, себе не позволяли, но глядели угрюмо и зло, на все вопросы отвечали незнанием, повиновались медленно и с явной неохотой.

По пути отстегав кое-кого плетью и приказав своим нукерам сжечь одну деревню, где, при въезде хансого посла, люди стояли в шапках, а на приказание снять их, ответили, что "ноне Русь перед погаными[1]) шапки не ломает", — Ак-ходжа, сильно раздраженный всем этим, доехал до Рязани и сейчас же потребовал к себе великого князя.

Олег Иванович явился тотчас. Он всего месяц тому назад возвратился на свое княжение, признав себя "молодшим братом" Московского князя и поклявшись "руку его ворогов впредь не держать". Но в то же время он панически боялся татар, чуть ли не ежегодно подвергавших его вотчину жестоким опустошениям и этот почти суеверный страх перед Ордой был главной причиной всех его политических ошибок, столько зла причинивших Русской земле. Даже теперь, после Куликовской битвы, он не верил в то, что Москва способна успешно защищать Русь от татарских нашествий, а так как его княжество лежало на пути этих нашествий первым, — Олег Иванович не хотел рисковать. Он покорно принял разнос от ханского посла, оправдывался как

1) Слово "поганый" означало тогда "язычник", как и латинское слово "paganus", от которого оно происходит.

мог и поклялся "всегда быть его пресветлому величеству, хану Тохтамышу, преданным слугой".

Простояв в Рязани четыре дня и получив от Рязанского князя богатые подарки для себя и для великого хана, повеселевший Ак-ходжа тронулся дальше. Но, миновав мордовские земли и вступив в пределы Нижегородского княжества, он сразу понял, что самое неприятное начинается только теперь. За постоянные грабежи и набеги, здесь ненавидели Орду особенно лютой ненавистью, но, не в пример рязанцам, нижегородцы обычно в долгу не оставались, отвечая частыми мятежами и беспощадными избиениями татар, проживавших в Нижнем Новгороде или случайно там оказавшихся. Таким образом, особого страха перед Ордой тут и прежде не было, теперь же, — после победы на Куликовом поле, — все были уверены в том, что ее владычеству над Русью пришел конец. А потому появление вооруженного отряда татар, державших себя с еще большей наглостью, чем прежде, вызывало всеобщее негодование.

В первом же нижегородском селе Ак-ходжу встретили с такой открытой враждебностью, что он приказал бить плетьми всех мужчин, без изъятия, а село разграбить. Но во втором вышло еще хуже. Тут, при въезде татар, все продолжали заниматься своими обыденными делами, словно бы вовсе не видели ни самого посла, ни его треххвостого бунчука[1]), ни нукеров.

Поведя вокруг сузившимися от гнева глазами, Ак-ходжа остановил их на коренастом мужике, который, совсем близко от него, стоя в шапке и спиной к послу, спокойно прилаживал к своему тыну новый кол, взамен старого, подгнившего. По знаку царевича, ехавший за ним нукер подскочил к мужику и ловким ударом плети сбил с него шапку. Но тут произошло вовсе небывалое: мужик размахнулся колом и так огрел им ну-

---

[1]) Бунчук высших начальников и князей Орды состоял из различного числа хвостов тибетских яков, от одного до семи. Три хвоста были присвоены царевичам, — младшим членам рода Чингиз-хана.

кера, что тот едва удержался в седле. На него сейчас же набросились четверо татар и жестоко избив, со скрученными за спиной руками поставили перед послом.

— Как посмел ты, подлый раб, поднять руку на моего воина?! — закричал Ак-ходжа.

— Не стерпел обиды, вот и вдарил, — сплевывая кровь ответил мужик, когда посольский толмач перевел ему слова царевича. — Пущай и он не дерется: ноне мы Орде боле не подвластны.

— Не подвластны?! Сейчас ты это увидишь! Ты знаешь, что бывает за оскорбление ханского посла?

— Знаю, — ответил мужик, обращаясь к толмачу. — Смерти мне всё одно не миновать, так скажи ты своему послу... — и он добавил такое, что толмач в растерянности уставился на него, не решаясь переводить.

— Что он сказал? — нетерпеливо спросил царевич.

— Он сказал... Я не могу повторить этого, пресветлый оглан!

— Говори! — в бешенстве крикнул Ак-ходжа.

— Этот грязный урус, да испепелит его Аллах своим гневом, очень плохо сказал про твою почтенную мать, пресветлый оглан...

Дерзкого мужика, по повелению Ак-ходжи, посадили на кол, всех остальных перепороли, село разграбили и сожгли. Пока занимались всем этим, спустились сумерки и отряд расположился на ночлег тут же, на опушке леса, в ста шагах от догорающей деревни.

Ночь прошла спокойно. Но наутро, когда отдан был приказ выступать, к царевичу явился один из десятников и доложил, что из его десятка исчезли два воина. Минуту спустя, подошли еще двое и сказали, что у них тоже недосчитывается по одному человеку. Бегство из войска было в Орде крайне редким явлением и потому Ак-ходжа сразу подумал другое:

— Наверное всю ночь забавлялись с русскими женщинами и теперь спят где-нибудь в лесу, — сказал он. — Разыскать сейчас же этих похотливых псов и привести ко мне!

Искали долго. Наконец, в версте от опушки услышали стоны и на маленькой лесной поляне нашли всех

четверых, посаженными на колья. Один из них еще смог рассказать, что ночью, когда он вошел в лес по своей надобности, его оглушили ударом по голове и принесли сюда. Остальное пояснений не требовало. Покарать за это было некого, так-как ночью все жители сожженного села исчезли и Ак-ходжа хорошо понимал, что их теперь не найти в расстилающихся вокруг лесных чащобах. Он распорядился прикончить несчастных, чтобы прекратить их мучения, и трогаться дальше.

Следующее село на пути движения татарского отряда оказалось покинутым жителями. Грабить в нем тоже было нечего потому, что крестьяне попрятали или унесли с собою весь свой скарб и угнали скотину. Приказав спалить село, Ак-ходжа продолжал поход. В этот день он миновал еще одну такую же безлюдную деревню, — велел сжечь и её, — а ночью у него снова убили двух воинов и у нескольких выпущенных на пастбище и стреноженных лошадей оказались перерезанными сухожилия.

Так, изредка продолжая встречать на своем пути покинутые населением деревни, Ак-ходжа ехал еще три дня. На ночлегах он теперь выставлял усиленную охрану, да и люди его научились осторожности, а потому никаких потерь в отряде больше не было. На четвертый день он подошел к укрепленному городку Курмышу, рассчитывая на его жителях отквитаться за всё, но ворота города оказались запертыми. Тщетно Ак-ходжа, именем великого хана, требовал отворить их и впустить его в город, — со стен ему отвечали насмешками и бранью.

В ярости Ак-ходжа попробовал взять городок приступом, но был отбит, потеряв человек сорок убитыми. Понимая, что у него слишком мало сил и времени для осады, царевич, — пообещав еще возвратиться сюда и стереть Курмыш с лица земли, — двинулся дальше, к Нижнему Новгороду, куда и прибыл два дня спустя, встреченный всеобщей враждебностью. От самого въезда в город, до княжеского дворца, толпа провожала татар оскорблениями и угрозами, на которые Ак-ходжа не решился ответить применением силы, сознавая,

что это может привести к немедленной расправе с ним и с его людьми.

Весь накопившийся гнев он излил на Нижегородского князя. Тыча ему под нос ханскую пайцзу[1]) и топая ногами, посол перечислял все свои обиды и кричал, что едва возвратится он в Сарай, — оттуда двинется огромная орда, которая обратит Нижегородскую землю в пустыню.

Престарелый князь Дмитрий Константинович, никогда не отличавшийся мужеством и на своем веку немало претерпевший от татар, испугался не на шутку. Он сбивчиво и бестолково оправдывался, сваливая всю вину на Мамая, который дал себя побить Московскому князю, и на этого последнего, — своей победой подорвавшего уважение русского народа к Орде.

— В моей земле это еще ништо, — сказал он под конец, — одно озорство, не более. Вестимо, виновных я велю разыскать и покараю их так, чтобы другим неповадно было, и ты, пресветлый царевич, на то обиды не держи. А вот поедешь дальше, сам увидишь что̀ будет в Московских землях, — там народ вовсе потерял страх к татарам! Я тебя от чистого сердца упреждаю: лучше бы ты туда и не ездил, — перебьют в пути всех вас, до единого. А великому хану, да сохранит его Господь на долгие годы, доведи, что выйти из его воли я и в мыслях не имею, и скажи, что Суздальско-Нижегородский князь первый ему на Руси слуга!

Но понадобилось еще много уговоров, покаяний и подарков, чтобы умилостивить посла. Наконец, Акходжа смягчился, сказал, что готов предать забвению все происшедшее и обещает князю ханскую милость, если он поклянется никогда не держать сторону врагов великого хана. Дмитрий Константинович, радуясь, что так дешево отделался, сейчас же дал требуемую клятву.

Однако, в связи со всем пережитым по дороге, —

---

[1]) Пайзца — золотая, серебряная или бронзовая пластинка овальной формы, с выгравированным на ней текстом, служившая в Орде пропуском или знаком особых полномочий.

совет Нижегородского князя не ехать в Москву, показался Ак-ходже весьма разумным. Но исполнить волю великого хана все-таки было нужно. Пройденный путь наглядно показал, что большой отряд татар на Руси привлекает к себе слишком много внимания и ненависти, а потому, перепоручив свою миссию одному из сопровождавших его князей и приказав ему взять с собою только десяток нукеров, сам царевич остался ожидать своего гонца в Нижнем Новгороде.

Через три недели его посланец благополучно вернулся назад, но ответ он привез совсем не такой, какого ожидал хан Тохтамыш: великий князь Московский ехать в Орду отказался наотрез и сказал, что ныне Русь дани никому не платит, но ежели с великим ханом у него наладится дружба, — подарки от случая к случаю присылать будет.

С тем Ак-ходжа к осени и возвратился в Сарай.

ГЛАВА 17.

> Буди же вам всем, доброхотящим Росийскому царству, милость Божия и помощь от пречистыя Богородицы, чюдотворцев великих и от всех святых.
>
> "Повесть о преславном Росийском царстве", начала XVII века.

Выслушав известия, привезенные его послом, Тохтамыш понял, что привести Москву к повиновению можно будет только вооруженной силой. Но все же он не сразу решился на это: риск был очень велик. Сокрушительным поражением, нанесенным огромной орде Мамая, Московский князь с полной очевидностью показал нынешнюю мощь Руси. Удастся ли одолеть эту мощь ему, Тохтамышу, и не ожидает ли его самого участь Мамая и потеря всего, что с таким трудом было достигнуто?

"Правда, победа над Мамаем дорого обошлась Дмитрию и его значительно ослабила. У него стало вполовину меньше воинов, но зато каждый из них теперь вдвое сильнее духом: они узнали, что можно по-

беждать Орду и татар уже не боятся, как прежде, — это хорошо видно из того, что рассказывал Ак-ходжа. И каждый татарин, который это знает, будет сражаться хуже, чем раньше сражался, потому что он уже не верит в непобедимую силу Орды ..." — Так думал Тохтамыш, которому в душе очень хотелось избежать этой опасной войны.

Но как избежать ее, не уронив перед всем миром своего достоинства, когда теперь все знают, что Московский князь отказал ему в повиновении? Если бы он согласился платить хотя бы малую дань, тем признавая перед другими свою зависимость от Орды, — иного бы хан и не требовал. Но того что Дмитрий, — чьи предки полтораста лет были татарскими данниками, — захотел теперь стать таким же независимым государем, как и он сам, Тохтамыш, стремившийся возродить под своей властью великую империю Батыя, не мог снести. И чем больше он размышлял об этом, тем тверже укреплялся в мысли, что войны с Москвой все равно не миновать. А если так, — лучше начинать ее скорее, пока Московский князь не успел оправиться от потерь, понесенных в Куликовском сражении и пока есть уверенность в том, что не все русские князья его поддержат.

Придя к такому решению, Тохтамыш не теряя времени начал готовиться к походу, стараясь учитывать всё, что могло облегчить ему победу. Свой успех он строил не столько на численности войска, сколько на внезапности удара, а потому считал особенно важным, чтобы в Москве не догадывались о нависшей над нею угрозе. Хорошо зная, что у Дмитрия есть в Орде осведомители, от котрых нельзя сохранить свои приготовления в тайне, Тохтамыш, приступив к сбору войска, искусно распространил слух, будто он готовит поход на Азербайджан. Это всем показалось правдоподобным: четверть века тому назад завоеванный ханом Джанибеком, Азербайджан снова отделился от Орды во время царившей в ней многолетней разрухи, и было вполне естественно, что Тохтамыш хочет привести его к покорности.

Таким образом, об истинных намереньях великого хана даже в Орде знали только особо доверенные лица, в числе которых находился и Карач-мурза.

Новость эта была ему крайне неприятна. Он считал себя другом Руси и князя Дмитрия, а потому искренне радовался его победе над Мамаем. И вот теперь над Русью, — над родиной его отца, — снова сгущались тучи страшной войны. Пусть сам он не примет в ней участия, — как поклялся когда-то митрополиту Алексею, — но разве это что-нибудь изменит? И разве не обещал он митрополиту еще и другое: где только возможно, отводить беду, грозящую русскому народу? Что же теперь делать? Предупредить князя Дмитрия о надвигающейся на него опасности? — Но при таком положении, как сейчас, это будет не только прямой изменой Тохтамышу, которому он тоже клялся служить честно, но и предательством по отношению к Орде, где он родился и вырос.

Запутавшись в этих противоречиях, Карач-мурза томился под гнетом тяжелых дум и не знал на что решиться, не потеряв уважения к самому себе. И вдруг он вспомнил то, что сказал ему когда-то митрополит Алексей: — "всегда будь чист в делах своих и ничем недостойным себя не пятнай, ни на Руси, ни в Орде..." Вот золотые слова, достойные того, кто их произнес! И Карач-мурза, сразу приняв решение, отправился к Тохтамышу.

Начав с других дел, которые были ему поручены, он дождался минуты, когда разговор коснулся предстоящего похода и промолвил:

— Да ниспошлет тебе Аллах удачу во всем, великий хан! Но если ты мне позволишь сказать то, что я думаю, — я скажу: человек, который желает себе удачи, должен поступать так, чтобы Аллаху было легче ему помочь.

— Разве ты думаешь, что я поступаю не так? — спросил Тохтамыш.

— До сих пор ты поступал так, что Аллаху было легко помогать тебе и с его помощью ты достиг того,

чего хотел. Но я думаю, что этот поход на Русь не принесет тебе пользы.

— Почему ты так думаешь?

— Недавно ты сам говорил: "сделавшись повелителем Великой Орды, я должен стать сильнее Тимура, иначе он нас раздавит". Зачем же теперь ты хочешь ослабить свою силу ненужной войной с Московским князем?

— Почему эта война кажется тебе ненужной?

— Потому, что если даже ты победишь Московского князя, — что будет нелегко, ибо он очень силен, — ты выгадаешь много меньше того, что потеряешь.

— Что же, по твоему, я выгадаю и что потеряю?

— Ты выгадаешь его внешнюю покорность, да в год несколько тысяч рублей дани, без которой легко можешь обойтись. А потеряешь убитыми очень много воинов и наживешь, в лице князя Дмитрия, опасного врага, который ударит тебе в спину, когда Тимур пойдет на нас войной.

— Пусть так. Но Московский князь не захотел мне повиноваться добром и я заставлю его повиноваться силой! Если я этого не сделаю, все подумают, что я слаб или боязлив и против меня начнут восставать улусные ханы и эмиры. Это ослабит мои силы больше, чем война с Русью. Со времен Бату-хана, она всегда была покорна воле повелителей Золотой Орды и я не хочу быть первым, кому она откажет в повиновении!

— Раньше было другое, великий хан! Русь была слаба и разрозненна, а Орда сильна и непобедима, — ей повиновалась вся Азия и никто не помышлял меряться с нею силой. Тогда не было Тимура, великий хан! А теперь тебе лучше быть с Московским князем в дружбе: если ты его сейчас не тронешь, мы сможем не бояться за свой тыл, когда начнется война с Тимуром. Ты сам знаешь, что эта война уже близко и что она будет очень трудной.

— В твоих словах есть доля истины, — сказал Тохтамыш после некоторого раздумья. — Я сам это понимаю и потому не искал войны с Московским князем. Но сейчас, когда он ответил моему послу, что не хо-

чет ехать в Орду и не хочет платить мне дани, — оставить это так, значит признать себя побежденным без войны. Теперь он сам заставил меня воевать с ним!

— Твой посол не умел говорить с ним, великий хан! Почему ты не послал меня? Я друг князя Дмитрия и я бы уговорил его.

— Почему я не послал тебя? — переспросил Тохтамыш, чтобы выгадать время и подыскать хороший ответ. — Не послал как-раз потому, что ты друг князя Дмитрия. Я думал, что тебе неприятно будет ехать к нему с таким поручением и принуждать его к покорности.

— Еще не поздно, великий хан: пошли меня теперь! Я объясню ему всё, скажу, что тебе нужна только его видимая покорность и хотя бы самая ничтожная дань, которая для других послужит знаком этой покорности. И обещаю от твоего имени, что если он на это согласится, — ни один татарский отряд никогда не войдет в Русскую землю.

— Это будет означать, что после его дерзкого ответа, я, вместо того, чтобы покарать его, пошел на уступки. А если он даже и на это не согласится, — выйдет, что я сам захотел, чтобы мое ханское достоинство было оскорблено еще раз!

— Он согласится! Князь Дмитрий умный человек, он поймет, что так будет для него лучше, великий хан! Я друг князя Дмитрия, но я и твой друг, ты сам знаешь, что я всегда честно служил тебе. Я хочу добра вам обоим и я сделаю так, что всё будет хорошо без войны. Пошли меня в Москву, великий хан!

— Я над этим подумаю, — сказал Тохтамыш после довольно продолжительного молчания, — и когда взвешу всё, дам тебе свой ответ. А пока все равно будем продолжать сборы. Если войско нам не понадобится для похода на Русь, мы можем и в самом деле послать его на Азербайджан.

Тохтамыш не любил менять раз принятых решений, но все же слова Карач-мурзы и горячая убедительность его доводов произвели на него столь сильное впечатление, что вначале он был близок к тому, чтобы после-

довать совету своего двоюродного брата. Но по мере того, как он над этим размышлял, — перевес брали его врожденные подозрительность и недоверчивость.

"Карач-мурза человек честный и верный, — думал он, — но ведь он наполовину русский. И в этом деле — кто знает, какая кровь в нем говорит громче: русская или татарская? Он мне не изменит, но он хочет добра Московскому князю, а потому может сказать ему что-нибудь такое, что будет мне во вред. Если его слова не будут звучать сталью, князь Дмитрий подумает, что я его боюсь. И тогда уж совсем не захочет мне подчиняться и платить дань. Значит, все равно будет война, но я уже не смогу напасть на него внезапно: если даже Карач-мурза не скажет ему, что я готовлюсь к походу на Русь, — он, если не совсем глуп, сам это поймет и сразу начнет собирать войско. И когда я пойду на Москву, оно встретит меня на рубежах Русской земли, как встретило Мамая!"

Свой ответ Карач-мурзе Тохтамыш оттягивал сколько мог, ссылаясь на то, что прежде чем решить что-либо относительно Московского князя, он хочет дождаться от своих людей из Самарканда известий о том, что делает и что затевает Тимур. Наконец, когда уже наступило лето, он вызвал к себе Карач-мурзу и сказал:

— Я получил плохие вести из Мавераннахра: Тимур встревожен нашими приготовлениями и собирает большое войско потому, что он, как и все другие, думает, что мы готовим поход на Азербайджан. Ты знаешь, что сейчас он там распоряжается, как хозяин и ждет когда можно будет захватить эту страну открыто. Он этого не дождется, но мне еще нельзя с ним ссориться. Надо сказать ему, что я хочу идти на Русь. Но этого мало: нужно сделать так, чтобы он поверил, будто я совсем не думаю об Азербайджане и что мне не важно чтò он там делает. Понимаешь? Прямо говорить этого нельзя и обещать тоже ничего нельзя, но нужно заставить его думать, что меня удерживает узда благодарности и что я нигде не встану ему поперек дороги. Тогда он не будет очень бдителен и даст мне время окрепнуть настолько, что я смогу разговаривать

с ним иначе. Такое дело я никому не могу доверить, кроме тебя. Поедешь моим послом к Тимуру.

— Твоя воля священна, великий хан, — промолвил удивленный Карач-мурза. — Но разве ты не хотел послать меня в Москву?

— Воля Аллаха сильнее моей воли. И она сейчас заставляет меня послать тебя в Самарканд. Тимур нам опаснее князя Дмитрия и чтобы всё окончилось хорошо, ехать к нему должен только ты: из всех моих эмиров у тебя самая лучшая голова и Тимур к тебе благоволит. А к Московскому князю, если понадобится, я могу послать и другого посла.

— Да позволено мне будет сказать, великий хан: ты уже посылал к нему одного посла и после жалел, что не послал именно меня.

— Аллах! Разве я виноват в том, что у меня нет второго Карач-оглана? И поелику я не могу послать тебя сразу в два места, я посылаю тебя в Самарканд потому, что там ты нужнее! Готовься выехать завтра. Возьмешь с собою еще четырех князей и четыреста нукеров, — Хромой любит пышные посольства. Повезешь ему и мои подарки.

— Твое повеление будет исполнено, великий хан. Сколько времени я должен оставаться в Самарканде?

— Возвращаться не торопись. Исполни то, что тебе поручено и останься там столько времени, сколько будет нужно, чтобы понять каковы теперь замыслы Тимура и узнать всё, что нам полезно знать. Когда будешь ехать назад, — задержись и в Хорезме, посмотри и узнай, что делается там. А что до Москвы, — добавил Тохтамыш, — я еще ничего не решил. Может быть, я не пойду на нее в этом году и ты, возвратившись из Самарканда, еще поедешь туда послом.

Карач-мурза слишком близко знал Тохтамыша, чтобы поверить его последним словам. Наоборот, он почти не сомневался в том, что хан окончательно решился на войну с Москвой и именно потому отсылает его в Мавераннахр. Но в душе он был ему за это благодарен, так-как отъезд избавлял его от тяжелой необходимости отказаться от участия в походе на Русь. Карач-

мурзе было хорошо известно, что татары лучшим месяцем для начала военных действий считают август, — к этому времени вернуться из Самарканда он никак не мог. Ну, что же, — оставаясь "чистым в делах своих", — как наставлял его митрополит Алексей, — он сделал всё возможное чтобы предотвратить эту войну, а остальное в руках Аллаха!

***

Как всякому ордынцу, на сборы ему не понадобилось много времени, — к вечеру они были закончены. Поужинав в кругу семьи, он ушел в свою рабочую комнату, привел в порядок наиболее спешные дела, отдал подчиненным все нужные распоряжения и приказал позвать к себе обоих сыновей.

Они явились сейчас же и почтительно поклонившись отцу, сидевшему за большим столом в глубине комнаты, встали рядом, в двух шагах от двери.

— Подойдите ближе, — сказал Карач-мурза, окидывая сыновей взглядом, в котором, помимо его воли, отразились удовлетворение и гордость. Девятнадцатилетний Рустем был великолепен: высокий и стройный, с карими пламенными глазами и с лицом, в каждой черте которого была видна высокая порода, — он казался олицетворением воинской красоты Востока. Все что было на нем одето, — а он любил одеваться изысканно и с роскошью, — так к нему шло, что казалось от него неотделимым.

Хорош был и Юсуф, хотя совсем не походил на старшего брата. Лицо его нельзя было назвать красивым, но оно было приятно; ростом он уступал Рустему, но был коренаст и очень широк в плечах, — от всей его слегка неуклюжей фигуры веяло несокрушимым здоровьем и силой. Он мало внимания обращал на свою внешность, был неразговорчив и не по летам серьезен, в службе исправен и в битве храбр, хотя показать себя с выгодной стороны как-то не умел. Но Карач-мурза знал, что при всем этом, в войске и товарищи и подчиненные любили его больше, чем Рустема.

— Я думаю, вы никогда не слыхали, чтобы кто-ни-

будь сомневался в храбрости вашего отца и говорил, что когда другие идут в битву, он предпочитает оставаться сзади, — сказал Карач-мурза, когда сыновья подошли вплотную к столу. — Но вот, скоро орда выступает в боевой поход, а я уезжаю в другую сторону и буду находиться далеко от того места, где поют стрелы, сверкают клинки сабель и падают с плеч головы отважных. Такова воля великого хана, которую я должен исполнить. Но сегодня я радуюсь тому, что уезжаю от войны и сам готов был просить великого хана, чтобы он освободил меня от участия в ней.

Промолвив это, Карач-мурза приостановился, пристально глядя на сыновей. Глаза Рустема выражали недоверие и любопытство, — словно бы он догадывался, что отец пошутил и сейчас обернет дело по иному. Лицо Юсуфа хранило каменную неподвижность.

— Вы знаете, кто был ваш дед, — продолжал Карач-мурза, — и знаете почему мы стали ордынцами. Но могло быть иначе. И если бы сорок лет тому назад стрела, пущенная рукою татарина, пролетела на одну ладонь левее и не попала в сердце вашего деда, — и я и вы сегодня оттачивали бы наши русские мечи, чтобы защищать родную землю от того нашествия, которое на нее готовит сейчас великий хан Тохтамыш, — наш нынешний и случайный повелитель. Все мы его верные слуги. Но руке того, кто еще чувствует в себе кровь Карачевских князей, сабля, которая поднимается против Русской земли, должна казаться непомерно тяжелой. Эта земля только по воле случая не стала нашей родной землей и стоит она на костях народа, который никогда не посягал на чужое, а только защищал свое священное право на волю и на мирную жизнь. Такой народ, если даже не считать его своим народом, всегда достоин уважения и я, ваш отец, поклялся никогда не поднимать против него оружия. Вы это должны знать. Знает это и великий хан, — потому он и посылает меня сейчас в Самарканд.

— Вас я ни к чему не принуждаю, — закончил Карач-мурза, помолчав немного. — В ваших жилах течет больше татарской крови, чем в моих и вы имеете право

чувствовать себя татарами. Но мне бы не хотелось, чтобы мои сыновья вступили в землю моих отцов как ее враги. И если вы захотите, — этого можно избежать.

С минуту длилось молчание. Потом Рустем сказал:

— Я уважаю страну твоих предков, отец, и уважаю народ, которым они правили. Но я татарин и воин. И разве нельзя воевать с тем народом, который уважаешь? Воюют даже татары с татарами и русские с русскими.

— Ты говоришь о другом: это войны правителей, а не народов. В такой войне никто не хочет обратить побежденных в своих рабов.

— Для воина война есть война, отец! Ему все равно, кто начал войну и что сделают с побежденными. Его дело воевать. И я только воин! Едва я начал понимать человеческую речь, мне уже объяснили что такое война и сказали, что я рожден для того, чтобы стать воином. Первыми моими игрушками были лук и сабля. Все мужчины, которых я уважал, были воинами и учили меня искусству войны. И ты учил, отец! Теперь я не могу стать другим! Я служу великому хану Тохтамышу и пойду не рассуждая на всякую войну, на которую ему угодно будет меня послать . . . Если ты ждал от меня других слов, — мне жалко, что я тебя огорчил, отец!

Карач - мурза ответил не сразу. Всё, что говорил Рустем, было ему слишком понятно, хотя и больно кольнуло его в сердце. Да, Рустем настоящий татарин и как осудить его за это, если даже отец его родился в Орде и сам до сих пор не сумел понять — русский он или татарин?

— Я сказал вам то, что считал нужным и хотел чтобы вы меня поняли, — промолвил он наконец и в голосе его прозвучал холод, неожиданнный для него самого. — Но вы уже взрослые люди и каждый вправе решать сам за себя. Твои слова мне понятны и я не осуждаю тебя. Но помни, что даже победная война не всякому приносит удачу и славу, и что в наши решения последнюю поправку вносит Аллах. Ну, а ты?

— помолчав обратился он к Юсуфу, до сих пор не промолвившему ни слова.

— Я думаю, отец, что если ты надолго уедешь в Самарканд, а Рустем уйдет на войну, кому-нибудь нужно остаться в нашем улусе.

— Это истина, — промолвил Карач-мурза, с благодарностью взглянув на младшего сына, лицо которого продолжало оставаться невозмутимым. — Поезжай в улус, там давно не было хозяйского глаза. Завтра я скажу великому хану, что посылаю тебя туда.

ГЛАВА 18.

"И повеле царь Тохтамыш в городах вользских торговцы руские и гости избити, а суды их с товаром отъимати и попровадите к себе на перевоз. А сам с яростью собра вои многы и со всею силою своею перевезеся на сю сторону Волгы и поиде изгоном на великово князя Дмитрея Ивановичя и идяше безвестно, внезапу и с умением, да не услышан будет на Руской земле поход его".

Московская летопись.

К началу июля сборы Тохтамыша были закончены, — в его распоряжении имелось теперь двадцать три тумена отборного и хорошо снабженного войска. С Руси тоже приходили благоприятные для него известия: там нападения татар никто не ждал, князь Дмитрий находился в Москве и войска при нем было немного. В самой Орде и на всех рубежах ее было спокойно, — таким образом, ничто не препятствовало походу и всё, казалось, сулило ему удачу.

Но Тохтамыш понимал, что едва он отдаст приказ о выступлении и все узнают, что он идет не на Азербайджан, а на Русь, — туда сейчас же полетят гонцы с извещением об этом, которые значительно опередят его войско и дадут князю Дмитрию время приготовиться к отпору.

Знал он и то, что такое предупреждение Московскому князю пошлет кто-нибудь из находящегося в Са-

рае русского духовенства или из купцов, которых было много во всех крупных городах Орды. Поэтому, незадолго до начала похода, во всех поволжских городах, от Сарая-Берке, до Великого Булгара включительно, в заранее незначенный день, по повелению великого хана были перебиты все русские купцы, а товары их взяты в ханскую казну. Православного духовенства Тохтамыш уничтожить не решился, да в этом и не было особой надобности: всё оно жило в Сарае, на русском епископском подворьи, которое было приказано крепко караулить, не выпуская оттуда ни одного человека.

Чтобы возможно дольше сохранить свое движение в тайне, Тохтамыш пошел не через Рязанскую землю, — как обычно ходили татарские орды на Русь, — а по левому берегу Волги. И только миновав Великий Булгар, переправился на русский берег недалеко от Нижнего Новгорода, а отсюда, обходя крупные города, лесами двинулся прямо на Москву.

Но если о приближении Тохтамыша не знали в Москве (во всяком случае, так думал великий хан), то в Нижнем Новгороде о нем стало известно едва только орда начала переправу.

Князь Дмитрий Константинович о сопротивлении, конечно и не помышлял.Не зная — пойдут ли татары прямиком на Москву или по пути разграбят его столицу, — до которой им было рукой подать, — он совершенно растерялся: что предпринять? Бежать из Нижнего в Суздаль, как он обычно в таких случаях делал? Послать гонца к Московскому князю, извещая его об опасности, и просить помощи? Но эту мысль он тотчас отбросил: помощь из Москвы все равно не поспеет вовремя, а если так, — зачем предупреждать князя Дмитрия Ивановича, с которым у него старые счеты? Пусть ныне и он отведает татарских гостинцев, как не раз случалось Нижнему Новгороду! Наикраше будет, пожалуй, самому поладить с Тохтамышем, чтобы не грабил Нижнего, да потрафить ему сколь возможно: ведь великое княжение он теперь у Московского князя беспремено отымет, а кому и передать-то его, как не Суз-

дальско-Нижегородскому князю, который и прежде над Русью княжил[1]), а ныне, не в пример иным, выказывает полную покорность великому хану?

Придя к такому решению, Дмитрий Константинович велел позвать к себе обоих сыновей, Василия и Семена.

— Живо, собирайтесь в путь, — сказал он молодым князьям, когда те явились, — поедете к хану Тохтамышу, на перевоз. Скажите ему, что Нижегородский князь шлет низкий поклон и доводит, что он, как прежде был, так и навеки ему, великому хану, будет другом и верным слугой. Да пусть не гневается, что не даю ему помоги против Московского князя: не ведал я того, что идет он войною на Москву и потому войска собрать не успел. Но чтобы усердие мое к себе он видел, даю ему, вместо того, самое мне дорогое: обоих сынов своих, которые пойдут с ним на Москву и чем будет надобно, ему, царю нашему, не жалея себя помогут. Да на всем том бейте ему челом, чтобы не велел грабить Нижнего и иных городов наших!

Собравшись и захватив с собою сотню дружинников и слуг, а также подарки для великого хана, князья Семен и Василий отправились в путь. Но на переправе они уже никого не застали и двинулись дальше, по следам татар, углубившихся в мордовские леса. Тохтамыш шел вперед с такой поспешностью, что угнаться за ним оказалось нелегко. Брать Нижний Новгород он вовсе не собирался: не в его интересах было задерживаться и раньше времени обнаруживать свое вторжение в русские земли. Нижегородские князья это поняли сразу, по взятому ордой направлению, но тем не менее назад они не повернули и догнали Тохтамыша на четвертом переходе. Великий хан принял их мило-

[1]) Князь Дмитрий Константинович Суздальско-Нижегородский получил ярлык на великое княжение над Русью в годы малолетства Дмитрия Донского. Несколько лет спустя, последний отобрал у него великокняжеский стол.

стиво и повелел находиться при своей особе, вместе со старшими ордынскими князьями.

К середине августа, пройдя через Мордву и Мещеру, войско Тохтамыша подошло к рубежам Рязанской земли. Здесь уже ожидал его, со своими боярами, великий князь Олег Иванович, до которого дошли слухи о движении татар.

Он поспешил навстречу хану, чтобы, как и Нижегородские князья, ценою полной покорности и привезенных подарков, купить пощаду для своей вотчины. Но если, два года тому назад, будучи вынужденным союзником Мамая, он все же не желал победы татарам и умышленно опоздал на соединение с ордой, то теперь было иное: понимая, что в случае своей победы, Дмитрий Донской не простит ему вторичного предательства, — он всем сердцем хотел поражения Московского князя, видя в этом свое единственное спасение.

— Я тебе дам проводников, великий хан, — говорил он. — Окраинами Рязанщины, они выведут твое войско к московским рубежам, что ни есть ближе к самой Москве. И лучшие броды тебе через Оку укажут, — вода в ней ныне низка, — перейдешь как по-суху! А оттуда, не теряя часу, иди вперед, уже не таясь и на третий день будешь под Москвой. Войска в ней, почитай, вовсе мало и взять ее будет легко. А чтобы князь Дмитрей загодя не утёк, — тебе бы выслать вперед тумена три-четыре, в обход Москвы, да выйти лесами на реку Клязьму, — тогда ему податься будет некуды и он беспременно попадет тебе в руки. И вот еще о чем долгом своим почитаю довести твоему пресветлому величеству: у Московского князя, на стенах Кремля, ныне поставлены тюфяки, сиречь арматы огненного бою, что купил он прошлым годом у немцев. Так пусть твои татары их не страшаться: грому будет много, а толку мало, — москвичи, поди, к тем орудиям не гораздо приладились. Опричь того, вниз эти тюфяки стрелять не могут и ежели твои воины не побегут и станут держаться поближе к стенам, урону им от огненного бою вовсе не будет. Зная это, иди, батюшка хан, смело и Москва будет твоя! А когда схватишь князя Дмитрея,

помни одно: всё зло на Руси от него идет и покуда остаётся он на великом княжении, московские земли тебе покорны не будут. А я, сам ведаешь, Орде всегда был другом и твоему царскому величеству служу с усердием, а потому крепко уповаю на то, что войску своему повелишь ты города мои обойти стороной и землю мою не зорить.

С почти нескрываемым презрением Тохтамыш глядел из-под полуопущенных век на лебезившего перед ним Рязанского князя. Выслушав его, он сказал:

— Я иду на Москву и в рязанские города заходить не стану. Пусть твои проводники ведут нас самыми прямыми и скрытыми дорогами на Оку. А усердия твоего я не забуду.

Свои обещания Олег Иванович сдержал: дремучими лесами его люди вывели орду к берегам Оки, недалеко от Лопасни, и показали татарам несколько удобных бродов. Закончив переправу двадцать первого августа, Тохтамыш к вечеру того же дня подошел к Серпухову.

Горожане и жители окрестных селений при приближении татар заперлись в городе и на требованье хана отворить ворота, ответили отказом. Тогда ордынцы взяли слабо укрепленный Серпухов приступом, разграбили его и сожгли. Уцелевших защитников города Тохтамыш пощадил, но многих из них увели в Орду.

Утром следующего дня передовой отряд татарской конницы выступил на Москву, с приказом не жалеть лошадей, а к вечеру за ним двинулся и сам Тохтамыш, со своими главными силами.

ГЛАВА 19.

"И бысть во многыя нощи проявление на небеси: на востоце, перед зарею, звезда некая аки хвостатая, аки копейным образом являшеся и многажды бываше. Се же знамение преявляющее злое Тохтамышево нашестие на Рускую Землю, яко се бысть гневом Божьим за умножение грехов наших".

Пермско-Вологодская летопись.

Москва после Куликовской битвы переживала трудное время. Победа над татарами стоила предельного напряжения всех жизненных сил страны и хозяйственная жизнь ее была совершенно расстроена. Огромная убыль в людях сказывалась во всём: ослабела торговля, не хватало рабочих рук для городского строительства, многие поля оставались не вспаханными; войско понесло страшные потери и почти все лучшие и наиболее опытные воеводы полегли в битве. И, в довершение всего, пользуясь ослаблением Дмитрия Донского, всюду зашевелились притихшие - было внутренние недруги. Удельные князья опять потянули врозь, а наиболее сильные из них, — Тверской, Рязанский и Суздальско-Нижегородский, — совсем осмелели и стали поговаривать не только о независимости, но и о своих правах на великое княжение над Русью.

Но Дмитрий Иванович сложа руки не сидел и нормальная жизнь понемногу восстанавливалась. Голода, которого все опасались, удалось избежать, так-как 1381-й год дал обильный урожай и хотя многие поля остались незасеянными, хлеба хватило на всех. Оживала и торговля. Через Псковского князя Андрея Ольгердовича, Дмитрию, давно о том помышлявшему, удалось закупить в Ганзе[1]) дюжину "тюфяков" и запас огневого зелья[2]) к ним.

Такое орудие представляло собой открытую с двух

---

[1]) Ганза — торговый союз вольных германских городов.

[2]) Тюфяками летописцы называют первые появившиеся у нас пушки, а огневым зельем — порох.

концов трубу, четырех аршин длиной, сваренную из толстых железных полос и окованную крепкими обручами. Стреляло оно каменными ядрами и заряжалось "с казны", после чего заднее отверстие трубы закрывалось тяжелой, придавливающейся к нему металлической заслонкой.

Эти первые появившиеся на Руси пушки передвижных приспособлений не имели, и на прочных дубовых козлах были установлены на стенах московского кремля. Нашелся и человек, хорошо знавший обращение с ними: тою же осенью из Прусской земли приехал на службу к московскому князю "муж знатный Воейко Войтягович, во святом крещении Прокопий, бывший державец Тырновский[1]) и родом сербин, а с ним дружины и слуг сто и пятьдесят душ". Дмитрий Иванович принял его милостиво, пожаловал в бояре и выделил ему поместье близь города Коломны.

Летом 1381 года, с большою свитою греческого и киевского духовенства, приехал в Москву и возглавил русскую Церковь митрополит Киприан.

> "Князь же великий Дмитрей Ивановичь прия его с великою честью и весь город изыде на сретение ему. И бысть в тот день у князя великого пир большой на митрополита и вси радувахуся светло"[2]).

Князь Дмитрий, видя что всё постепенно налиживается, бодрости не терял и на мелкие неурядицы с удельными князьями пока глядел сквозь пальцы: он понимал, что не минет и нескольких лет, как Москва будет сильнее чем прежде и тогда всё само собой станет на место. А в то, что жертва Руси не была напрасной и что татарское иго сброшено навсегда, крепко

---

[1]) Державец — правитель, наместник. Очевидно речь тут идет о наместничестве в городе Тырново, столице Болгарии, которая при Войтяге была завоевана сербами и которую, в силу бурных политических событий на Балканах ,его сыну Воейке пришлось покинуть. От него идет русский род Воейковых.

[2]) Троицкая летопись.

хотелось ему верить. И потому, когда явился посол Тохтамыша требовать дани и его приезда в Орду, — Дмитрий Иванович, хотя и сознавал, что идет на великий риск, ответил отказом.

"Ничего, — бодрил он себя, — авось хан на меня сразу не пойдет, — он, поди и сам пока не слишком укрепился в Орде, а что было от нас Мамаю, он видел. Доколе соберется, может, будет у меня еще два либо три года роздыху, а тогда я его так встречу, что в другой раз не сунется. Бить поганых мы теперь умеем!"

Но надежды Дмитрия не оправдались, — хан не дал ему времени окрепнуть. О том, что орда идет на Русь, несмотря на все предосторожности Тохтамыша, в Москве узнали почти за месяц до подхода татар: соглядатаи Московского князя, всегда находившиеся в Сарае, успели известить его об этом.

Перед лицом опасности Дмитрий Донской не растерялся и принял смелое решение: наскоро сплотить воедино всю наличную воинскую силу Руси и выступить навстречу татарам. Не теряя часу, он разослал гонцов ко всем удельным князьям, повелевая им сейчас же объявить в своих землях сбор войска, а самим спешить на общий совет, в Москву.

Это совещание вскоре состоялось, но оно выявило горькую действительность: между князьями не было согласия и Дмитрий понял, что Москва от них помощи ждать не может. Старшие и наиболее сильные из них, — великие князья Тверской, Рязанский и Нижегородский, — на зов московского государя вовсе не отозвались и на съезд не прислали даже сыновей; из младших тоже явились не все, а те, что приехали, — в большинстве отлынивали и отговаривались, что войска в такой короткий срок собрать не успеют и что лучше положиться на помощь Божью, да на крепость своих городов.

Приводить непокорных к повиновению не было времени и Дмитрий Иванович, увидев что вся тяжесть войны ложится на Московкую землю, с горечью в душе вынужден был отказаться от своего первоначального намерения: с теми небольшими силами, которыми

он располагал, выйти навстречу огромной орде Тохтамыша и вступить с нею в единоборство, значило — потерять всё свое войско и отдать Русь на поток и разграбление татарам.

Сесть со всею ратью в осаду, тоже не годилось. Правда, с таким количеством защитников, Москва могла успешно отражать все приступы врага, но татары неминуемо взяли бы ее измором: зная, что великий князь, со всею своей силой, находится в городе и что помощи ему ожидать неоткуда, — они спокойно, не опасаясь нападения со стороны, обложат его со всех сторон и будут стоять до тех пор, покуда голод не заставит осажденных сдаться. И тогда будет еще хуже: не только погибнет войско, но сам государь и все его лучшие полководцы окажутся татарскими пленниками.

Сколько ни думал Дмитрий, а видел, что остается только одно: пожертвовать Москвой. Город укреплен на славу, — затворившись в нем, жители столицы и окрестных селений надолго задержат татар, а если поможет Бог, — выстоят и до того дня, когда пополненное в северных землях войско приспеет к ним на выручку. Но так или иначе, пока орда будет стоять под Москвой, ему, великому князю, достанет времени чтобы собрать нужную силу и самому ударить на поганых.

С тяжелым сердцем Дмитрий Донской принял это единственное благоразумное решение, оставлявшее ему надежду, хотя бы ценою разорения столицы, спасти Русь от нового порабощения Ордой. Повелев москвичам сесть в осаду и держаться против татар доколе он, с собранной ратью, не подойдет на помощь, — Дмитрий отвел войско к Костроме и разослав своих воевод по северным городам, спешно приступил к сбору ополчений.

На время своего отсутствия, верховную власть в Москве он передал митрополиту Киприану, который, по положению своему, лучше чем кто-либо мог вдохновить людей на подвиг и меньше всех рисковал в случае пленения татарами. Жену свою, великую княгиню Евдокию Дмитриевну, — со дня на день ожидавшую родов, — государь тоже пока оставил в столице, на-

казав приближенным вывезти ее из Москвы как только она разрешится от бремени и сможет выдержать переезд. Время на это было, ибо орда Тохтамыша, по слухам, еще находилась на левом берегу Волги.

***

Весть о том, что татары уже идут через Оку, мгновенно долетела до Москвы и взбудоражила всех. Из окрестных сёл и монастырей множество народу устремилось в столицу, под защиту ее каменных стен. Москвичи всех принимали охотно: места на кремлевских площадях и улицах хватало, запасов, казалось, было много, а при обороне города никто лишним не будет.

Но среди оставшихся в Москве бояр и старшин сразу проявились несогласия: одни настаивали на том, что надо защищать столицу, другие, — и этих было гораздо больше, — говорили, что силами одних посадских да смердов города все равно не удержать, и чем погибнуть зря, — лучше бежать из него пока еще есть время. Митрополит Киприан, — человек не русский, — не обнаружил той высоты духа, которую в грозные часы истории неизменно проявляли русские иерархи: вместо того, чтобы пристыдить малодушных и своим авторитетом возглавить оборону, он одним из первых попытался покинуть Москву.

Совсем иное настроение царило в простом народе, особенно в пришлом: он собрался сюда именно для того, чтобы защищаться. И потому поведение митрополита и бояр, начавших уезжать из города, вызвало вспышку негодования, быстро перешедшего в открытый мятеж.

Все городские ворота были заперты, со звонницы Архангела Михаила ударил набат, созывая народ на вече. Оно было чрезвычайно бурным, но выявило полное единодушие горожан: почти все стояли за то, чтобы защищать город, из которого постановили никого не выпускать. Во всех воротах стали вооруженные люди, осыпавшие камнями и бившие кнутами каждого, кто делал попытку выбраться из Москвы. Тщетно совсем растерявшийся митрополит просил выпустить его

и великую княгиню, — ему отвечали угрозами и оскорблениями. Многие бояре, высказавшиеся за оставление Москвы и хотевшие уезжать, были жестоко избиты, а хоромы их разграблены. Остальные попрятались, стараясь ничем не привлекать к себе внимания мятженого люда.

Народ взял власть в свои руки, ему нехватало только вождя, опытного в военном деле. Но такой вождь неожиданно появился: к вечеру того же дня, в Москву случайно приехал молодой литовский князь Остей, внук Ольгерда. Узнав, что здесь происходит, он возглавил оборону города и восстановил в нем некоторый порядок. По его настоянию, митрополиту Киприану и великой княгине Евдокии Дмитриевне, с новорожденным сыном Андреем, позволили выехать из столицы. Княгиню свою народ проводил почтительно, но возок митрополита при выезде был разграблен толпой, а его самого осыпали бранью и насмешками.

Весь остаток дня прошел в напряженной подготовке к обороне. Как всегда в таких случаях делалось, — городской посад был сожжен, чтобы не оставлять неприятелю укрытия; на стены кремля втаскивали короба со смолой и котлы для ее кипячения, складывали груды камней и бревен; к тюфякам подкатывали ядра и бочки с порохом; чернецам и смердам раздавали оружие, какое нашлось в Москве, а несведущим в военном деле показывали — где им стоять и что делать, когда орда пойдет на приступ.

К заходу солнца появились татары, — три тумена, накануне утром выступившие из Серпухова. Несколько всадников, подъехав вплотную ко рву, спросили — здесь ли князь Дмитрий? Со стен им ответили, что великого князя нет в Москве.

Не начиная военных действий, татары до самой темноты кружили вокруг города, видимо, изучая укрепления и высматривая — с какой стороны лучше вести приступ. Осажденные во множестве высыпали на стены и тоже глядели на татар, радуясь и укрепляясь духом оттого, что враг был немногочислен. О том, что это

лишь передовой отряд, за которым двигаются главные силы Орды, никто еще не догадывался.

Когда совсем стемнело и татары, расположившись поодаль от стен, разожгли костры и стали готовить себе еду, — в городе разбили погреба бежавших бояр и выкатили на улицы бочки с хмельным. Всю ночь по Москве шли гульба и пьянство, которые бессилен был прекратить князь Остей, тщетно взывавший к благоразумию горожан.

— А пошто нам не гулять? — отвечали ему. — Гуляй и ты с нами, князь! Ин татар-то вовсе немного. Где им взять наши стены? Небось отобъемся, а скоро и государь наш сюды подойдет со своим войском. А то еще, гляди, ждать не станем, а сами вылазку учиним и посекем всех поганых в крошево!

Едва рассвело и растаяла в небе страшная хвостатая звезда, вот уже много ночей подряд пугавшая суеверную Русь своим зловещим видом, — во всех московских храмах зазвонили колокола, созывая народ на молебны о даровании победы над басурманами. Людей в городе было столько, что церкви не вмещали молящихся, хотя многие, в ком еще не унялся ночной хмель, молиться и не пошли: поднявшись, вместо того, на стены и потрясая оружием, они принялись осыпать окружавших город татар ругательствами и насмешками.

— Эй, вы, поганые сыроядцы! — кричали им. — Не нашего Бога косоглазые дураки! Где вам взять Москву! Да в городе нашем на каждого из вас трое! Видать, не потрафили вы своему Аллаху и привел он вас сюды на погибель! Текайте лучше не оглядаясь, покуда живы!

— Куды им текать? — вторили другие. — Нехай остаются! За свиньями нашими будут ходить! Мы их выучим свинью уважать!

Татары на эти насмешки почти не отвечали, лишь изредка посмеивались и грозили осажденным нагайками .Но на приступ не шли и даже близко к стенам не подходили.

Почитая это за слабость и боязливость, москвичи продолжали весело изощряться в похвальбе и в руга-

ни. Эта перебранка, то затихая, то снова разгораясь, длилась часов до девяти.

Но вдруг она внезапно замерла: на широкие луговины Заречья из лесу начала выходить новая орда, которой, казалось, нет ни конца ни краю. В нескольких местах сразу переправившись через реку, она черным потоком потекла вокруг города и к полудню обложила его плотно сомкнувшимся живым кольцом.

ГЛАВА 20.

> “И тогды татарове лествицы прислоняху ко граду и лезахуть на стены. Гражане же воду и смолу в котлех варящу и кипятнею лияхуть на ня, стрелами стреляхуть с забрал, инии же камением шибахуть, а друзи же тюфякы пущаху на ня отошедшим и паки приступльшим, и тако три дни бьяхуся межи собе”.
>
> Московская летопись.

Вскоре после полудня к Фроловым воротам кремля подъехали два татарина и именем великого хана Тохтамыша потребовали сдачи города, всем, кто в нем находится, обещая в этом случае пощаду.

На стене, у ворот, в тот миг не было никого из старшин. Тут стояла сотня ремесленников из подмосковной Гончарной слободы, да несколько монахов и горожан, вооруженных кто чем горазд. Потолковав между собою, они решили звать князя Остея, чтобы он говорил с татарами. Но едва один из гончаров отправился на поиски князя, как сюда подошел десятский Игнашка Постник, из Дмитровской сотни[1]), стояв-

---

[1]) В средневековой Москве всё городское и слободское население делилось, в административном отношении, на сотни, во главе которых стояли выборные сотские и десятские. Эти сотни назывались или по роду деятельности соответствующей слободы (например, Гончарная, Кожевенная и др.) или по названию своей улицы, приходской церкви, ближайших городских ворот и т. п. Отсюда сотни — Дмитровская, Мясницкая, Покровская и т. д.

шей рядом. Узнав, что тут происходит, он, долго не раздумывая, решил дело по-своему:

— Князь тут вовсе не надобен, — заявил он, проталкиваясь к бойнице. — Ежели он, к примеру, велит отворить ворота поганым, нешто мы его послухаем? Да я его за такое своими руками со стены сопхну! А коли так, то у нас с ханскими послами можен токмо такой разговор...

С этими словами он натянул тетиву лука и пустил стрелу в одного из посланцев Тохтамыша, ожидавших по ту сторону рва. Его примеру не медля последовало еще несколько горожан, имевших луки. Но ордынцы, предвидевшие возможность такого ответа и потому одетые в кольчуги, от стрел не пострадали. Погрозив москвичам нагайками и выкрикнув несколько русских и татарских ругательств, они повернули коней и ускакали, провожаемые свистом и улюлюканьем осажденных.

Малое время спустя, к стенам со всех сторон подступили татарские лучники и начали бить по стоявшим наверху людям, по скважням[1]) заборала и по бойницам башен. Со стены им отвечали дождем стрел и в течение получаса между осаждающими и осажденными длилась жарская перестрелка.

Среди москвичей умелых стрелков было мало, а потому они наносили лишь незначительный урон татарам, которые искусно закрывались щитами и все время были в движении. Но почти ни одна татарская стрела не пропадала даром и вкоре все стоявшие на стенах люди вынуждены были попрятаться за укрытиями. Тогда, под защитой лучников, из ордынских рядов во множестве выступили вперед пешие воины, вооруженные только саблями и щитами. Они приближались группами человек по пятьдесят и несли с собою длинные лестницы, явно намереваясь идти на приступ.

— Все готовься отбивать поганых, — говорил князь Остей, обходя стены. — Стрелять боле не надобно, эдак лишь себя подставите под татарские стрелы.

---

[1]) Скважня — прорезь, бойница в деревянном "заборале" (заборе), идущем по всему внешнему краю крепостной стены.

Жди когда поставят лестницы и полезут наверх, а тогда вали на них каменья да поливай смолой и кипятком! Лестницы отпихивай шестами либо, коли собьешь с них людей, — тяни крючьями к себе, на стену!

Остей годами был еще совсем молод и на Руси его не знали, а потому, несмотря на свою личную храбрость и воинское умение, он особого доверия москвичам не внушал. Из своих бояр и воевод никого не стенах не было, — почти все они либо ушли с войском Дмитрия, либо покинули город до начала осады, — а те немногие, что остались в Москве, видя мятежное настроение горожан, предпочитали отсиживаться по домам. Поэтому, хотя князь Остей и был объявлен набольшим воеводой, — на деле начальство над городом оказалось в руках слободских старост и сотских, да тех бывалых воинов, которые в этот грозный час оказались в Москве и сумели показать себя знающими дело и толковыми распорядителями. Наибольшим же уважением всех московских низов пользовался Юрий Сапожник, — славный воин, в Куликовской битве потерявший руку, когда заслонил собою раненого великого князя.

Волею событий, оказавшись сейчас головой народного движения, Юрий не мешал распоряжаться князю Остею, покуда находил его действия правильными. Но в душе он считал, что москвичи и сами, — без помощи этого литовского князька, — сумеют удержать Москву до подхода государя с войском, а потому со своей стороны руководил обороной и отдавал приказания, будто бы Остея тут и не было. Последний сразу это заметил и хотел было осадить Юрку, но когда увидел с какой готовностью повинуется ему весь этот мятежный и полупьяный люд, —почел за лучшее смолчать и не вызывать в столь ответственную минуту лишних осложнений.

— Заряжай тюфяки, — говорил Юрка, — да нацеливай их на поганские ватаги с лестницами, поколе они не подошли под стены. Энто им не лук и не самострел, — такого гостинца они еще отродясь не пробовали. Небось, от одного грому басурманская душа паром выйдет!

Несколько минут спустя, первую пушку изготовили к бою, но пока горел запальный фитиль, полусотня татар, на которую она была наведена, продвинулась далеко вперед и каменное ядро, со злым урчанием прорезав воздух, шлепнулось позади нее, не причинив никому вреда. Однако, громоподобный выстрел произвел среди татар замешательство, — они внезапно остановились и это позволило из второго тюфяка выпалить удачней: ядро угодило в самую гущу людей, разнесло в щепы лестницу, которую они несли и убило несколько человек. Почти сейчас же, изрыгая черный дым и пламя, со стены рявкнули еще две пушки, попадания которых тоже были удачны.

Видя, что в рядах ордынцев происходит смятение, стоявшие на стене москвичи разразились восторженными криками. Но к великому их разочарованию, татарские воины, понукаемые своими начальниками, бросились не назад, а вперед и прежде чем пушкари снова зарядили орудия, — успели подбежать так близко, что стрелять по ним уже было нельзя. И тотчас орда пошла на приступ. В то время как вся ее главная сила, прихлынув к стенам и поставив лестницы, с устрашающим воем полезла наверх, — искуснейшие татарские стрелки, стоя чуть поодаль, метко били из луков по бойницам и по верху стены, едва там кто-нибудь показывался.

Защитники города, — среди которых только очень немногие имели кольчуги и шлемы, — десятками падали под вражескими стрелами, но приступ отбивали дружно, не жалея себя. На лезущих по лестницам ордынцев со стены посыпались камни, полилась кипящая смола. Но в то время, как одни падали вниз с переломанными костями или с воплями корчились под стеной от жестоких ожогов, — другие сейчас же заступали их место и упрямо лезли наверх.

Наиболее яростный приступ осаждающие вели с восточной стороны, где стены были ниже и где нетрудно было перебраться через ров, вода в котором в это время года почти совсем пересыхала.

Вот, между Никольской и Собакиной башнями,

приставив две лестницы рядом, в затылок полезли по ним татары, прикрывая головы круглыми кованными щитами. Верхним оставалось до края стены уже рукой подать, когда вдруг над заборалом показалось тяжелое, поднятое за два конца бревно и рухнуло вниз, как муравьев сметая поганых с обеих лестниц. Одна из них при этом была поломана в куски, другая уцелела; накинув крючья, осажденные потянули ее наверх, но под градом татарских стрел, сразу же должны были выпустить. И снова по ней полезли ордынцы. Дав время переднему подняться почти до самого заборала, — выступил из-за укрытия бородатый мужик в лаптях и в рубахе распояске, обеими руками держа над головой тяжелый камень. Но в тот же миг впилась ему в грудь метко пущенная снизу стрела, падая мужик выронил камень, который, стукнувшись о край стены, пошел в сторону и шлепнулся в ров, никого не задев. И наддав побыстрей, первый татарин с победным криком ступил на стену кремля.

— Погоди еще радоваться, басурманское рыло! — крикнул Игнашка Постник, ткнув его в живот шестом, которым он приготовился отпихивать лестницу. Скорчившись от удара и не удержавшись на краю стены, ордынец кулём полетел вниз, сбивая в своем падении всех поднимавшихся за ним товарищей.

Сбросив со стены татарина, Игнашка удовлетворенно выругался и глянул по сторонам. Слева, шагах в пяти от него, два взлохмаченных и обливающихся потом монаха, с завязанными на животах полами ряс, навалившись на шест с рогулиной на конце, напрягали все силы, чтобы опрокинуть приставленную снаружи лестницу, на которой находилось человек шесть татар. Верхняя ее ступень, захваченная развилкой шеста, уже отделилась аршина на полтора от стены, — лестница стояла почти отвесно, — казалось еще усилие и она опрокинется. Но снизу ее крепко держало несколько стоявших на земле ордынцев, сопротивление которых монахи тщетно силились преодолеть. Подскочив к ним и поплевав на руки, Игнашка уперся и своим шестом.

— А ну, святые отцы, наддай еще трошки! Раз, два, навались!!

Напёрли дружно и лестница, став прямо, как свеча, замерла на миг в равновесии и во всю длину рухнула на землю, прихлопнув посыпавшихся с нее людей.

На вершине стены всюду шла боевая страда, — москвичи, слобожане и иноки окрестных монастырей стойко и мужественно отбивали натиск орды. Ими почти никто не руководил, — каждый сам понимал что надо делать и видел — где он всего нужнее. Падал у бойницы сраженный стрелою воин и точас кто-нибудь оттаскивал его в сторону, а сам становился на место убитого; кричали от заборала, что татары приставили новую лестницу и лезут наверх, и сейчас же от котлов бежали туда люди с ведрами кипятку или горячей смолы; звал кто-либо поблизости на подмогу и все свободные сами спешили на зов, не ожидая на то приказания начальства.

Особенно жестокая схватка шла у Фроловских ворот, в которые гулко бил подведенный татарами таран, в то время как справа и слева от них, по множеству приставленных лестниц, ордынцы, не считаясь с потерями, яростно штурмовали стену. Видя что именно отсюда осаждающие расчитывают ворваться в город, к Фроловой башне поспешил сам князь Остей. Но здесь уже распоряжался Юрка Сапожник.

— Не суетись попусту, — поучал он, — суетней вы не себе, а поганым поможете! От кажной кучи становись цепками и передавай каменья с рук на руки передним, чтобы те только и знали что глушить басурманов по башкам! Эдак будет спорее и лучше, нежели каждому до кучи и в обрат с каменюкой бегать. Тако же и ведра от котлов подавай, а порожние ворочай взад!

— Да ты, дурило, почто льешь кипятню на тех, что стоят под стеной? — через минуту кричал он уже в другом месте. — Ведь она, кипятня-то, до их долетит уже вовсе остылая, — им это как Божья роса! Ты их смолой поливай, она и внизу припечет так, что будь здоров! А кипятней полощи в рыло тому, кто близко!

Видя что тут ему делать нечего, Остей поднялся на башню, над воротами, в которые мерно, через равные промежутки времени, бил тяжелый таран, с насаженной на него железной балдой. Ворота пока не поддавались, но было очевидно, что они долго не выдержат, а таран и раскачивавшие его воины были защищены столь прочным дубовым навесом, что его не могли проломить даже самые тяжелые камни. Поджечь его тоже не удавалось, потому что сверху он был покрыт слоем свеже-содранных лошадиных шкур.

Таран надо было обезвредить как можно скорее. Но как это сделать? Остей понимал, что вылазка в такой момент невозможна: едва будут открыты ворота, татары хлынут в них всею своей массой и уже не дадут затворить их. Не зная что предпринять, князь оглянулся по сторонам и взгляд его внезапно остановился на массивном зубце стены, который возвышался как раз над тараном. Он был сложен из трех громадных каменных плит, крепко связанных известью, и весил не меньше пятидесяти пудов. Перед такой тяжестью не устоит никакая крыша!

—Десять человек с ломами сюда! — крикнул он стоявшим внизу.

Несколько минут спустя, отделенный от стены зубец с грохотом рухнул вниз, подняв тучу пыли. Когда она рассеялась, по стене прокатился радостный крик: навес был разнесен в щепы, таран перебит пополам, из-под обломков со стонами и воплями выползали искалеченные люди.

Ворота были пока спасены, но вокруг них продолжалась яростная битва. Неся огромные потери от неприятельских стрел, осажденные шестами опрокидывали лестницы, сбивали с них татар камнями и бревнами, валили на них горящие охапки соломы, поливали кипятком и смолой. Только немногим ордынцам удавалось добраться до верху и ступить на стену, но таких сейчас же сталкивали вниз копьями или шестами, даже не давая времени обнажить саблю.

Более трех часов длился этот первый приступ и защитники города были уже близки к изнеможению,

когда вдруг в татарском стане затрубили трубы и обессиленная орда, провожаемая пушечными выстрелами, отхлынула от кремлевских стен.

ГЛАВА 21.

"Гражанин же один, именем Адам, москвитянин суконник, иже стояху над враты Фроловскыми, приметив татарина знатна и славна, еже бе сын некоего князя ордынского, и напяв самострел[1]) испусти внезапу стрелу на него и уязви его в сердце его гневливое и смерть ему нанесе. Се же бе печаль великая всем татарам и сам царь Тохтамыш много тужаху о нем".

Повесть "О московском взятии от царя Тохтамыша", неизвестного автора начала XV столетия.

Дав отдых истомленным бойцам, старшины сейчас же послали на стены тех, кто не принимал участия в сражении, и женщин, чтобы убрали убитых и раненых, да возобновили наверху запасы камней, смолы и воды. Эта предусмотрительность оказалась не лишней, ибо к вечеру татары повторили приступ. Как и первый, он закончился для них полной неудачей.

На следующий день они подвезли катапульты и балисты[1]), и с утра метали в город тяжелые камни и толстые как колья, окованные железом стрелы, к которым иногда подвязывали пучки горящей пакли. Это последнее было всего опасней: деревянные постройки,

---

[1]) Самострел — арбалет, усовершенствованный лук, с прикладом и со спусковым приспособлением для тетивы.

[1]) Катапульта — метательное орудие, устроенное по принципу арбалета, но большой величины и укрепленное на особом станке. Тетива, скрученная из толстых жил или кишек, натягивалась здесь особым воротом или усилиями десятка человек. Это орудие, на расстояние до 400 метров метало стрелы толщиною в 10 - 15 см. и до сажени длиной. Могло быть приспособлено и для метания камней. Балиста, — орудие с оттяжным приспособлением, метавшее камни весом более десятка пудов.

с тесовыми или соломенными крышами, воспламенялись легко и пожар среди них распространялся с необыкновенной быстротой. Но пожилые люди хорошо помнили, что на их веку, — за какие-нибудь тридцать пять последних лет, — Москва выгорала уже пять раз почти дотла, и потому горожан не нужно было призывать к особой бдительности: от мала до велика, все сами глядели в оба и дружно гасили огонь, едва лишь он занимался где-либо от татарской стрелы.

Но обстрел продолжался недолго: часа через два осаждающие вынуждены были прекратить его потому, что по дальности и точности стрельбы их орудия не могли состязаться со стоявшими на стене тюфяками. Московские пушкари скоро приловчились и начали разбивать татарские катапульты и балисты одну за другой. Переставить их ближе к стенам, где они были бы в безопасности от русских ядер, не имело смысла, так-как они могли стрелять только под небольшими углами возвышения, и потому, потеряв из них около половины, Тохтамыш приказал увезти остальные с поля.

Татары вообще не любили штурмовать неприятельских крепостей и, если позволяло время, предпочитали брать их измором. Они располагались становищем вокруг города, грабили все его окрестности, а затем выпускали своих коней на пастбища и жили обычной жизнью татарского кочевья, спокойно ожидая когда голод заставит осажденных сдаться. Посмеиваясь, они говорили: — "наши овцы заперты в хлеву. Придет время, — мы войдем туда и пострижем их".

Но у Тохтамыша времени не было. Его беспокоило то, что князь Дмитрий с войском ушел из своей столицы неизвестно куда, — он мог внезапно нагрянуть каждую ночь и в этом случае орда очутилась бы между двух огней. И потому, торопясь овладеть Москвой, хан и в этот день дважды посылал войско на приступ, но оба раза татары были отбиты с большим уроном.

Однако и осажденным эти два дня стоили не дешево. Сотни людей — и притом самых отважных и умелых, — были убиты; Троицкое подворье, Чудов мо-

настырь и дома бежавших бояр едва вмещали всех тяжело раненных; пороху к тюфякам оставалось на несколько выстрелов, смола была израсходована вся, да и пищевых запасов для множества скопившихся в городе людей надолго хватить не могло. В их расходованьи надо было соблюдать крайнюю бережливость, но об этом мало кто думал, а когда к ней призывал князь Остей, — ему отвечали, что ежели скоро подойдет великий государь с войском, беречь запасы не к чему, а коли он замешкает, татары все равно всех перебьют, так уж лучше помирать сытыми. Вдобавок, несмотря на предельное напряжение днем, ночами многие продолжали переписаться, — благо в боярских погребах медов и вин было вдосталь, — и это еще более ослабляло силы города, уже подорванные громадными потерями.

Не имея достаточно авторитета и не располагая какой-либо силой, чтобы образумить этот беспечный и буйный народ, но понимая что это необходимо сделать в интересах защиты Москвы, — князь Остей просил Юрия Сапожника повлиять на людей и прежде всего запретить ночные попойки. Но Юрка лишь безнадежно махнул своей единственной рукой.

—В чем ином, а в этом они меня все одно не послухают, — сказал он. — Да чего и пробовать? Днем они бьются с погаными отменно, не жалея себя, чай ты сам это видел. Русский человек здоров, не то что литвин, он всё выдюжит. Так нехай себе ночью пьют, — с похмелья только злее будут на стенах!

* * *

Утром, едва рассвело, старосты и соткие, в ожидании нового приступа, начали поднимать спавший на площадях и на улицах народ и сгонять его на стены. Многие, после ночной гульбы, повиновались не сразу, но другие безжалостно пинали их под бока и вскоре все уже находились на своих местах. Но в татарском стане царило спокойствие и не было заметно никаких приготовлений к штурму.

Только часа через два после восхода солнца, заметив, очевидно, что на стенах стоит много праздных

людей, — от орды отделились в разных местах десятки вооруженных луками всадников, которые, рассыпавшись вокруг города, принялись метко поражать стрелами всех, кто неосторожно показывался из-за укрытий. Со стен им почти не отвечали: надо было беречь стрелы, а татары держались довольно далеко и все время находились в движении. Лишь самым искусным стрелкам было дозволено стрелять по тем ордынцам, которые подъезжали ближе и представляли собой хорошую цель.

Особенно удачливым из таких стрелков оказался в это утро московский купец Адам Суконник. Из своего тяжелого заморского самострела, — с которым не раз хаживал на медведя, — он уже сразил троих татар, когда вдруг заметил, что прямо к Фроловским воротам, — над которыми он стоял в окружении нескольких бойцов, дивившихся его искусству, — приближается богато одетый всадник. Немного поотстав, за ним скакал второй, с треххвостым бунчуком в руке. Но на этого ни сам Адам, ни другие, в охотничьем азарте не обратили никакого внимания.

— Гляди, конь-то у него какой! — сказал один из стоявших сбоку. — Не конь, а лебедь! Богатый, должно быть, басурман!

— Да и по рылу видать, что не из простых свиней, — сказал другой. — А ну, Адам Родионыч, покажи-ка ему как Мартын свалился под тын!

— На ём кольчуга, стрела ее не возьмет, — заметил Игнашка Постник, тоже находившийся тут. — Бей в горло, либо в глаз!

— Моя стрела не возьмет кольчугу? — обиделся Адам. — А на-кось, погляди! — и подняв самострел, он тщательно прицелился в татарина, в этот миг осадившего коня по ту сторону рва.

— Не стрелять! — крикнул князь Остей, выбегая из башни. — Это, никак, посол ханский!

Но было уже поздно: в это самое мгновенье Адам спустил тетиву и татарин, схватившись обеими руками за грудь, в которую глубоко вошла метко пущенная стрела, запрокинулся и упал с седла.

Когда раненного Рустема, — ибо это его поразила стрела Адама Суконника, — принесли в шатер великого хана и ханский лекарь, едва взглянув на него, сказал, что рана смертельна, — Тохтамыш был вне себя от скорби и гнева. Он любил племянника едва ли не больше, чем своих собственных сыновей, которых у него было уже семеро, причем, — к тайному огорчению отца, — ни один из них не обнаруживал особых дарований, военных или государственных. К тому же, он чувствовал свою тяжкую вину перед Карач-мурзой: зачем было посылать Рустема на переговоры с этими коварными и стреляющими в послов урусами, когда можно было послать любого другого князя?

— Да будет мне свидетелем великий Аллах! — вскричал Тохтамыш. — Москва дорого заплатит за это! За каждую каплю твоей крови я отниму жизнь у одного неверного!

— Не надо, великий хан, — с трудом выговорил Рустем. — Они не знали, что я твой посол... Я не успел им сказать...

— А разве они были слепы и не видели твоего бунчука? Теперь они сами виноваты в том, что их ждет! Посылая тебя, я хотел дать им пощаду, но Аллах поразил их безумием и они убили тебя! Если нельзя взять Москву силой, я возьму ее хитростью и прикажу перебить в ней всех, до последнего человека!

— Позволь мне вести орду на приступ и отомстить за него, отец! — сказал старший сын Тохтамыша, Джелал-ад-дин, закадычный друг Рустема. — Я возьму город и своей рукой вырву сердце у того, чья стрела поразила его!

Хан хотел что-то ответить, но не успел, ибо в это мгновение увидел, что лицо Рустема внезапно и быстро начало покрываться восковою бледностью смерти. Тонкая змейка крови показалась из угла его рта и причудливо извиваясь, поползла на подушку.

— Рустем! — крикнул Тохтамыш, склоняясь над умирающим и крепко стиснув его холодеющую руку. Он думал, что всё уже кончено, но последняя искра жизни еще теплилась в Рустеме.

— Отцу скажи, — еле внятно прошептал он, не открывая глаз: — Аллах внес последнюю поправку...

ГЛАВА 22.

"И два князя Суждальские, Василей да Семен, сынове князя великого Дмитрея Костянтиновичя Суждальскаго, придоша под град и глаголаху: "царь вас, людей своих, хощет жаловати любовию и миром, токмо изыдите ему в сретение с честию и с дары. Нам же имите веру, мы бо князи есмы христьянски вам то глаголем и правду даем на том".

Вологодская летопись.

Едва Рустем испустил последний вздох, хан Тохтамыш снова бросил орду на штурм города, повелевая взять его, чего бы это ни стоило. Этот приступ был самым страшным из всех. Несколько часов кряду ордынцы, не считаясь с потерями, волна за волной, накатывали на стены и лезли наверх. Но москвичи отбивались мужественно, и стойко выдерживали этот исступленный натиск до наступления ночи, пока темнота не заставила татар прекратить его.

На следующий день, двадцать шестого августа, с утра все было тихо и спокойно, — даже татарские лучники не стреляли по людям, которые показывались на укреплениях. Осажденные не замедлили этим воспользоваться, чтобы похоронить своих убитых и поднять на стены всё, что еще могло служить для отражения следующего приступа.

В час дня, к Фроловским воротам, в сопровождении нескольких татарских военачальников, приблизились Нижегородские князья Семен и Василий. Как шурьев великого государя Дмитрия Ивановича, их в Москве хорошо знали, а потому оба они, оставив своих спутников по ту сторону рва, смело подъехали вплотную.

— Эй, на воротах! — крикнул князь Семен. — А ну, кликните сюда вашу старшину! Есть к вам слово от великого хана.

— Сказывай! — ответил князь Остей, появляясь на краю стены, быстро заполнившейся москвичами. — Я в городе набольший воевода, а иная старшина, почитай, тоже вся здесь и тебя услышит!

— Ладно, коли так, слушайте: великий хан велел вам сказать...

— Погоди! — перебил его со стены чей-то зычный голос: — ты нам, допрежь того, скажи, — сами-то вы что средь поганых делаете? И как попали в ханские послы?

— Идучи Нижегородскими землями, взяли нас татары заложниками, да и возят с собой, — не сморгнув ответил князь Семен. — А в послы хан Тохтамыш нарядил нас потому, вестимо, что мы с вами без толмачей беседовать можем и, стало-быть, легче договоримся.

— Добро, говори теперь, чего хочет твой хан?

— Хан наказал вас, москвичей, спросить: ужели мыслите вы, затворившись во граде своем, без князя и без войска, выстоять супротив целой орды? Ведь все равно она вас не ныне, так завтра сломит и примете вы напрасную гибель. А потому великий хан, вас жалеючи, повелел вам сказать: пришел он войною на князя Дмитрея, дабы поучить его за строптивость, вам же он зла не хочет и готов вас миловать, коли сами вы не станете лезть на рожон. Ищет он токмо того, чтобы вы отворили ему ворота и встретили его, великого хана и царя вашего, с покорностью и с хлебом-солью. Он сам, без войска, — только с вельможами своими и с малым числом нукеров, — въедет в Москву, дабы на нее поглядеть и показаться народу, а после того уйдет отселева со всею ордой, не причинив ни вам, ни городу вашему никакой обиды.

— Ишь, чего захотел поганый хан! — крикнул со стены Игнашка Постник. — Нехай глядит на Москву издаля, а в город мы его не пустим, — небось, не дурнее его!

— Коли добром не пустите, он сказал: повелит взять Москву силою и тогда пощады никому не будет. Вот и выбирайте что вам милее!

— Не пужай, выстоим с Божьей помощью доколе подойдет государь наш с войском! А тогда хану вашему то самое будет, что и Мамаю было!

— Ну, ежели вы столь сильны, давай вам Бог, — промолвил князь Василий Нижегородский. — Мы, вестимо, душею с вами, а не с басурманами. Только глядите, не просчитайтесь, ибо помощи вам ниоткуда не будет: вы, должно-быть, того не знаете, что тут под Москвой, стоит только половина Тохтамышевой орды, а другая ее половина гонится полунощными землями за князем Дмитреем Ивановичем, который от нее подался в Вологду, а ныне, сказывают, ладится уходить оттуда на Белоозеро.

— Не может такого быть! — крикнул сверху Юрка Сапожник. — Нешто мы не знаем своего государя? Не побег бы он от орды, особливо без битвы!

— Битва ему была близь Костромы, только побили его татары и теперь он уходит от них с остатним войском.

— А не лукавишь ты, княже? — спросил со стены архимандрит Симеон Спасский. — Может, научили тебя татары так говорить, дабы пали мы духом и положили оружие? Не бери греха на душу, ведь русский ты человек, как и мы, и Господь тебе не простит такого!

— Да что ты, отче, мыслишь на мне креста нету? — притворно возмутился князь Василий. — Истинно сказал я вам то, о чем вот уже два дня только и говорят в татарском стане. Сам я, вестимо, того не видел, однако, думаю, что ордынские гонцы своего хана обманывать бы не посмели.

Ложь Нижегородских князей звучала столь убедительно и правдоподобно, что почти все москвичи ей поверили. С минуту со стены доносился лишь невнятный гул голосов, потом князь Остей крикнул вниз:

— Пождите, послы, — сейчас промеж собою потолкуем и тогда дадим вам ответ!

— Ладно, пождем, коли недолго. Да и чего тут много толковать-то? Дело и младенцам ясное: надобно

вам покориться, покуда хан милостив, — тем только и спасете себя и Москву от погибели!

***

— Ну, братья, как, — сами станем решать дело, али кликнем народ на вече? — спросил архимандрит Симеон у стоявших вокруг людей.

— Вече хорошо сбирать когда есть время на споры да на разговоры, — угрюмо промолвил один из слободских старост, — а ныне иное: ханские послы стоят за воротами и дожидают ответа.

— Это истина! — кникнул кто-то из толпы.— Здеся на лицо и князь-воевода, и оба московские архимандрита, и почти вся иная старшина. Нехай они, — лучшие люди наши, — вырешат дело промеж собой, а мы на том станем, что они скажут!

— Тому и быть! — поддержали другие. — С вечем и до завтрева дело не сдвинется! Пущай старшина решает!

— Добро, братья, — сказал архимандрит Симеон, — так оно и впрямь лучше будет, а потому с Божьим благословением приступим. Говори, княже, что мыслишь ты?

— Набольший воевода на совете сперва других слушает, а свое слово говорит последним, — ответил Остей.

— Коли так, починай кто-либо из меньших людей. Вот, хоть ты, Игнатий!

— По мне, братья, чего бы нам хан ни посулил, не отворять ему ворота, — без раздумий сказал Игнашка Постник. — Обманут нас басурманы! Будем обороняться до конца, — авось приспеет государь наш на помощь.

— Держись за авось покеда не сорвалось! — крикнули из толпы.

— Оно верно, этот авось дюже тонкий, на таком долго не удержишься, — промолвил староста Сурожской сотни[1]) Сидор Олферьев. — Нешто ты не слыхал, что нижегородские князья-то сказывали?

---

[1]) Московский торговый люд делился на сотни: Гостинную, Суконную и Сурожскую.

— Не верю я тому! Лгут они!

— Может и лгут, но на правду похоже. И ежели оно окажется правдой, а мы, тому не поверив, станем еще обороняться, — понапрасну погубим и Москву и себя, — сказал Олферьев. — Ведь мы не малые дети, небось, кажный понимает, что сколько ни ерепенься, а долго нам супротив орды не выстоять. Ну, продержимся еще дня три, либо от силы седмицу, а после татары всё одно город возьмут и тогда не оставят в нем камня на камне. Да и людей всех побьют.

— Знамо дело, уж тогда пощады не жди, — поддержал кто-то из сотских.

— А коли ворота отворим и покоримся, думаешь и вправду помилуют? — отозвался другой. — Татарве в таких делах не дюже-то верь! В торгу татарин тебя не обманет, а в ратном деле обман у них законом дозволен!

— Так ить тут еще дело-то надвое показывается: может обманут, а может и впрямь помилуют. А ежели ханской воли не исполним, тогда конец один!

— Чего там один! — крикнул Адам Суконник. — Небось, четыре дня против орды выстояли, сколько она на стены ни лезла, почто же еще не постоять? Город наш крепок, а людей в нем эвон сколько! Коли спонадобится — и до зимы простоим!

— А есть что будешь? Через какую седмицу, не более, во всей Москве ни зерна не останется! Сколько ни хоробруй, а голод заставит ворота отворить!

— Тогда нам от того проку не будет. Коли уж отворять, так лучше сейчас!

— Истина! Ноне хан, гляди и помилует, а завтра не жди!

— А как у нас и вправду с запасом-то? — спросил архимандрит. — Ты, княже, что о том скажешь?

— Что я о том сказать могу? Я человек пришлый, — ответил Остей. — Поспрошайте о том у Юрия.

— Врать не хочу, а толком того и я не знаю, — сказал Юрий Сапожник, увидев что на него устремлены все глаза. — Запасу у нас было немало, особливо в боярских хозяйствах. Но народ, осерчав на бояр, домы

их пограбил, — поди теперь узнай куды оно ушло? Людей в город тоже-ть набежала тьма, доселева все пили и ели в кого сколько лезло, и что̀ еще осталось — то один Господь ведает. Надо-быть, на седьмицу достанет, а впроголодь, может и две продержимся.

— Вишь, как оно без настоящего-то начала обернулось! Ну, а коли в деле порядку нет, так чего и ждать-то еще? Надобно теперь же мириться с ханом!

— Кобыла с волком мирилась, да домой не воротилась! Лучше подтянуть брюхи и стоять до конца, нежели своей охотой отдаться басурманам на расправу!

— Так ведь всё одно не ныне, так завтра попадешь к ним в руки! Почто же их зря ярить-то?

— Вестимо так! Сколько веревку ни вей, а конец будет!

— Вот на той веревке в Орду и пойдешь!

— И то краше, нежели тут зарежут. С Орды и утечь можно!

— Чего еще тут спорить! Надобно сделать, как царь хочет: пустить его в город, только без войска и чтобы никаких грабежей!

Из всех этих речей и отдельных выкриков, архимандриту Симеону, — который в этот решающий час молчаливо был признан за старшего, — стало ясно, что большинство склоняется к тому, чтобы принять условия Тохтамыша. Выждав минуту затишья, он сказал:

— Добро, братья, вы свое молвили. Послушаем теперь, что князь-воевода скажет. Ему последнее слово и слову его наибольшая вага[1]).

Князь Остей, вначале взявшийся за оборону Москвы с большим жаром, теперь уже и сам был не рад, что ввязался в это дело. Со стороны простого народа он привык встречать только слепое повиновение и этот храбрый, но мятежный московский люд был ему непонятен. Заставить его подчиниться своей единой воле князь не сумел, — может быть, по молодости лет, а, может, потому, что сам он не был русским. События развивались явно не так, как он хотел и теперь ему

---

[1]) Вага — вес, значение. Отсюда слово “важный”.

казалось, что при подобном самоуправстве народа и отсутствии порядка, город все равно обречен. И потому он промолвил:

— Если бы я имел хоть малую надежду удержать Москву, я бы первый сказал: давайте, братья, еще стоять! Но чем обороняться-то? Нет у нас боле ни огневого зелья, ни смолы, ни стрел, скоро начнется и голод, а помощи, как видно, ждать неоткуда. Два либо три приступа мы, может, еще и отобьем, а потом всё одно нас татары сломят и тогда уж не дадут пощады ни людям, ни городу. Так по мне лучше отворить им ворота сегодня и положиться на ханское милосердие!

— А будет ли оно, это милосердие, или то лишь обман пустой? — спросил один из старост, прерывая тягостное молчание, последовавшее за словами князя Остея.

— Чай, слыхал ты, что Нижегородские князья-то баили? — сказал гость Олферьев. — Ведь они не басурманы, а свои православные люди, — ужели же можем уподозрить их в столь великом грехе, что лжею своею захотели бы целый город христианский отдать на погибель?

— Тако же и я мыслю, — промолвил архимандрит. — Но все же, для верности, стребуем с них, чтобы на правде своей крест поцеловали. Так что же, братья? Стало быть, все согласны рядиться[1]) с татарами?

— А что сделаешь? Выше пупа не сиганешь! — раздались голоса. — Согласны, ежели нету иного спасения! Иди, отче, говори с послами, только требуй с них именем Бога, чтобы всё было без обману, а наипаче, чтобы поганые город не грабили и не полоняли людей!

— Эх, не надо бы, братцы, — сокрушенно промолвил Игнашка Постник. — Пожалеете вы об этом, да поздно будет!

***

— Ну, как, Москва, что сказать хану-то? — крикнул снизу уже начинавший терять терпение князь Ва-

1) Рядиться — договариваться. Ряд — договор.

силий Нижегородский, когда над воротами снова появилась городская старшина.

— Сейчас услышишь, — ответил со стены архимандрит Симеон. — Но прежде того, заклинаю вас именем Бога живаго и силою всех святынь Его, во граде нашем сущих, — молвите правду: нет ли какой хигрости или обману в том, что вы привезли? И ежели покоримся мы воле великого хана, крепко ли будет его царское слово в том, что не велит он своим татарам грабить Москву и губить наших людей?

— Ужели стали бы мы, русские князья, обманывать для басурманов своих православных христиан? — воскликнул князь Семен. — Верьте нам, братья, хотим вам блага и истину говорим, как перед Богом: никого не тронут татары, ежели вы добром отворите великому хану ворота и встретите его с честью и с покорностью!

— Поклянитесь в том оба, на святом кресте!

— Экий ты, отче, недовер! — с досадою сказал князь Семен. — Ну, изволь, коли хочешь. Глядите все: на том, что правду вам сказал, крест Господен целую! — с этими словами он растегнул на груди кафтан, вынул золотой нательный крестик и приложил его к губам. Князь Василий молча последовал его примеру.

— Добро, князи, коли так, мы вам верим. Но помните: ежели что худое случится, — неискупен ваш грех перед Богом и токмо одни вы ответите на страшном Его суде за поруганные святыни московские и за погубленные христианские животы. Отдаем себя и город наш на милость его пресветлого величества хана Тохтамыша и покоряемся его царской воле!

— Ну, вот и слава Христу, что вразумил Он вас своею премудростью, — с облегчением ответил князь Семен. — А то зря загубили бы и Москву и столько людей! Как же сказать-то хану, — когда ему ворота отворите?

— Отворить нам недолго, — сказал архимандрит, — да ведь ежели всё исполнить по ханской воле и приготовить ему достойную встречу, на то надобно время. Скажи хану, — к шести по-полудни пускай жалует: будем готовы и встретим его с честию и с дарами.

ГЛАВА 23.

"Бе же тогда в Москве плачь и рыдание, и вопль мног и слёзы, и крик неутешный и горесть смертная, страх, ужас и трепет. Иже прежде бе велик град сей и чюден, ныне же не бе в нем ничто видети, но токмо дым, разорение и трупия мертвых без числа лежаща".

Московская летопись.

В шесть часов вечера Тохтамыш, окруженный множеством ордынских князей и военачальников, приблизился к Фроловским воротам кремля. Хана сопровождал отряд его телохранителей, численностью в четыреста человек, за которым вплотную следовало еще три тысячи отборной конницы. Вся остальная орда, не слишком близко от стен, оставалась стоять вокруг города, глазея на происходящее.

Едва ханская свита подъехала к мосту через ров, — ворота медленно растворились и из них первым вышел навстречу татарам князь Остей, в серебряных доспехах и с мечом на боку; за ним следовали два седых, бородатых старца с хлебом-солью и несколько молодых москвичей, несущих подарки для великого хана; далее шла большая группа старшин и именитых людей города, а за ними — крестный ход, с участием всего московского духовенства, сверкающего серебром и золотом праздничных облачений.

К князю Остею, едва он перешел мост, приблизились двое вельмож, отделившихся от ханской свиты.

— Ты был в городе главным воеводой? — спросил один из них на скверном русском языке.

— Я, — ответил Остей.

— Пойдем. Великий хан, да умножит Аллах его славу, желает говорить с тобой.

Минуту спустя, Остея подвели к хану Тохтамышу, который, в драгоценных доспехах и в белой чалме,

сидел на своем великолепном золотисто-гнедом неджеди[1]).

— Это правда, что ты не русский князь, а литовский? — бесстрастным голосом спросил Тохтамыш, не отвечая хотя бы легким движением головы на низкий поклон и приветствие Остея.

— Истинно так, великий хан. В Москве оказался я лишь случайно, когда подошло твое войско и ее осадило.

— Как же ты посмел, вонючий шакал, вмешаться в дело, которое тебя совсем не касалось и поднимать против меня моих данников — москвичей?

— Да разве это я их поднял? Они сами... — промолвил Остей, пораженный таким обращением, но Тохтамыш не дал ему кончить:

— Тебя не спасет никакая ложь, — сказал он. — Ты заслуживаешь смерти и ты умрешь.

— Да ведь ты всем обещал пощаду!

— Вас уговорили сдаться ваши же русские князья и мне не интересно знать, как они это сделали и что вам обещали. А я не даю пощады коварному и подлому врагу, который попирает обычаи священные для всех народов и убивает послов, даже не выслушав того, с чем они присланы! Умертвить его, — добавил хан, слегка поведя головой в сторону своей свиты, и тотчас же четверо ближайших к нему татар, выхватив сабли, бросились на Остея. Последний схватился за меч, но не успел и наполовину вытащить его из ножен, как пал под ударами ордынцев.

— Теперь, — сказал Тохтамыш, обращаясь к своим военачальникам, — врывайтесь в город и покарайте неверных за их сопротивление своему повелителю и за предательское убийство Рустем-бека. Мужчин перебить всех, кроме попов. Но если попы будут в чем-либо вам противиться, убивайте и их. Объявите воинам, что до захода солнца завтрашнего дня, они могут грабить Москву и делать, что захотят с теми людьми, которые в

---

1) Неджѐди — особо ценная и высококачественная разновидность арабской породы лошадей.

ней находятся. Русские должны навсегда запомнить, что ожидает тех, кто осмеливается поднять оружие против Великой Орды!

В ту же минуту нукеры Тохтамыша с грозными криками устремились вперед. Рубя саблями, опрокидывая и топча безоружных людей, двигавшихся навстречу с дарами, иконами и хоругвями, они бросились к воротам и успели ворваться в них прежде чем москвичи осознали страшную действительность и сделали попытку их затворить.

Но все же в воротах возникла жестокая давка, — татары через них проталкивались медленно и с большим трудом, а весть о случившемся мгновенно разнеслась по всей Москве и сюда уже бежал отовсюду вооруженный чем попало народ.

Вспыхнула кровавая схватка и москвичам, дравшимися с яростью поруганной надежды и отчаянья, удалось потеснить ордынцев. Еще немного и ворота можно было бы затворить, но в это время со стен, в разных местах, послышались победные крики татар: то стоявшая вокруг города орда лезла по штурмовым лестницам наверх и не встречая никакого сопротивления, — ибо на стенах почти не было людей, — со всех сторон потоками вливалась в обманутую и обреченную Москву.

На улицах города началась и продолжалась до самой ночи жестокая резня, ибо русские не прекращали отчаянного сопротивления. Многие заперлись в каменных церквах, которые татарам приходилось брать приступом. Но и тогда, когда высадив таранами двери, они врывались внутрь, — находившиеся тут люди, во главе со священниками, продолжали драться до последнего вздоха, защищая свои святыни. Некоторые семьи выдерживали осаду в своих домах или в боярских хоромах, и даже когда татары поджигали их последнее убежище, — иные отказывались выйти и покориться, предпочитая погибнуть в пламени.

Толпы людей, преимущественно женщин, в отчаяньи метались по городу, стараясь куда-нибудь спря-

таться и спастись от озверевших ордынцев. Но это удавалось лишь немногим, — остальных татары ловили, срывали с них всё, что представляло собой хоть какую-нибудь ценность, мужчин убивали, а нестарых женщин и подростков уводили в свои стойбища.

Только глубокой ночью последние очаги сопротивления были подавлены и звуки сражения и погрома начали постепенно затихать. Но до самого рассвета истерзанную и оскверненную Москву оглашали гортанные крики победителей, тяжкий плачь порабощенных женщин и стоны умирающих, которых еще не успели добить.

На следующий день татары уже почти никого не убивали, — даже уцелевших накануне мужчин щадили, если они оказывались пригодными для увода в Орду. Вообще теперь, — когда, по мнению ордынцев, неприятель был достаточно сурово наказан и устрашен, — всё их внимание сосредоточилось на том, чтобы ничто, могущее увеличить объем добычи, не пропадало зря.

С раннего утра в городе шел повальный и хорошо организованный грабеж. Разбившись на небольшие отряды, татары, руководимые десятниками, как обычно, обшаривали здание за зданием, что бы это ни было: церковь, сторожевая башня, боярские хоромы или изба бедняка. Во время грабежа ни один из его участников под страхом смертной казни не мог присвоить себе даже самую ничтожную мелочь: всё, что имело какую-нибудь ценность и могло быть увезено, выносилось из города и складывалось на поле в общие кучи, — отдельно оружие и доспехи, одежда, обувь, домашняя утварь, драгоценности, деньги и прочее; сюда же приводили связанных попарно, за руки, пленных, — скрепленных потòм, пар по десять, одним общим ремнем, — и сгоняли захваченных лошадей и скот.

По окончании грабежа, вся добыча поступала в распоряжение войсковых букаулов[1]), которые, прежде всего, отделяли известную часть золота и драгоценно-

---

[1]) Букаул — особый чиновник в Орде, ведавший распределением добычи и казенного имущества.

стей в ханскую казну; всё остальное делилось на равные части, по числу участвовавших в походе туменов.

Доля каждого тумена распределялась между его составом согласно раз и навсегда установленному соотношению: десятник получал в три раза больше, чем рядовой боец, сотник в три раза больше, чем десятник и так далее, вплоть до темника, доля которого, таким образом, втрое превышала долю тысячника и в восемьдесят-один раз долю простого воина. Особенно отличившимся, по распоряжению темника или самого великого хана, давали двойную или тройную долю. Всё это имело характер своеобразной уплаты жалованья военнослужащим, со строгим учетом занимаемых ими должностей, но с тою разницей, что размер этого жалованья был не постоянен и зависел он не от срока службы или трудностей похода, а только от ценности взятой добычи.

После захода солнца, — как повелел накануне великий хан, — грабеж был прекращен, но и грабить-то больше было нечего: ордынцы отлично управились за отведенный им срок и не оставили в Москве ничего, на что мог бы еще польститься даже самый непритязательный грабитель. Подпалив опустошенный город в нескольких местах, татары его покинули и возвратились в свой стан делить добычу.

Начавшийся ночью дождь погасил пожар и Москва выгорела не вся. Но наутро она представляла жуткое зрелище: возвышаясь над общим простором смерти и разорения, зиял черными провалами окон разгромленный и полусгоревший дворец великого князя; там и тут виднелись прежде белокаменные, а теперь обожженные и покрытые языками копоти храмы, с выломанными дверями и со следами страшной борьбы, происходившей внутри: алтари и царские врата были опрокинуты, на полу валялись тела убитых священников и прихожан, богослужебные книги и иконы, с сорванными с них драгоценными окладами[1]); над мертвым го-

---

[1]) За все время татарского владычества над Русью, после Батыева нашествия, Тохтамыш был единственным ханом, допустив-

родом со зловещими криками кружились тучи слетевшегося на поживу воронья, а по заваленным трупами улицам, меж обгоревших домов и дымящихся пожарищ, в одиночку и небольшими кучками, молча, как тени, бродили уцелевшие жители, среди тысяч убитых отыскивая своих родных и близких.

Они боялись не только хоронить, но даже оплакивать мертвых, чтобы этим не привлечь к себе внимания татар, всё еще стоявших станом вокруг изуродованного ими города.

ГЛАВА 24.

"Князь же Володимер Андреевичь стояша близь Волока, собрав силу около собя, когда приидоша ратнии татарове, не ведуща его тут. Он же удари на них и тако милостию Божьею иных иссекоша, а иних живых поимаша, и иннии побегоша. Царь же Тохтамыш услышав о том нача боятися и отступи от града Москвы".

Московская летопись.

После разгрома Москвы, Тохтамыш, с главными своими силами остался стоять возле нее, но крупные ордынские отряды рассыпались по московским землям, опустошая все на своем пути. В короткий срок, почти не встречая сопротивления, — ибо все боеспособные мужчины ушли в войско князя Дмитрия Ивановича, — они захватили города Можайск, Звенигород, Боровск, Рузу, Дмитров, Юрьев, Владимир и некоторые другие, дочиста ограбив их и уведя многих жителей в плен. Но тут они проявили уже меньше жестокости, зря людей не убивали и городов не жгли, за исключением одного Переяславля - Залесского, который был сожжен дотла, — в отместку за то, что при подходе татар всё его на-

---

шим в этом случае массовое осквернение православных святынь и убийства священнослужителей. Но это случилось, вероятно, потому, что москвичи обратили свои церкви в очаги сопротивления.

селение ушло в леса, вместе со своим имуществом и ордынцам тут не пришлось чем-либо поживиться.

В ставку Тохтамыша тем временем прибыли послы от великого князя Михайлы Александровича Тверского, который прислал богатые дары, изъявлял хану свою полную покорность и бил челом, чтобы татары на том пощадили Тверскую землю и не разоряли ее городов. Тохтамыш, — опасавшийся того, что в тыл ему может всякий день ударить войско князя Дмитрия Московского, — на Тверь идти и не помышлял, но случаем воспользовался и взял с Тверского князя большой откуп.

Не торгуясь заплатив требуемое, Михайла Александрович не преминул напомнить хану о своих родовых правах на великое княжение над Русью, которое ныне держит неправдою Московский князь. Но Тохтамыш на это ответил, что разбираться в том ему сейчас недосуг, и чтобы Тверской князь приехал в Сарай, когда орда возвратится из похода.

В начале сентября, большой отряд ордынцев подошел к городу Волоку Ламскому, намереваясь его разграбить и не зная того, что здесь стоит князь Владимир Андреевич Серпуховский, с собранной им ратной силой. Произошло кровопролитное сражение, в котором татары были разбиты наголову.

Известие об этом сильно обеспокоило Тохтамыша, тем более что начальники потерпевшего поражение отряда, чтобы оправдать себя, значительно преувеличили силы Серпуховского князя. Почти одновременно в ставке великого хана были получены сведенья о том, что князь Дмитрий Иванович с большим войском выступил из Костромы и идет к Москве. Положение орды, стоявшей здесь, делалось весьма опасным: с двух сторон на нее двигались русские рати, под водительством прославленных полководцев, — победителей Мамая. В том, что они сумеют согласовать свои действия и подойти одновременно, — а может быть даже окружить его в этих хорошо им знакомых лесах, — Тохта-

мыш почти не сомневался и потому внял голосу благоразумия: он повелел немедленно начать отход.

Двинувшись всей ордой на Коломну, он взял приступом и разграбил этот город, а затем вторгнулся в земли своего пособника — Рязанского князя и подвергнул их жестокому опустошению. Все города Рязанщины были разграблены, множество народу уведено в плен, а сам великий князь Олег Иванович со своей семьей бежал в Литву.

Нижегородских князей, — предателей Москвы, — великий хан тоже отблагодарил не весьма щедро: Василия увез с собой в Сарай, в качестве заложника, а брата его, Семена, после долгих и униженных просьб, согласился отпустить домой, да и то лишь потому, что в это время пришло известие о тяжкой болезни его отца.

Подобно многим другим полководцам, Тохтамыш на войне не отказывался от услуг изменников. Но насколько он презирал их, особенно хорошо показывает следующий факт: после смерти великого князя Дмитрия Константиновича Суздальско - Нижегородского, — который умер несколько месяцев спустя, — хан дал ярлык на княжение в Нижнем Новгороде его брату, Борису Константиновичу Городецкому, а не кому-либо из его двоих сыновей, оказавших татарам столь крупную услугу в походе на Москву.

***

Через несколько дней после ухода татар, к Москве подошло русское войско и великий князь Дмитрий Донской с острою болью в сердце въехал в свою разоренную столицу.

Это были едва ли не самые горькие минуты в его жизни: с малых лет всего себя отдав делу освобождения Руси от владычества татар, одержав над ними блестящую победу и уже видя свою мечту осуществленной, — невыносимо тяжко было теперь осознать, что все понесенные жертвы и труды оказались напрасными и что снова надо признать над собой власть ордынского хана...

И черная злоба рождалась в душе при мысли о том, что в этой страшной беде повинны свои же русские князья. Всего раз только встали они дружно за общее дело, и разбита была на Куликовом поле несметная Мамаева орда. Так было бы и ныне, если бы снова все не потянули врозь... И вот теперь его красавица — Москва, сердце Русской земли, лежит во прахе и в крови, оскверненная лютым врагом, который всего два года тому назад в страхе и смятении бежал перед победными русскими полками.

"Вот оно, дело рук ваших, неразумное, совесть забывшее княжье! — с ненавистью подумал Дмитрий. — Страха ради татарского и корысти ради, перед ханом на брюхо падаете и ему предаете русскую землю! Всё вам ярлыки гребтятся: за великое княжение либо за иную ханскую подачку, рады вы пойти на самое злое дело, — катами[1]) стать и отчизне своей и всему христианству. Али не так выказали себя ныне Рязанский да Нижегородские князья? Ну, еще пождите: ежели по доброму нельзя вас научить чести и разуму, — я так выучу, что станете меня бояться пуще нежели хана!"

Но Дмитрий понимал, что сейчас перед ним стоит другая задача: надо было не мешкая приступать к восстановлению разрушенной Москвы и прежде всего — очистить ее от множества трупов, которые уже давно начали разлагаться, отравляя воздух непереносимым зловонием. Спасаясь от него, все уцелевшие жители столицы, едва отошла орда, — разбрелись по окрестным селам.

Несколько дней выносили из города мертвых и хоронили их в братских могилах, тут же, возле самых стен. В каждую яму клали на-круг по пятьсот тел и чтобы предать земле всех убиенных, ям этих понадобилось вырыть, без одной, полсотни[2]).

---

[1]) Кат — палач.

[2]) Летописи указывают, что за погребение каждых восьмидесяти трупов Дмитрий Донской платил по рублю, и что всего израсходовано на это триста рублей, — значит убитых было в Москве 24.000 человек.

ГЛАВА 25.

"Тое же осени съеха Киприян митрополит с Москвы на Кыев, разгневася бо на него великый князь Дмитрей Иванович того ради, яко не сидел в осаде на Москве, и послал по Пимена митрополита и приведе его из заточения на Москву, на рускую митрополию".

Московский летописный свод.

Дмитрий Иванович не терпел медлительности в делах своих. Умение быстро проводить в жизнь принятые решения, — даже не останавливаясь перед крутыми мерами, — было одною из основных особенностей его характера. И это значительно ускорило восстановление Москвы: едва начали очищать город от трупов, он уже разослал по всем окрестным селам повеление рубить лес и заготовленные бревна свозить в Москву. Каждому селу был дан определенный урок, который надлежало, под наблюдением княжеских предстателей[1]), выполнить в течение десяти дней.

Строительные материалы начали поступать немедленно и тысячи людей, — крестьян и воинов, — под руководством опытных мастеров, приступили к отстройке города и посада. Дмитрий сам с утра до ночи был на ногах, поспевал всюду и дело спорилось быстро.

Прежде чем распустить по домам собранные в северных землях ополчения, Дмитрий Иванович решил использовать их для того, чтобы наказать за предательство вероломных князей. Московская рать, под начальством князя Боброка-Волынского, вошла в Рязанскую землю, только что ограбленную отходившей ордой Тохтамыша и без всякой жалости подвергла ее еще более жестокому опустошению. Князь Олег Иванович, едва успевший возвратиться из Литвы, снова бежал и московское войско, как гласит летопись, "землю его всю до остатка взяше и пусту сотвориша, и ог-

---

[1]) Предстатель — лицо уполномоченное для осуществления какой-нибудь строительной работы и ответственное за нее перед князем.

нем пожгоша, и мнози люди в полон уведоша, и пуще ему стало, нежели от татарской рати"[1]).

Расправившись с Рязанщиной, Дмитрий Иванович хотел той же участи подвергнуть и Суздальско-Нижегородское княжество. Но узнав о его намерениях, князь Дмитрий Константинович поспешил отправить к нему послов с изъявлением полной покорности и с покаянной. Он оправдывался тем, что Тохтамыш захватил его сыновей силою и посылая их на переговоры с осажденными москвичами, поклялся, что в случае удачи, он и в самом деле пощадит Москву. И что когда он клятву свою нарушил, — князья Семен и Василий так смело обличали и корили хана, что в гневе он их домой не отпустил, а увел пленниками в Орду. В заключение, ссылаясь на то, что сам он лежит на смертном одре, Нижегородский князь униженно просил сложить гнев на милость и пощадить его земли.

И вняв мольбам своего умирающего тестя, Дмитрий Донской, — хотя и не очень всему этому верил, — повелел Боброку-Волынскому вести войско назад, в Москву.

К началу октября Москва уже была полностью очищена от следов пожара и разрушений. Многие не сильно пострадавшие здания были починены, другие быстро отстраивались, торговая площадь ожила и в городе начал налаживаться обычный порядок. Главные храмы московские, снаружи еще покрытые гарью, внутри были очищены и прибраны, в них снова стало возможным совершать богослужения, но митрополит Киприан продолжал оставаться в Твери, куда он отправился, покинув осажденную Москву. Среди москвичей это вызывало недоумение и ропот.

— Когда же такое было видано на Руси? — говорили в народе. — В грозный час владыка наш первым утёк, а ворочàться ладит последним! Хоть бы поспешал помолиться над прахом убиенных христиан да освятить наши алтари, оскверненные погаными!

Но текли дни и недели, а Киприан не возвращался.

---

[1]) Троицкая летопись.

От встречи с московским государем он хорошего не ждал, а в Твери его окружили пышностью и лестью, которые владыка любил. Князь Михайла Александрович всячески его обхаживал, думая переманить из Москвы в Тверь, ибо сейчас, в связи с нашествием Тохтамыша и ослаблением Дмитрия, у него снова воскресли надежды на великое княжение над Русью. И поддержка главы русской Церкви могла оказать ему в этом немалую помощь.

Наконец, выведенный из терпения Дмитрий послал в Тверь своих бояр Семена Тимофеевича Вельяминова и Михайлу Ивановича Морозова, с наказом митрополиту выехать в Москву.

Киприан прибыл к середине октября и великим князем был встречен сурово.

— Что же ты, отче, — сказал ему Дмитрий, не подходя под благословение, как то было в обычае, и даже не предлагая владыке сесть, — столько лет домогался московской митрополии того лишь ради, чтобы ныне эдак осрамиться перед целой Русью?

— В чем срам мой, княже? — побагровев спросил митрополит. — В том ли что я, претерпев оскорбления черни, вывез жену твою и новорожденного сына из Москвы и тем спас их от верной погибели?

— Ты мне женою и сыном глаза не отводи! Их и без тебя нашлось бы кому вывезти. Да, может и увозить бы не было нужды, ежели бы ты долга своего не позабыл! Я тебе Москву оставил, дабы ты держал в ней порядок и архипастырским словом своим крепил сердца людей. А ты что сделал? — Покинул паству свою и святыни наши на поругание татарам и первым убег, прикрывшись княгининой юбкой[1])! И не чернь те-

---

[1]) Здесь автор предвидит, что некоторые упрекнут его в анахронизме и скажут, что слово "юбка" не могло быть произнесено Дмитрием Донским, ибо гораздо позже перешло к нам из французского языка. Но это не так: слово "юбка", также как "шуба" и "зипун", происходят от татарского "джуба", — так называлась у татар долгополая одежда, носившаяся зимой. Западные языки заимствовали это слово через Россию.

бя оскорбляла, а московский народ проводил тебя, бегуна, как ты того заслужил! Это ли не срам?

— Опамятуйся, Дмитрей Иванович и обуздай язык свой! Ибо не токмо со служителем Божьим говоришь, но с князем Церкви и с первоиерархом русским! И не тебе, сыну моему духовному, судить меня!

— С тобою в этот час не сын твой духовный говорит, а государь русский, коему ты подвластен! За ослушание и за измену не токмо судить, но и казнить тебя могу. Так бы и надобно сделать! Не сделаю потому лишь, что не одному тебе, а всей Церкви православной причинил бы я тем ущерб. Но стал ты мне гадок и видеть тебя здесь не хочу! Чужак ты нам по крови и русской души тебе не понять, инако не стал бы ты во дни нашей великой скорби сидеть в Твери, поколе тебя оттуда силой не вытащили! Не такой отец духовный нам надобен. Наши русские святители в страде земной всегда бывали своему князю первыми поможниками и себя не жалели. Тебе же литовские князья милей, — вот и съезжай отсюда в обрат, на Литву, а мы тут и без тебя управимся!

— Кощунствуешь, княже и того тебе Господь не простит! А на русской митрополии я укреплен патриархом и не в твоей власти меня с нее согнать. Да и не сам ли ты меня на Москву призвал?

— В том каюсь. Призвал, а ныне оплошку свою хочу поправить. Что ты всегда руку моего ворога, князя Ольгерда, держал, то я тебе простил и принял тебя с честью. Но разве мог я тогда знать, как ты себя в грозный для Руси час выявишь? А теперь вижу — не годен ты нам, вот и говорю: съезжай с Москвы! Три дня тебе кладу на сборы, а коли промедлишь, велю силой вывезти!

— Если так, мне трех дней не нужно: я и сегодня съеду. Но за богопротивные действа свои ты и Богу и патриарху ответишь! А иного митрополита на Москву не жди!

— Мне и ждать не надобно: есть у нас митрополит Пимен. Он, хотя и обманом, но сан свой также получил от самого патриарха. И каков он ни есть, а

всё будет для нас получше тебя, — по крайности свой русский человек, стало быть паству свою в беде не покинет и продавать меня не станет ни литовскому князю, ни тверскому! Думаешь не знаю что у тебя на уме? Вот, Пимена и призову из заточения, а тебе отсюда путь чист!

— Добро, княже. Только не на Литву я отсюда поеду, а в Цареград и доведу обо всем его святости, патриарху Нилу. Коли отлучит он тебя и землю твою от Церкви, на себя пеняй!

— Страшен сон, да милостив Бог! Патриарх, небось, поумнее тебя! А теперь, отче, не вводи в грех, — ступай отселева, покуда я тебе худшего не сказал!

Исполненный негодования, Киприан уехал, а Дмитрий сейчас же вызвал из Чухломы находившегося там опального Пимена и, — как всегда в таких случаях выражались русские летописцы, — "принял его с любовию и честью на московскую митрополию".

Однако, как показало ближайшее будущее, Дмитрий Донской, не питавший к Пимену ни любви, ни уважения, предполагал оставить его во главе русской Церкви лишь временно, до посвящения в митрополиты иерарха более достойного. В поисках такового, Дмитрий Иванович обратился за советом к игумену Сергию Радонежскому, который без колебаний указал на суздальского архиепископа Дионисия, — человека строгой жизни, пользовавшегося на Руси всеобщим уважением.

Летом 1383 года Дионисий, с грамотой великого князя, отправился в Константинополь, дабы испросить у вселенского патриарха посвящение в митрополиты. Киприан, тоже находившийся в Константинополе и надеявшийся с помощью патриарха возвратиться на московскую митрополию, всячески противодействовал посвящению Дионисия, но в этом не преуспел: одряхлевшая Византийская империя клонилась к упадку и переживала трудные времена, пренебрегать желаниями главы крепнущего Русского государства она уже не могла и Дионисий получил от патриарха сан митрополита, с назначением в Москву, а Киприану была предоставле-

на киевская митрополия, которую он и раньше возглавлял.

Таким образом, все, как будто, складывалось согласно желаниям Дмитрия, но возможность этого, очевидно, была предусмотрена его противником: обратный путь митрополита Дионисия лежал через Киев, где его неожиданно приказал схватить киевский князь Владимир Ольгердович, друг и покровитель Киприана. Заявив что последний является единственным законным митрополитом всея Руси, — как Литовской, так и Московской, — и обвиняя Дионисия в намереньи внести раскол и смуту в православную Церковь, — он заточил его в Киеве, где этот иерарх умер в следующем году, будучи впоследствии причисленным к лику святых.

В силу этих событий, на московской митрополии остался Пимен. Но, под воздействием Киприана, патриарх вскоре вызвал его в Константинополь, где, защищая свои права и оправдываясь в возводимых на него обвинениях, Пимен вынужден был задержаться на три с половиной года. После этого, на короткое время он возвратился в Москву, но борьба против него продолжалась, вследствие чего вскоре он снова отправился в Константинополь где и умер несколько месяцев спустя. Почти одновременно скончался и великий князь Дмитрий Иванович Донской, а в следующем году, в сопровождении двух византийских митрополитов и целого сонма духовенства, в Москву прибыл Киприан и утвердился на русской митрополии.

С сыном и преемником Дмитрия, великим князем Василием Первым, он ладил и во главе русской церкви оставался до самой своей смерти, — более шестнадцати лет. Надо признать, что для ее устроения Киприан сделал немало: будучи человеком образованным, он оставил ряд ценных трудов духовного содержания и несколько хороших переводов; внёс много исправлений в русские богослужебные книги, положив этим начало огромному труду, который впоследствии завершил патриарх Никон. Но самое главное, — он сурово искоренял злоупотребления и неправды, которые до-

пускали некоторые епископы и игумены в церковном обиходе и в отношении к монастырским крестьянам, — чем восстановил к себе уважение русского народа, подорванное в прошлом.

Но свою нелюбовь к Дмитрию Донскому Киприан сохранил до самой смерти и следы этой нелюбви отчетливо заметны во многих документах и письменных памятниках эпохи.

ГЛАВА 26.

"Тое же зимы прииде посол в Москву именем князь Карач, от царя Тохтамыша к великому князю Дмитрею Ивановичю, еже о миру, с добрыми речами и с пожалованьем от царя. Князь же великий утешился мало от великия скорби и печали, и честь тохтамышеву послу воздаде велию и многими дары одари его".

Никоновская летопись.

После отъезда Киприана прошло два месяца. К наступлению сильных холодов работы по восстановлению Москвы были почти закончены, а те следы разрушений, которых еще не успела коснуться рука человека, замело толстым слоем снега. Город принял свой обычный зимний облик, — только лишь целиком выгоревший посад был теперь вполовину меньше прежнего, да редко, проходя московскими улицами, можно было услышать веселую песню или смех.

Хмур и печален был и великий князь Дмитрий Иванович. Его точили тяжелые думы.

"Не один уже раз Москва горела, — думал он, — из праха поднимать ее нам не впервой. Если бы только это! Горе же смертное в том, что Орда сызнова взяла над ними силу, — ужели же втуне полегли тысячи и тьмы русских людей на Куликовом поле? Ведь хан нас на том не оставит, что пограбил московские города: опять захочет моей покорности и повелит платить ему

десятину[1]), как некогда было положено... А что сделаешь, ежели после битвы с Мамаем да после нынешнего нашествия, Русь наполовину обезлюдела и всё в ней пришло в расстройство? И хотя изойдет душа слезами и кровью, а придется, как прежде, воздеть на себя татарское ярмо... Господи, коли нет иного исхода, хоть так по милости Своей сделай, чтобы не слишком тяжким было оно!"

Подавленный этими тяжелыми мыслями, Дмитрий ожидал послов из Орды. Чего потребует хан — победитель? Неизвестность томила пуще всего, но миновала осень, наступила зима, а вестей из Орды все не было.

Наконец, уже незадолго до Рождества, от заставы, стоявшей в десяти верстах, на Ордынской дороге, прискакал сын боярский Юрий Палицын и доложил: к Москве подъезжает ханский посол, а с ним человек двести нукеров и слуг.

— Ага, едут! — воскликнул великий князь, сразу ощутивший при этом известии и тревогу, и то деловитое спокойствие, которое приходило к нему в минуты опасности. — А где ты оставил тех татар?

— На заставе, великий государь. Стали они там на короткий роздых и надо-быть, через час либо полтора будут в Москве.

— А кто посол, тебе ведомо? — сам не зная почему, спросил Дмитрий. В сущности, это было ему безразлично: не все ли равно, кто из татарских вельмож объявит ему ханскую волю и потребует точного ее исполнения?

— Ведомо, княже, — ответил Палицын: — послом едет ордынский царевич, по имени Карач-мурза.

— Карач-мурза! — вскричал Дмитрий. — Да не ослышался ли ты, часом?

— Не ослышался, великий государь, и тому верь. Не токмо нукеры нам его имя сказали, но и на заставе нашей оказался один старый воин, который его при-

---

1) Десятина — дань или обложение в размере одной десятой части всех государственных доходов.

знал. Сказывает, в прежние годы уже видел его однажды послом на Руси.

— Слава Христу и Пресвятой Богородице! — перекрестился Дмитрий. — Не столь, значит и плохо наше дело, ежели его, а не кого иного хан прислал. Скачи сей же час в обрат, на заставу и по пути упреждай всех, чтобы ханскому послу и людям его ни в какой малости обиды либо бесчестья не было. Если кто при проезде посла шапки не скинет или худое слово татарам крикнет, с того велю голову снять! А ты, Мартос, — обратился князь к окольничему Погожеву, вошедшему вместе с гонцом, — немедля собери что ни больше бояр и боярских детей. Пусть приоденутся, как подобает, да выходят с тобою вместе к Фроловым воротам. Посла встречайте с великой честью, ровно бы самого царя встречали! Всех людей его на посольский двор, — да чтобы ни в чем у них нужды не было, — а царевича проси прямо сюда, во дворец.

***

Более пятнадцати лет прошло с того дня, когда князь Дмитрий и Карач-мурза в последний раз видели друг друга. И теперь, встретившись опять, каждый из них невольно подивился тому новому, что рука времени наложила на другого.

Карач-мурза, которому минуло уже сорок, внешне изменился мало. Он попрежнему был строен и моложав, только виски и небольшая холеная бородка чуть подернулись первым инеем седины, да синие глаза его стали, будто, темней и печальней. Он находился в той поре, когда не ушла еще сила молодости, но ею уже управляет мудрость прожитых лет.

Зато перемена, происшедшая во внешности Дмитрия, была разительной: перед Карач-мурзой, запомнившим его юношей, стоял теперь не в меру грузный, раздавшийся в ширь чернобородый мужчина, выглядевший много старше своих тридцати-трех лет. Лоб его, как опущенная стрела шлема, пересекала суровая, почти никогда не расходившаяся складка, темные глаза глядели из-под косматых бровей угрюмо и устало. Но сейчас, остановившись на лице Карач-мурзы, они вне-

запно потеплели, тяжелая складка на лбу разгладилась и густой голос князя прозвучал неподдельной лаской, когда он сказал:

— Иван Васильевич! Будь здрав, родной, еще на многие годы! И ежели по сей день ты мне остался другом, дозволь, без чинов, по-русски обнять тебя!

— Будь здрав и ты, Дмитрей Иванович и да продлит Аллах твою жизнь еще на сто лет, — ответил Карач-мурза, шагнув навстречу Дмитрию. — А в дружбе навеки я тебе поклялся на сабле и если бы такой клятве изменил, то недостоин был бы ходить по земле.

Они обнялись. Дмитрий троекратно расцеловал непривычно - неподатливого Карач - мурзу, последний, по татарскому обычаю, похлопал князя ладонями по спине и плечам. В рабочей горнице Дмитрия Ивановича, кроме них, никого не было.

— Вишь, как довелось нам встретиться, — промолвил Дмитрий, усаживая гостя за неширокий дубовый стол и садясь напротив. — Снова ты ко мне послом от великого хана... Только на сей раз дело-то мое, видать, будет похуже, чем тогда было.

— В жизни каждого человека бывают удачи и бывают неудачи, князь. Тебя сейчас постигла неудача. Но она еще не столь велика, как могла бы быть.

— Вестимо, было бы много хуже, если бы не тебя, а кого иного хан ко мне послом нарядил. С чем ты прислан, еще не знаю, но как сказали мне, что это ты едешь, — веришь, будто камень с души свалился!

— Великий хан сначала хотел послать другого. Но в это время я приехал из Самарканда и он послал меня, — промолвил Карач-мурза. Но он не сказал о том, что по выбору Тохтамыша, послом на Русь должен был ехать свирепый Адаш, с требованьем десятины и возвращения к тем порядкам, которые существовали при хане Узбеке. И если бы не смерть Рустема, за которую хан чувствовал свою вину перед Карач-мурзой, последнему едва ли удалось бы его убедить отказаться от столь жестоких требований.

— Стало быть, тебя не было в орде, когда она на Москву пошла? — спросил Дмитрий.

— Нет, князь. Великий хан Тохтамыш еще до этого отправил меня послом к Тимуру.

— Знаю, Иван Васильевич, тяжко было бы тебе идти с татарами против Руси и ты, поди, рад был тому, что хан тебя в другое место услал. Но я о том жалею, что тебя не было под Москвой: может, сумел бы ты смягчить жестокое сердце его и не погибло бы у нас столько невинных людей. Ведь он всех мужчин повелел в Москве вырезать, хотя город взял не с бою, а обманом: всем обещал свою милость и тому поверив, москвичи ему сами ворота отворили.

— Я отговаривал великого хана от этого похода, князь, но наверное не сумел найти те слова, которые были нужны, чтобы убедить его, — сказал Карач-мурза. Как подчиненный и посол Тохтамыша, он считал неудобным говорить о нем с осуждением. Но подумав, что упрек Дмитрия в какой-то мере относится и к нему самому, добавил:

— Если я виноват в том, что не сумел отговорить великого хана, то Аллах уже наказал меня за это: здесь, под Москвой, я потерял своего старшего сына.

— Неужто наши в сече убили? — спросил Дмитрий. — Скорблю о том вместе с тобой, Иван Васильевич. Но что сделаешь? Такова война. И не мы ее начали, а лишь оборонялись.

— Его не в сече убили, князь, — сказал Карач-мурза и голос его слегка изменился: — он подъехал к воротам, как посол великого хана, и один из стоявших на стене воинов застрелил его.

— Так это сын твой был? — воскликнул Дмитрий. — Сказывали мне про тот случай. Вовсе оно неладо получилось, что грех таить! Своих в этом деле обелять не стану, но ты и то учти, что не войско Москву обороняло, а смерды да торговый люд, — ни порядка ни начальства у них настоящего не было. Верь, Иван Васильевич, душевно о том сокрушаюсь, но сделанного не воротишь. И ты нам тот грех прости, ибо Москва заплатила за него дорогой ценой: две с половиной тьмы людей было в ней перебито по повелению вашего хана.

— Я в том никого не виню, Дмитрей Иванович, — грустно промолвил Карач-мурза. — Такова была воля Аллаха. Я говорил Рустему... Но лучше не будем больше вспоминать об этом.

— А есть у тебя еще дети? — помолчав спросил Дмитрий.

— Остался еще один сын. Он не захотел идти в этот поход.

— Вижу и радуюсь, Иван Васильевич: и в тебе и в семени твоем сильна еще русская кровь. Ведь мне святитель наш Алексей, незадолго до кончины своей, открыл кто ты таков.

— Я обещал ему всегда оставаться другом Руси, князь. И я стараюсь блюсти свое обещание как возможно лучше.

— Кому и знать это, как не мне, Иван Васильевич! Думаешь, забыл я то время, когда ты в Сарае правил и ворога моего Мамая ровно на привязи держал? Или как пособил ты мне с Тверским-то князем? И не раз, а дважды: без того упреждения, что ты мне прислал из Сарая, — когда он с Мамаевым ярлыком ко Владимиру шел, — вовсе бы я врасплох попал. Спаси тебя Господь за твою великую помощь, а я ее до смерти не забуду!

— Твои слова наполняют мое сердце радостью, князь. И я надеюсь, что Аллах пошлет мне еще другие случаи быть тебе полезным.

Собеседники помолчали. Дмитрию Ивановичу хотелось поскорее узнать — чего требует от него хан Тохтамыш, однако, достоинство русского государя не позволяло ему обнаруживать свое нетерпение и он ждал, когда о том заговорит сам посол. Но Карач-мурза, видя что эта встреча с Московским князем носит частный характер, к делу не приступал и, наконец, Дмитрий не выдержал:

— В начале беседы нашей, Иван Васильевич, молвил ты, что дело мое с Ордою не столь и скверно, как могло быть. Жду, что ты мне больше о том скажешь, но прежде от себя скажу: наихудшее тогда было бы, ежели бы у хана Тохтамыша не достало мудрости ура-

зуметь, что теперь уже не можно всё повернуть к прежнему, как, скажем, при Батые было. Русь не та и Орда не та. И прямо тебе говорю: на такое я никогда не пойду, хотя бы он мне новою войной грозил.Не зря положили мы тьмы русских жизней на Куликовом поле.

— Великий хан это понял, Дмитрей Иванович, и он такого от тебя не требует. Он лишь хочет, чтобы ты перед другими признавал его верховную власть и в знак того платил бы Орде хоть малую дань. На том предлагает он тебе свою дружбу, вечный мир и помощь супротив врагов твоих; обещает, что татарские орды боле вторгаться в русские земли не будут, и в управлении Русью дает тебе полную волю.

— А ярлык на Владимирский стол снова станет он давать по своему хотению тому князю, который лучше ему потрафит или дороже заплатит?

— Владимирское княжество великий хан согласен считать твоею наследственной вотчиной и великое княжение над Русью он навеки закрепит в твоем роду.

— Так... Ну, а какую же дань хочет он с нас брать?

— Я тебе сразу скажу, князь, то самое малое, на что великий хан согласится: пять тысяч рублей в год[1]).

— Всего только? — вырвалось у Дмитрия. — Ну, Иван Васильевич, друг бесценный, и в этом вижу я твою руку! Не найду слов благодарить тебя! Даже когда сказал ты, что дело мое не слишком плохо, и тогда ожидал я много худшего.

— Я жалею, что не получилось совсем хорошо, Дмитрей Иванович. Но это еще будет! У нас говорят: когда есть много иголок, из них можно сделать молот, а имея молот, можно построить дом. Из своих иголок ты уже выковал молот и начал строить. Пусть одна стена сейчас обвалилась, это ничего, — молот остался в твоих руках и ты дом достроишь!

— Даст Господь, дострою, а не я — дети мои достроят. Но все же горько, что обвалилась стена-то... Как-раз в новом доме пожить разохотился и своими

[1]) Пять тысяч рублей того времени были равноценны приблизительно пятистам тысячам рублей начала двадцатого столетия.

глазами увидеть дел своих завершение. Ну, да что сетовать, — выше себя не прыгнешь! Однако, ежели хан свои обещания станет блюсти, уже и то много. И умирая скажу, что не втуне моя жизнь прошла.

— Великий хан Тохтамыш будет блюсти свои обещания, князь. Ему надо жить с тобою в мире потому, что у него есть очень сильные враги, борьба с которыми будет долгой и трудной. У тебя будет время для того, чтобы окрепнуть и сделаться сильней, чем прежде.

— Ну, давай Бог, чтобы так все и было. А тебе, Иван Васильевич, еще раз великое мое спасибо. Вестимо, ныне мы беседовали как два друга и два русских князя, а как посла ханского я тебя, дня через три, когда приготовимся, буду принимать на людях и с великою честью, как Русь еще ни одного посла ордынского не принимала.

— Я доведу об этом великому хану, Дмитрей Иванович, и хан будет доволен.

— Э, да что там хан! Он пускай думает, что это ему такая честь воздаётся, а ты знай другое: тебе она, вся эта честь, тебе — другу моему и другу Руси! Эх, жаль святителя нашего Алексея нету больше с нами, то-то он рад был бы тебя увидеть... Да погоди! — спохватился Дмитрий, — совсем было запамятовал: незадолго до смерти своей, оставил он мне для тебя одну грамоту. Я еще спросил тогда, — надо ли ее тебе в Орду переслать? — Нет, говорит, Иван Васильевич сам в Москву приедет, тогда и отдашь ему. Великий был провидец святитель наш, царствие ему небесное...

С этими словами Дмитрий встал, поискал недолго на полке, в углу, — где, среди других вещей, лежало у него несколько книг и рукописей, — и возвратившись к столу, протянул Карач-мурзе небольшой свиток побуревшего от времени пергамента.

— Поди, знаешь, что это такое? — спросил он, пока ханский посол развязывал плетенный шнур, которым была перевязана рукопись.

— Еще не знаю, князь, — ответил Карач-мурза, развернув свиток и с трудом разбирая выцветшие, на-

писанные сплошняком[1]) слова: — "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа: се яз, раб Божий Мстислав, во святом крещении Михайло, княж-Михайлов сын и князь земли Карачевской... — Да это, никак, грамота духовная прадеда моего, великого князя Мстислава Михайловича, когда-то украденная у моего отца! — воскликнул он, опуская рукопись и подняв изумленные глаза на Дмитрия.

— Она и есть, — подтвердил князь. — Но ты дальше читай!

— ..."Старшому сыну моему Святославу княжить в Карачевской земле, — читал Карач-мурза, мельком пробегая несущественное и останавливаясь на главном, — ...А коль преставится сын Святослав, то на большом княжении в Карачеве сидеть старшому его, Святослава, сыну. А коли сынов ему Бог не даст, то сидеть на большом княжении старшому по нем брату, князю Пантелеймону, а по смерти его, паки старшому его, Пантелеймона, сыну. И тако наследие наше во потомстве держать, а молодшим по роду князьям большого князя всегда чтить в отца место и из воли его не выходить. А большому князю молодших не обижать и межь собою жить дружно, как повелел Господь, чужого не искать и усобиц не заводить, а кто заведёт, того большой князь казнить волен... Аще же кто волю мою в том порушит, да падет на того мое проклятие во веки и пусть не со мною одним, а со всем родом нашим готовится стать перед Богом".

— Теперь разумеешь? — спросил Дмитрий, когда Карач-мурза кончил читать. — С этою грамотой ныне ты перед законом Карачевский князь, ибо она утверждает род отца твоего на княжении и показует, что стол у него отнят был воровством и обманом.

— Закон одно, а сила другое, Дмитрей Иванович. Пускай княжить в Карачеве и мне надлежит, а сидит там крепко воровской князь. И литовский государь

[1]) В то время писали без всяких знаков препинания и не отделяя слов друг от друга, сплошной строкой.

его, своего зятя, не даст в обиду, хотя я ему и десять грамот покажу.

— Сегодня оно так, а завтра может по иному быть. И будет по иному! Думаешь, долго еще оставлю я под Литвою наши русские земли? Если хан меня теперь не обманет и Орда больше Москву тревожить не будет, мне много годов не понадобится, чтобы снова войти в полную силу. И тогда, допрежь всего, отберу у Ягайлы Черниговщину, а отобравши никого иного, — тебя посажу туда князем! Мало того, что друг ты мне верный, но ведь тебе и по роду и по месту княжить там надлежит. А коли Бог мне столько жизни не даст и я того сделать не успею, — сын мой сделает. Тому верь!

— Я верю, князь, и на добром слове тебе спасибо. Тоже и ты мне верь: коли сбудется все, как ты говоришь, — Черниговский князь будет Московскому первым слугою и с Тверским либо с Рязанским одной дорогою не пойдет.

— Знаю, Иван Васильевич, и потому сугубо о праве твоем порадею. Ты же пока храни свою грамоту как зеницу ока.

— Буду хранить, Дмитрей Иванович. А вот, к слову, — не сказывал ли тебе митрополит Алексей, где была эта грамота и как он нашел ее?

— Сказывал. Была она в Покровском звенигородском монастыре и святитель наш, когда, — годов тому пять, — лежал тут раненный князь Федор Андреевич, через него и добыл ее.

— А князь Федор Андреевич добром ее отдал?

— Вестимо, добром! Ведь он было вовсе ослеп от татарской сабли, а владыка Алексей своею святой молитвой ему исцеление вымолил.

— Да воздаст великий Аллах этому святому и мудрому старцу по делам его и да приблизит его навеки к своему престолу!

— Аминь. Только уж не Аллах, а Бог пусть его приблизит!

— Бог един, княже. И не суди, что называю Его Аллахом: привык.

— Что ты, Иван Васильевич! То я не в осуждение,

а в шутку сказал. Бог, вестимо, один, но апостолы и пророки разных народов волю Его толкуют всяк по своему. Только кому же в том и верить, как не Сыну Его единородному, Господу Иисусу Христу, который волю Отца Своего доподлинно знал? И тебе эту истинную веру христианскую всё одно придется принять, коли будешь ты в русских землях княжить. А, может и раньше того хочешь Орду оставить? Я тебе как прежде говорил, так и ныне говорю: рад буду коли перейдешь ты ко мне в службу и превыше всех своих бояр тебя поставлю.

— Спаси тебя Алл... Господь, Дмитрей Иванович, за ласку твою и за уважение, — чуть помолчав ответил Карач-мурза. — И рад бы служить тебе здесь, в Москве, да ведь сам ты знаешь как сложилась моя судьба и как в жизни моей всё переплелось... Вот ты мне друг и за Русь у меня сердце болит, — тут бы мне, кажись и остаться. Но, может, ты того не ведаешь, что хан Тохтамыш мне брат двоюродный. Мы с ним с колыбели вместе росли, мать моя не раз кормила его своей грудью, а его мать — меня. Выросши, во многих битвах сражались мы бок о бок, а однажды было, что жизни своей не жалея, спас он меня от страшной смерти. Ну, как мне его теперь оставить, покуда я ему надобен?

— Понимаю тебя, Иван Васильевич и не сужу, ибо вижу, что не корысть твоими действами правит, а токмо лишь честное сердце твое. Ну что же, если так, оставайся пока в Орде. Ты и там находясь, Руси послужил уже немало и еще больше того послужить можешь, коли столь близок ты к великому хану.

— Это истина, князь. Хан Тохтамыш не очень любит слушать советы и он упрям. Но мне он верит больше, чем другим и я могу иногда повлиять на него. Если Москве будет угрожать опасность или другие русские князья захотят очернить тебя перед великим ханом, я сделаю всё, чтобы помочь тебе.

— В том у меня нет сумнения, Иван Васильевич, а потому мне только и остается молить Бога, чтобы

ты всегда был в милости у хана. А бесценных услуг твоих я никогда не забуду, как и Русь их не позабудет!

**
*

Три дня спустя, в приемной палате кремлевского дворца, великий князь Дмитрий Иванович, окруженный своими боярами и высшим духовенством, торжественно принимал ханского посла.

На этом приеме были оглашены условия мира и основы новых отношений Руси и Орды, тут же принятые Дмитрием. И если усилия всей его жизни так и не привели к полному освобождению Руси от татарского владычества, то все же зависимость от Орды была теперь сведена к уплате незначительной дани, и в этой, уже мало ощутительной форме, она просуществовала еще сто лет.

После великого пиршества, которым завершилось соглашение, осыпанный подарками и обласканный Дмитрием, Карач-мурза отбыл в Орду, увозя с собою дары великому хану Тохтамышу от Московского князя и государя всея Руси.

Вскоре хану была отправлена и дань. Летописи отмечают, что для того, чтобы собрать нужные для этого пять тысяч рублей, князь Дмитрий Донской, — казна которого была пуста после грозных событий последних лет, — взымал с каждой русской деревни по полтине. И при этом, — как можно судить по некоторым косвенным данным, — он собрал много больше того, что нужно было на уплату дани. Это дает наглядное представление о количестве деревень на Московской Руси того времени.

ГЛАВА 27.

"В лето 6897, месяца маия в 19 день, на память святого мученика Патрекея, преставися благоверный и христолюбивый и благородный князь великый Дмитрей Ивановичь Московский. И положиша его в церкви святого архаангела Михаила, идеже есть гроб отца его и деда и прадеда, и плакаша над ним князи и бояре и вельможи, епископы, игумены и попове и черноризцы, и весь народ от мала и до велика, и несть на Руси такого, кто бы не плакал".

Троицкая летопись.

Тяжкими для Москвы событиями 1382 года, сильно подорвавшими могущество Дмитрия Донского, сейчас же попытались воспользоваться все те русские князья, которые по значению своему могли претендовать на главенство. Полагая, что Дмитрий не пользуется расположением хана Тохтамыша и что оттягать у него великое княжение над Русью будет не трудно, — весною следующего года в Сарай почти одновременно явились князья: Михайла Александрович Тверской, с сыном Александром, Семен Дмитриевич Суздальско-Нижегородский, присланный своим умирающим отцом, и Борис Константинович Городецкий. Все они привезли хану богатые подарки и каждый домогался ярлыка на великое княжение. Узнав об этом, Дмитрий Иванович тоже прислал в Орду своего старшего сына Василия, дабы он защищал права и интересы Москвы.

Но в этом надобности не было: у Московского князя был здесь более надежный защитник. Тохтамыш благосклонно принял дары русских князей, но обещания, данного Дмитрию Донскому, не нарушил и великое княжение оставил за ним. Князь Борис Городецкий получил ярлык на Нижний Новгород, — вместо умершего в это время брата своего, Дмитрия Константиновича, — а сыну последнего, Семену, хан оставил лишь Суздаль. Тверской князь просидел в Сарае еще полгода, раздавая подарки приближенным Тохтамыша и не теряя надежды с их помощью выправить себе ярлык на Владимирское княжество или, хотя бы, на-

местничество над Великим Новгородом. Но не преуспев ни в том, ни в другом, зимою он возвратился в Тверь.

Отпустив с миром всех тяжущихся русских нязей, но желая себе обеспечить их повиновение, Тахтамыш оставил в Орде заложниками их сыновей: Василия Московского, Александра Тверского, Ивана Городецкого и Родослава Рязанского, которого отец его, Олег Иванович, тоже прислал по какому-то делу в Сарай. Василий Суздальско-Нижегородский был задержан еще раньше, после похода на Русь.

Всем этим молодым князьям пришлось просидеть в Орде довольно долго. Первому удалось бежать, два года спустя, Василию Дмитриевичу Московскому, в чем помогли ему ордынские друзья. Отмечая это, русские летописи не называют имен этих друзей, но трудно сомневаться в том, что среди них первое место занимал Карач-мурза.

Годом позже, бежал Василий Суздальский, но был пойман и "прия за то от татар великую истому". Отпустил его Тохтамыш только в 1388 году. Третьим был Родослав Ольгович: побег его увенчался успехом, но Рязанское княжество было за это наказано опустошительным нашествием татар. Александра Тверского в конце концов выкупил из Орды его отец.

Тохтамыш, которому нужно было развязать себе руки для предстоящей борьбы с Тимуром, слово данное Дмитрию держал и Московскую землю больше ничем не тревожил, а потому последние годы княжения Дмитрия Донского прошли сравнительно спокойно. Но все же ему пришлось вести еще две войны: с Рязанью и с Великим Новгородом.

В 1385 году рязанцы внезапно напали на Коломну. Захватив город, они его разграбили, убили московского наместника, — князя Александра Андреевича Полоцкого — и увели множество пленных.

Дмитрий Иванович, ввиду наступившего успокоения, большого войска в ту пору не держал и мог выставить против Рязани лишь небольшую рать, под начальством Владимира Серпуховского. Но князь Олег

Иванович, давно ожидавший случая поквитаться с Москвой, был хорошо подготовлен и в первом же столкновении разбил москвичей, которые потеряли много воинов и лучших воевод. Война продолжалась, но складывалась она явно неудачно для Москвы и только благодаря посредничеству игумена Сергия Радонежского, сумевшего склонить Рязанского князя к миру, — ее удалось закончить в ничью. Между Москвой и Рязанью был подписан вечный мир, вскоре закрепленный женитьбой княжича Федора Ольговича на дочери Дмитрия — Софье.

Но все же следствием этой войны явилось значительное усиление Рязани в ближайшие годы. Олег Иванович начал действовать более смело, полностью подчинил себе Пронск и Муром, присоединил к великому княжеству Рязанскому Елецкий удел, — отошедший от Карачевского княжества после захвата его Ольгердом, — и даже стал открыто распоряжаться в Козельске, хотя последний еще числился за Литвой. Ему же в это время принадлежала и вся Тульская область.

В 1386 году новгородская вольница, — одиннадцать лет ничем себя не проявлявшая после страшного урока, полученного от астраханского князя Салачи, — снова появилась на реках, в московских владениях, грабя и опустошая все на своем пути. Чтобы навсегда покончить с этим злом, от которого извечно страдали мирные русские города и торговые караваны на Волге, — Дмитрий Иванович на этот раз решил сурово наказать новгородцев, которые, к тому же, всячески отлынивали от уплаты Москве податей и пошлин, установленных прежними соглашениями.

Зимою того же года, московское войско, возглавляемое самим великим князем, вступило в новгородские земли, захватывая города и уводя жителей в плен. С новгородскими послами, дважды выезжавшими ему навстречу, Дмитрий вступить в переговоры не пожелал и подошел к самому Новгороду, основательно опустошив его окрестности. Только тут, вышедшему из города духовенству и выборным новгородским людям удалось смягчить сердце Московского князя и добиться

прекращения военных действий. Обязав Новгород уплатить все недоимки и решительно пресечь грабительские походы ушкуйников, взяв с него большой откуп и посадив в городе своего наместника, Дмитрий Иванович вывел войско из Новгородской земли.

В начале восьмидесятых годов улучшились отношения Москвы с Литвой, — вернее, последняя осознала невозможность следовать по пути их дальнейшего обострения.

Князь Ягайло, бывший союзником Мамая и рассчитывавший с его помощью значительно расширить свои владения на Руси, — после победы Дмитрия на Куликовом поле, очутился в тяжелом положении: теперь ему приходилось думать не о новых захватах, а о том, как бы не потерять и те русские земли, которые были захвачены его отцом и дедом. Ставка его на татар не только оказалась битой, но и обернулась против него же, тем более что с воцарением Тахтамыша, ему самому пришлось попасть в некоторую зависимость от Орды: под угрозой татарского нашествия на Литву, он вынужден был признать верховную власть великого хана и согласиться на уплату ему дани с тех отошедших к Литве русских княжеств, которые прежде были татарскими данниками.

Положение Ягайлы осложнялось тем, что на Литве не прекращались смуты, грозившие ему потерей престола. Главным его соперником был старый князь Кейстут, — брат Ольгерда, человек прямой и благородный, пользовавшийся за эти качества всеобщей любовью.

Уважая волю покойного брата, — он вначале терпел над собою власть племянника, хотя не любил и презирал его за низменные свойства характера. Но когда в 1381 году Ягайло вздумал силою посадить своего брата Скиргайлу на княжение в Полоцке, где княжил тогда сын Кейстута — и призвал для этого на помощь Тевтонских рыцарей, с которыми Кейстут всю жизнь воевал, — последний не выдержал: он со своим войском двинулся на Вильну, взял город приступом и

захватил Ягайлу в плен. Но обошелся с племянником, на свое горе, милостиво: провозгласив себя великим князем литовским, дал ему во владение княжества Витебское и Кревское. Ягайло присягнул на верность Кейстуту, поклялся никогда не оспаривать у него верховную власть и отправился в Витебск.

Год спустя, воспользовавшись тем, что Кейстут ушел в какой-то поход, Ягайло, — снова в союзе с Тевтонским Орденом, — напал на Вильну и овладел ею. Узнав об этом, Кейстут, вместе со своим сыном Витовтом, подступил к столице во главе большого войска. Но Ягайло, не надеясь победить соперника в честном бою, пустил в ход коварство: он обратился к Витовту, с которым прежде был дружен, прося его быть посредником между ним и Кейстутом и помирить их. Когда Витовт на это согласился, он пригласил его приехать, вместе с отцом, на переговоры, торжественно поклявшись, что с ними не случится ничего дурного. Поверив этой клятве, оба явились в Вильну и были немедленно схвачены. Их заточили в замке Крево, где Кейстут через несколько дней был задушен, а Витовта держали под крепкой стражей.

Вскоре, по приказанию Ягайлы была отравлена жена Кейстута. Такая же участь ожидала, вероятно и Витовта, но ему удалось перехитрить своих тюремщиков: притворяясь тяжело больным и покорным, он добился разрешения на то, чтобы его посещала жена и несколько дней спустя, бежал вместе с нею, переодевшись в платье одной из ее служанок. Последняя поплатилась за это жизнью, но Витовт добрался благополучно до Пруссии и различными обещаниями склонив на свою сторону магистра Тевтонского Ордена, Конрада Польнера, — вместе с ним начал войну против Ягайлы.

Борьба, с переменным успехом, продолжалась два года, причем выигрывали на ней только Тевтонские рыцари, грабившие страну и постепенно захватывавшие литовские города. Чтобы избавиться от них, враждующие князья пошли, наконец, на мировую: Витовт

признал верховную власть Ягайлы и за это получил во владение обширный удел, включающий города: Гродно, Брест, Дорогочин, Каменец, Бельск, Волковысск и другие.

Но едва миновала опасность со стороны Витовта, — против Ягайлы восстали князья Андрей Полоцкий и Святослав Смоленский.

Находясь в такой сложной и трудной обстановке, Ягайло волей-неволей должен был ладить с Московским князем, война с которым в эту пору была бы для него гибельной. Многие литовские магнаты, тяготевшие к Руси, толкали его на сближение и союз с Москвой, видя в этом единственное спасение от внутренних неурядиц и от постоянных нападений Тевтонского Ордена. Был даже выдвинут проект женитьбы его на дочери Дмитрия Донского, Софье, — чего особенно желала мать Ягайлы, княгиня Ульяна Александровна, русская по рождению[1]). Намечалась русско-литовская государственная уния, которая для значительно обрусевшей и по преимуществу православной Литвы была бы, конечно, выгодной. Но Москва ставила непременным условием сохранение верховной власти за великим князем Дмитрием Ивановичем и это не нравилось честолюбивому Ягайле. Возможно, что непрочность его собственного положения все же заставила бы его на это пойти, если бы ему неожиданно не представился более выгодный случай: польский сейм предложил ему руку Ядвиги, — дочери короля Людовика, незадолго до того умершего и не оставившего сыновей.

На брак с Ядвигой, провозглашенной королевой Польши, было несколько других претендентов, одного из которых, — герцога Вильгельма Австрийского, — она любила и даже, по некоторым данным, упела тайно обвенчаться с ним. Но распоряжавшаяся в Польше шляхта с этим не посчиталась и остановила свой выбор на Ягайле: объединение с Литвою, прежде всего, давало Польше ту живую силу, которой не хватало ей

1) Ульяна Александровна, вторая жена Ольгерда Литовского, была сестрой великого князя Михаила Тверского.

для успешной борьбы с Тевтонским Орденом, а во-вторых, обеспечивало ей господствующее положение в этом объединенном государстве, открывая перед польской шляхтой богатые возможности захвата украинских и белорусских земель, а перед католическим духовенством — широкое поле деятельности по окатоличиванью православно-языческой Литвы.

Ядвигу уговорили согласиться на этот брак, представив его как подвиг, которого от нее требуют интересы католической церкви, а Ягайле, вместе с рукой Ядвиги, предложили польскую корону, но поставили два основных условия: во-первых, принять католичество и способствовать обращению в католическую веру всех его подданных, а во-вторых, — объединить Литву с Польшей в одно государство и присягнуть в том, что он будет ревностным защитником интересов Польши в борьбе с внешними врагами и приложит все усилия для возвращения отторгнутых Тевтонским Орденом польских земель.

Ягайло эти условия принял. Он перешел в католичество с именем Владислава[1]), в 1386 году обвенчался с Ядвигой и был провозглашен королем Польши, сохраняя в то же время титул великого князя Литовского.

Это событие пагубно отразилось на судьбе всего Западного края: польские шляхта и духовенство заняли в нем господствующее положение, началось насильственное окатоличиванье и преследованье инаковерных. Уже год спустя, король Ягайло объявил "хартию вольности и прав" тем литовским и русским дворянам, которые переходили в католичество, и издал ряд законов, ущемляющих права православных. Что же касается простого народа, то он вообще был лишен каких-либо прав и всецело попадал в зависимость от произвола шляхты, своей и польской.

Все это вызвало в литовских землях волну недовольства, вскоре принявшего форму вооруженной борьбы, которую возглавлял сначала князь Андрей Ольгердович Полоцкий, а потом Витовт. Последний, — хотя

---

[1]) Православное его имя было Яков.

и принял католичество, — поляков не любил и оставался горячим поборником самостоятельности Литовского княжества. При помощи Тевтонского Ордена и при поддержке коренного населения Литвы, он в 1392 году добился того, что Ягайло назначил его пожизненным правителем литовских земель, в качестве своего наместника. Но сам Витовт очень скоро начал себя именовать великим князем Литовским и распоряжался в Литве почти самостоятельно. Однако, польские порядки и католичество, хотя и медленно, продолжали здесь укореняться, что привело в дальнейшем к бесчисленным народным восстаниям и к известной церковной унии.

Таково было общее политическое положение Руси и ее ближайших соседей к 1389-му году, когда в расцвете жизни, не достигнув и сорокалетнего возраста, умер великий князь Московский, Дмитрий Иванович. Свела его в могилу, очевидно, болезнь сердца. Летопись отмечает, что Дмитрий был "телом велик, широк и плечист, чреват вельми и тяжел собою зело". Далее летописец повествует, что "по весне разболеся великий князь внезапу и тяжко ему вельми быше, а потом полегчало и возрадовашеся вси люди о сем. И паки тогды в большую болезнь впаде и стенания поступи к сердцу ему и уже приближися конец жития его". Все это похоже на два сердечных удара, второй из которых оказался для князя роковым.

Он оставил после себя шестерых сыновей и три дочери. Старшему из его детей — Василию, в ту пору едва исполнилось двадцать лет, младший, Константин, родился за четыре дня до смерти отца.

До нас дошло завещание Дмитрия Донского, которое особенно интересно как показатель его отношения к своим помощникам и сотрудникам — боярам. Трудно допустить, что ему просто посчастливилось в их подборе или что в его время боярство было не таким, как до него и после него. Общий патриотический подъем, присущий его эпохе, в какой-то мере распространялся, конечно, на всех. Но несомненно и то, что Дмитрий умел сотрудничать и ладить со своими боя-

рами, как ни один другой русский государь, и обладал качествами, которые заставляли этих бояр служить ему не за страх, а за совесть. В своем предсмертном обращении к боярам, он говорит:

> ..."С вами яз царствовах и Русскую землю держах, с вами противнику бех страшен во бранех, поганых с Божией помощью посрамих и врагов покорих себе. С вами грады держах и великие волости, с вами великое княжение свое зело укрепих и мир сотворих на Руси. Вас же и чад ваших в любви и чести имех и не бояре вы у мене быше, но князи земли моей. Ныне же вспомните словеса ваши, еже ко мне рекли: "должны есмы служить тобе и детям твоим и главы свои за вас положити". И укрепитеся ныне в том и мир Господен да будет с вами".

Далее, Дмитрий обращается к сыновьям своим с такими словами:

> "Бога бойтесь и мир да любовь держите межу собой. Творите всё с рассуждением и с вопрошением матери вашей, бояр же своих любите и честь им достойную воздавайте, без думы же их ничто не творите. Приветливы будете ко всем служащим вам и умножится тогда слава державы вашей и врази падут под ногами вашими, и облегчится тягота вашей земли".

И очевидно не столько в требовательности, как именно в той отеческой простоте и приветливости к людям, которую Дмитрий завещал и своим преемникам, заключался секрет того, что все окружающие старались служить ему не кривя душой и не жалея себя.

Старшему своему сыну Василию, как прямому и неоспоримому наследнику, Дмитрий передал "великое княжение и Русскую землю", не испрашивая на то предварительного согласия хана, как было принято раньше. И Тохтамыш, соблюдая свое обещание, утвердил волю Дмитрия присланным Василию ярлыком.

Остальным своим сыновьям Дмитрий Иванович вы-

делил сравнительно небольшие уделы и обязал их подчинением старшему брату — "великому государю всея Руси", — предопределив этим дальнейшую централизацию верховной власти, сто лет спустя приведшую к полному единодержавию. В заключение, он завещал сыновьям стремиться к окончательному освобождению Русской земли от власти Орды.

***

Со смертью Дмитрия Донского закончилась одна из самых замечательных глав, вписанных историей в книгу судьбы Российского государства. Годы его княжения и самая жизнь его, насыщенная трудом и подвигом во имя Русской Земли, предопределили весь дальнейший ход нашей истории и послужили основой того грандиозного здания, которое на этом фундаменте выросло. И если его преемники, великие князья и цари Московские, — ни один из которых уже не обладал всею совокупностью присущих ему качеств, — удачно довели это здание до крыши, то главная их заслуга в том, что они сумели хорошо распорядиться наследием, которое оставил им Дмитрий.

Значение личности в ходе истории принято теперь отрицать. Но все же стоит себе представить, — как бы сложилась история Московской Руси, если бы в те насыщенные грозою, судьбоносные годы, на месте Дмитрия оказался, например, его отец Иван Кроткий? А на месте митрополита Алексея — митрополит Киприан?

Если в известной степени Дмитрий явился личностью, выдвинутой "законом исторической необходимости", своего рода порождением эпохи, то в еще большей мере он был ее творцом и вдохновителем того патриотического подъема, который эту эпоху характеризует. Использовав этот подъем, он привел Русь к победе над татарами. Но прежде того, он одержал еще более важную победу: он победил страх русского народа перед Ордой, и победил его, главным образом, своим личным примером.

Наша официальная историческая наука, признавая неоценимые заслуги Дмитрия Донского, все же, — в

силу причин, о которых уже говорилось[1]), — не воздала ему должного в полной мере. И едва ли хоть один из русских монархов более чем он заслуживает наречения великим.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

***

Вторую книгу романа "БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ", которою будет полностью закончена историческая трилогия "Р У С Ь И О Р Д А", автор предполагает издать в следующем году.

***

---

1) См. предисловие к роману того же автора "Карач-мурза".

РОДОСЛОВНАЯ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ.

Р Ю Р И К – Ефанда, дочь норвежского конунга.
Князь Новгородский (862 – 879 гг.)
Он, по наиболее достоверным данным, является внуком новгородского князя Гостомысла, от его дочери Умилы.

ИГОРЬ – Св. Ольга.
Кн. Киевский и Новгородский (+945)

СВЯТОСЛАВ – Малуша.
В. кн. Киевский и всея Руси (+ 972)

ВЛАДИМИР Св. – кн-на Рогнеда Полоцкая.
В. кн. Киевский и всея Руси (+1015)

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ – кор-на Ингрид Шведская.
В. кн. Киевский и всея Руси (+1054)

СВЯТОСЛАВ – герц. София-Ода Трирская.
Кн. Черниговский и в. кн. Киевский. (+1076)

от него князья:
Черниговские
Тмутороканские
Новг.-Северские
Рязанские
Муромские
Пронские.

ВСЕВОЛОД – Зоя, дочь византийского импер. Константина Мономаха.
Вел. кн. Киевский (+1093)

ВЛАДИМИР МОНОМАХ – Гита, дочь английского короля Гарольда 2.
Вел. кн. Киевский (+1125)

МСТИСЛАВ (+1132)
Христиана, королевна Шведская.
В. кн. Киевский.

ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ (+1157)
1. Дочь половецк. хана Аэпы.
2. Пр-са Елена византийская.
В. кн. Суздальский.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ
В. кн. Суздальский. (+1175)

ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО (+1212)
1. Осетинская к-на Мария.
2. К-на Анна Васил. Витебская.
Вел. кн. Суздальский и Владимирский.

КОНСТАНТИН (+1219)
Кн. Ростовский

от него князья:
Ростовские
Ярославские
Белозерские
Угличские.

ЮРИЙ (+1236)
В. князь Владимирский

ЯРОСЛАВ (+1246)
1. Половецкая к-на
2. К-на Торопецкая
В. князь Владимирский.

ИВАН (+1247)
князь Стародубский.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ (+1263)
1. К-на Александра Брячеславна Полоцкая.
2. Кн. Васса (?)
В. кн. Владимирский.

ЯРОСЛАВ (+1272)
Кн. Тверской и вел. князь Владимирский.

от него:
В. князья Тверские.

ВАСИЛИЙ (+1271)
Кн. Новгородский

ДМИТРИЙ (+1294)
Кн. Переяславский

АНДРЕЙ (+1304)
Кн. Городецкий

от него кн-я:
Суздальские
Нижегородские
Городецкие.

ДАНИИЛ (+1303)
К-на Ярославская.
Первый князь МОСКОВСКИЙ.

См. след. стран.

Продолжение:

ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Князь Московский.

ЮРИЙ (+1325)
1. К-на Ростовская
2. Кончака - Агафья, сестра вел. хана Узбека.
Вел. кн. Владимирский и Московский.

ИВАН КАЛИТА (+1341)
Кн. Елена (?)
В.кн. Владимирский и Московский.

СИМЕОН ГОРДЫЙ (+1353)
В.кн. Московский и Владимирский.

ИВАН 2, КРОТКИЙ (+1359)
Кн.Феодосия Дмитриевна Брянская.
В.кн. Московский и Владимирский.

АНДРЕЙ(+1353)
князь Серпуховский.

ВЛАДИМИР ХРАБРЫЙ
Серпуховский.

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ (+1389)
Кн. Евдокия Дмитриевна Суздальская.
Вел. кн. Московский и всея Руси.

АННА
Кн. Дмитрий М. Боброк-Волынский

ВАСИЛИЙ 1. (+1425)
Кн. Софья Витовтовна Литовская.

ВАСИЛИЙ 2, ТЕМНЫЙ (+1462)
Кн. Мария Ярославна Боровская.

ИВАН 3. (+1505)
1.К-на Мария Борисовна Тверская.
2.Пр-сса Зоя-Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора Константина 12.

ВАСИЛИЙ 3. (+1534)
1. Соломония Юрьевна Сабурова.
2. К-на Елена Васильевна Глинская.

ИВАН 4, ГРОЗНЫЙ (+1584)
1. Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева
2. К-на Мария Темрюковна Черкасская
3. Мария Васильевна Собакина
4. Анна Алексеевна Колтовская
5. Анна Григорьевна Васильчикова
6. Василиса Мелентьева
7. Мария Феодоровна Нагая.
Первый официально принявший титул царя.

ДМИТРИЙ (+1552) (от 1-го брака)

ИВАН (+1582) (от 1 брака)

ФЕДОР 1,(+1598) (от 1-го брака)
Ирина Борисовна Годунова.
Последний царь этой династии.

ВАСИЛИЙ(+1564) (от 2 брака)

ДМИТРИЙ (+1591) (от 7 бр.)

БОРИС ГОДУНОВ (+1605)
Мария Григорьевна Скуратова-Бельская (дочь Малюты Скуратова)

ФЕДОР 2, ГОДУНОВ (+1605) → "Смутное время."

КСЕНИЯ (1622)

ОТРЫВКИ ИЗ ПОСЛЕДНИХ ОТЗЫВОВ

критики и читатели о книгах М. КАРАТЕЕВА:

Газета "РУССКАЯ МЫСЛЬ", Париж. 13 - 10 - 1962, № 1903.

Литературный талант удачно сочетается у М. Каратеева со знанием истории, поэтому и все действующие лица его романов, — исторические и вымышленные, — у него по настоящему живы, правдивы, а в историческом романе, как в художественном произведении, важна не только историческая, но и психологическая правда. Укажу и на другую характерную черту романов М. Каратеева: это та чистота русской души, которую он умеет показать просто и убедительно, не впадая в псевдопатриотический пафос.

Ю. Терапиано

Газета "РУССКАЯ ЖИЗНЬ", Сан-Франциско, 23 - 10 - 1962, № 5199.

Исторический роман требует от автора двух свойств: знания эпохи и чувствованья ее. Оба эти свойства полностью воплощены в романе М. Каратеева "Карач-мурза". Автор не только досконально изучил русскую историю XIV века, но также историю Золотой и Белой Орды. Он не только углубленно познакомился с рядом источников, но и полностью проникся духом изученного. И этот дух он сумел передать на страницах романа.

...Отдельно следует отметить чисто внешние достоинства романа: его сюжет построен интересно, развивается напряженно и все время держит в плену внимание читателей... Хорошая книга: нужная, интересная и полезная!

Книгочий

Газета "НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО", Нью Иорк. 11-11-1962, № 18.143.

Недавно поступил в продажу новый исторический роман, принадлежащий талантливому перу М. Д. Каратеева, — "Карач-мурза"... Сколько бытового, исторического, статистического и даже лингвистического материала включил эрудит Каратеев в четыреста страниц этой книги! Тут и архитектура московских теремов и дворцов, методы постройки укреплений, описание русских и татарских доспехов, картины русских пиров и княжеских приемов... Все это описано простым и спокойным языком, без лишнего пафоса, без принижения исторического врага, каковым являлись в ту пору для Руси татары. Этот современный событиям язык свое-

образен, но он уж никак не язык Слова о Полку Игореве и, во всяком случае не язык псевдо-исторических романов девятнадцатого века. Язык этот — секрет Каратеева, но мы в него невольно верим уже хотя бы в силу научной серьезности и исторической обоснованности каратеевских книг. ... "Карач-мурза" — новый и очень ценный вклад в российскую литературу. Именно в российскую, а не в эмигрантскую.

Е. Яконовский

Газета "НАША СТРАНА". Буэнос Айрес. 13-11-1962, № 668.

Роман М. Каратеева "Карач-мурза" является веским вкладом в сокровищницу нашей художественной литературы и полностью закрепляет за его автором право на звание лучшего исторического писателя русского Зарубежья.

...Особенно большой удачей автора является портрет святителя Алексея. Но здесь, пожалуй, следует говорить об удаче всей русской художественной литературы: образ этого замечательного государственного мужа и высокочтимого православного святого выводится в ней впервые и очень хорошо, что это сделано рукой столь умелого и талантливого мастера.

...Отдельно хочется отметить превосходный язык книги. Отрадно, что в литературном мастерстве автор продолжает совершенствоваться и достигает высот, доступных только крупным художникам слова. Это подлинный, благородный в своей простоте и четкости бессмертный русский язык, который переживет и переборет все нездоровые уклоны современности и которому не страшна конкуренция всяческих модернизмов.

...Пожелаем же автору удачи в его дальнейшем творчестве. Если его талант и дальше будет так совершенствоваться, у него есть все данные стать классиком русского исторического романа.

Ген. А. М. Юзефович

Газета "РОССИЯ", Нью Иорк, 1-12-1962. № 7480.

...Каратеев выделяется необыкновенной эрудицией в вопросах нашего далекого прошлого, необыкновенной способностью проникать в самые потаенные стороны нашего древнего быта и раскрывать его перед читателями в увлекательной форме исторического романа... Надо признать очень большой заслугой М. Каратеева не только перед эмиграцией, но и перед будущей свободной Россией, в которой его труд, бесспорно, получит должную оценку, — то, что он в крайне трудных для всякой научной ра-

боты эмигрантских условиях, сумел выполнить работу большого значения и большой ценности.

...В смысле исторической правдивости и художественного выполнения, — без всякой сусальности и театральщины, — по совести можно утверждать, что роман М. Каратеева совершенно безупречен и не имеет в себе тех изъянов, которые когда-то отличали почти все, если можно так сказать, массовые русские исторические романы.

...Весь этот роман читается с неослабевающим интересом. Он более чем достоин того, чтобы русские люди отнеслись к нему с особенным вниманием и вдумчивостью. Картины русского прошлого, — развернутые перед нами в романе, — увлекательны и ободряющи. Они помогают нам смотреть на наше будущее с надеждой.

Г. Месняев

Журнал "ВОЗРОЖДЕНИЕ", Париж. Декабрь 1962 г. № 132.

...Книга "Карач-мурза" написана простым и приятным языком и диалоги, выдержанные на старинный лад, не утомительны. Еще раз необходимо подчеркнуть искусство автора в использованьи накопленного им обширного исторического материала... Каратеев мастерски справился с нелегкой задачей сохранить равновесие между событиями, происходившими на Руси и в Золотой Орде. При этом он чужд великодержавного шовинизма и стремится к беспристрастной оценке... Он много поработал над персидскими и арабскими источниками и их влияние у него сказывается в красочном описании Ургенча, Сыгнака и других городов.

...Всякий взявшийся за эту книгу, совмещает приятное с полезным, расширяя свой исторический горизонт. Что же касается молодежи, то для нее роман Каратеева имеет особое образовательное значение своим правдивым изображением прошлого.

М. Ш-ой

Журнал "РУССКОЕ ДЕЛО", Нью Иорк, декабрь 1962.

Талантливый автор исторических романов М. Каратеев выпустил в свет свое второе произведение. Как и первый его роман "Ярлык Великого Хана", только что изданный роман "Карач-мурза" дает яркую и правдивую картину исторических событий времен Дмитрия Донского... Занимательное развитие фабулы романа заставляет читать его с неослабным интересом, сопряженным с художественным наслаждением: роман написан прекрасным ли-

тературным языком. Эту книгу особенно ценно включить в цикл произведений, с которым должен познакомиться каждый россиянин, интересующийся историческим прошлым своей родины.

А. Р.

Журнал "ЗНАМЯ РОССИИ", Нью Иорк, январь 1963. № 228.

...Романы М. Каратеева тем замечательны, ценны и исторически значительны, что в них дышет окрыленное созерцание интереснейших страниц нашего великого прошлого. Чувствуется с непреодолимой ясностью, что талантливый автор — художник, от природы наделенный дивной способностью созерцать это прошлое и рассказывать о нем красивым, чистым русским языком... О том что романы М. Каратеева исторически обоснованы, видно по тем многочисленным цитатам из различных русских летописей и тем разъяснительным примечаниям, которыми они пересыпаны и которые говорят о большой компетентности автора и о его в высокой степени добросовестном отношении к описываемой эпохе.

М. Спасовский

Журнал "РОССИЙСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ" Бруклин. Январь 1963, № 20.

...Мы хотим обратить внимание на исключительные по своей талантливости исторические романы М. Каратеева... Можно только радоваться, что в среде русской эмиграции есть такие гиганты мысли и художники слова. В наше убогое время подлинных мастеров исторического романа — считанные единицы, а романы М. Каратеева по своей силе являются произведениями классического типа. Мы особенно рекомендуем эти романы новым эмигрантам и молодежи, которые, к сожалению, очень полхо знают историю своего Отечества.

Журнал "ЗЛАТОЦВЕТ", Калифорния. Январь 1963, № 12.

...Книга М. Каратеева "Карач-мурза" — это желанная живая струя в тоскливом море полупокаянной литературы Зарубежья. Это вторая книга трилогии из эпохи Дмитрия Донского. Но если и остальные книги этой исторической трилогии дышат тем же бодрящим творческим духом борьбы за Россию, то ее следует отнести к тому освежающему ум и душу материалу, который призывается служить как "единое на потребу".

Д. Я. Шишкин

Газета "НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО", Мюнхен. Февраль 1963. № 164.

"Карач-мурза" — вторая книга уже известного в широких кругах эмиграции историка М. Каратеева, из его трилогии "Русь и Орда". Первая книга — "Ярлык Великого Хана" вышла несколько лет тому назад и сразу обратила на себя большое внимание читающей публики и критики. Громадная эрудиция автора, несмотря на ее документальность, не подавляет рядового читателя, как это, к сожалению, часто бывает, а наоборот, — приближает совсем, казалось бы, отдаленное прошлое, делает его живым и актуальным... Живой, простой, хороший язык делает эту книгу совсем доступной и тем более ценной для молодежи, что она служит незаменимым пособием для изучения истории, которая в ней не заучивается, а просто проглатывается с неослабевающим интересом.

...Фигура митрополита Алексея, яркие, очень красочные картины жизни на Руси и в Орде, ордынские ханы и ханши, стойбища, терема и дворцы, воины и мастера, обычаи, жизненный уклад, — все это описано ярко, увлекательно и как-то удивительно близко, — печать истинного дара автора. Всю книгу, — что тоже встречается не часто, — пронизывает от начала до конца подлинная любовь к людям и к жизни, — любовь не ослепленная какимлибо узким фанатизмом, а согревающая настоящей человечностью и благородством.

И. Сабурова

Журнал "ЧАСОВОЙ", Брюссель. Февраль 1063 г. № 441.

После "Ярлыка Великого Хана", М. Каратеев порадовал нас выпуском второго тома задуманной им трилогии, третий том которой, "Богатыри проснулись", тоже в непродолжительном времени выйдет в свет. ...М. Каратеев уже занял почетное место в плеяде наших исторических писателей и что очень ценно, он описывает времена, о которых почти ничего не писалось... Книга его замечательно интересна, увлекательна и буквально читается запоем. И дает она действительное знание истории татарского владычества и подъяремной, но уже начавшей освобождаться Руси.

В. В.

Газета "ЕДИНЕНИЕ", Мельбурн, Австралия. 7-12-1963. № 645.

...Поражает в романах М. Каратеева обилие и точность исторического материала. Даже удивляешься порой, — как он мог собрать всю эту документацию в эмигрантских условиях?.. Кара-

теев любит наше прошлое, прекрасно знает его и умеет в художественной форме, очень увлекательно рассказывать о нем... Нужно пожелать, чтобы и третий том этой трилогии поскорее увидел свет.

Ю. Терапиано

Журнал "СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ", США. Декабрь 1962, № 48.

Роман "Карач-мурза" производит очень большое впечатление. Он нас переносит в эпоху Дмитрия Донского с такой точностью и с такими подробностями, что поневоле чувствуешь себя как бы участником событий. Кроме исторической действительности, роман имеет, несомненно, большие художественные качества. Это не просто исторический роман, это — высокохудожественное произведение. В русской литературе, пожалуй, не было таких романов.

...Получив утром книгу, я так и не спал всю ночь, до следующего утра, пока не прочел ее до конца... И без меня много людей уже высказалось о писателе Каратееве, как мало о ком до сих пор высказывались. Дай ему Бог дальнейшего успеха!

Д-р Ю. Миролюбов

Журнал "НАША ПЕРЕКЛИЧКА", Нью Иорк, январь 1963 г. № 36.

...Написать и издать роман такого масштаба как "Карач-мурза", в условиях эмиграции большое и сложное дело. Автор сумел не только увидеть в настоящем виде наше далекое прошлое, но и оживить его, показать его нам таким близким, что с первых же страниц живешь горестями и радостями описываемых лиц и событий... Читая этот роман, как-то по-новому чувствуешь это прошлое и любишь и гордишься им.

Л. Рындина

"ИЗВЕСТИЯ ВЫСШЕГО МОНАРХИЧЕСКОГО СОВЕТА". Германия. Январь 1963 г.

В 1958 году М. Каратеев выпустил роман "Ярлык Великого Хана", имевший огромный успех у читателей. Роман "Карач-мурза", несомненно, будет иметь еще больший успех. Он написан исключительно талантливым автором. Хочется отметить прекрасный русский язык книги, большую эрудицию автора и художественные достоинства романа, в котором мы видим не сухих, официальных исторических деятелей, а красочно изображенных живых людей, как бы зримых нами... Этот замечательный роман

мы настоятельно рекомендуем приобрести всем русским людям, в особенности молодежи, дабы она могла познать историческое прошлое России в правдивом освещении.

Редакция

Журнал "РОДИНА", Нью Иорк, декабрь 1962, № 116.

М. Каратеев подарил эмиграции свой новый роман "Карач-мурза", — второй из трилогии "Русь и Орда". Первый был — "Ярлык Великого Хана", последним будет "Богатыри проснулись". Романы эти подлинно великолепны.

Журнал "СОЮЗ ДВОРЯН". Париж, ноябрь 1962 г. № 11.

...Не сомневаюсь, что все русские люди, ранее прочитавшие роман М. Каратеева "Ярлык Великого Хана", с таким же нравственным удовлетворением и неослабным интересом прочтут и второй его роман, "Карач-мурза"... Заслуженный успех этих книг объясняется двумя факторами: блестящим талантом и широкой эрудицией автора и исключительным значением взятой им эпохи духовного возрождения Руси. К этому нельзя не прибавить глубокого знания автором **настоящего** русского языка, — знания в эмиграции, увы, очень редкого, — а также, несомненно, на редкость художественного восприятия и описания природы Средней России.

...Не только можно, но и должно благодарить М. Д. Каратеева за его труды, — талантливые, блестящие, дышащие горячей любовью к прошлому нашей многострадальной и великой Родины, и проникнутые глубоким пониманием русской души. Они неоценимы для молодых поколений русских людей, ищущих познания России, а нам, старикам, дают радостную возможность приятно окунуться в глубины родной истории.

С. Воейков

Журнал "НАША РОДИНА". Сидней, январь 1963 г., № 27.

Книга М. Каратеева "Карач-мурза" — замечательная книга. Написана она простым русским языком и легко читается даже теми, кто еще не владеет им в совершенстве... "Карач-мурза" не только исторический роман, который мы рекомендуем нашим молодым читателям, — в то же время это роман приключенческий, полный отважных подвигов. Читается он с неослабевающим интересом. Каждый кто хочет знать больше о своей родине, знать ее

прошлое, — ибо это обязательно для понимания настоящего, — должен прочесть эту книгу М. Каратеева.

Журнал "ВЕРНЫЙ ПУТЬ", Ница, июнь 1963. № 1.

Если патриотическим долгом русских зарубежных писателей будет принести нашему народу, после его освобождения от коммунистической власти, новые и ценные вклады в сокровищницу его национальной литературы, то можно смело утверждать, что немногими из них этот долг будет выполнен лучше, чем блестящим русским историческим романистом М. Каратеевым. Его трилогия ("Ярлык Великого Хана", "Карач-мурза" и подготовляемый к печати третий том, "Богатыри проснулись") может быть вообще поставлена на одно из первых мест в русской исторической литературе по высокой художественности изображения, по глубине волнующих чувств, вызываемых ею, а главное, по всепроникающей любви к Родине, которая вдохновляет автора в описании трагических судеб нашего Отечества... В национально-патриотическом воспитании новых российских поколений эта трилогия будет играть выдающуюся роль, прививая им гордость родной историей и своими славными предками.

Каталог книжного дела В. КАМКИНА, Вашингтон, 1962 г., № 19.

...Все главы романа "Карач-мурза" читаются с большим интересом: ведь мало кому известны те страницы нашей истории, которые так поучительно и интересно оживают на страницах романов М. Каратеева. Работает он над ними с добросовестностью исследователя: не только русские, — весьма, кстати сказать, немногословные, — летописи, но и хроники историков Востока и исследованья монголистов и тюркологов тщательно использованы и дали автору ту или иную, иногда рядовому читателю даже незаметную, но весьма существенную деталь. В романе все продумано, использована обширная литература, как русская, так и рассматривающая Русь со стороны: свидетельства монголо-татарских хронистов, данные археологии, истории искусства, этнографии.

...Романы М. Каратеева — вклад не только в нашу эмигрантскую литературу: это интереснейшее явление всей русской литературы последних лет.

Б. ЗАЙЦЕВ, писатель. Франция.

1. Ваш роман "Ярлык Великого Хана" я вслух читал больной жене, — нам обоим понравилось (что видно из того, что та-

кая большая вещь вполне выдержала чтение вслух)... Ваш литературный талант несомненен.

2. Сейчас закончил читать вслух жене Вашего "Карач-мурзу". Читали с еще большим интересом и внутренним сочувствием, чем первую Вашу книгу. Вы очень чувствуете Ваших древних героев и умеете "заразить" ими читателя, причем без всякой театральности.

Н. ШАПОВАЛЕНКО, литератор. Франция.

Я уже давно слежу за Вашими литературными успехами и радуюсь им, ибо в нашей зарубежной литературе Вы являетесь блестящим, безусловно лучшим историческим писателем, а ведь это один из труднейших литературных жанров. Ваши книги служат лучшим украшением моей библиотеки, как, впрочем и всякой другой.

Проф. В. РЯЗАНОВСКИЙ, историк. США.

...Не касаясь литературной стороны Вашего романа "Карач-мурза" (это не моя область), должен отметить его исторические достоинства .По моему мнению, характер эпохи в Ваших книгах передан правильно. Эпоха эта мало освещена в русской литературе и Ваши романы частично восполняют этот пробел. Чувствуется, что их автор хорошо изучил эту эпоху и местами приводит такие детали, которые указывают на его большую исследовательскую работу.

П.П.АННЕНКОВ, редактор журнала "Родные Перезвоны", Бельгия.

Вашего "Карач-мурзу" я прочел с восторгом и радуюсь, что не ошибся в оценке Вашего творчества: второй книгой Вы окончательно утвердили Вашу добрую славу и писательский талант.

Др. С. ЛЕСНОЙ, историк и писатель. Австралия.

Общее мое впечатление о Вашей новой книге: очень удачно. Вы нашли новую форму — **романизированную историю**, — это не просто исторический роман, где на фоне истории разыгрывается фантазия. От всей души желаю Вам дальнейших успехов.

Н. Я. ГОРБОВ, писатль, редактор журнала "ВОЗРОЖДЕНИЕ". Франция.

...Только что получили окончание второй части Ваших "Богатырей", — уже пошло в набор. Пользуюсь случаем, чтобы вы-

разить Вам мое восхищение описанием осады Москвы Тохтамышем. Эти главы и Мамаево побоище у Вас просто великолепны. Поздравляю и жму руку! Лучше написать было бы нельзя. Замечательно, ну прямо-таки замечательно!

Н. ТАРАСОВА, редактор журнала "ГРАНИ". Германия.

Ваш роман "Карач-мурза" для отзыва получен. Труд этот заслуживает высокой оценки, которая будет дана в одном из ближайших номеров "Граней". Были бы очень рады иметь Вас в числе наших сотрудников.

А. КОНДРАТОВ, священник. Аризона.

Прочитал Ваши прекрасные, имеющие огромную историческую ценность книги. Особенно в них поражает обилие и точность собранных Вами исторических материалов. Идеальна Ваша мысль — изложение исторических фактов в форме романа, такая книга вызывает громадный интерес у читателей и оставляет глубокий след в их памяти, чего не могут достигнуть официальные учебники истории.

... "Карач-мурза" столь же бесподобен, как и "Ярлык Великого Хана". Обе Ваши книги составляют гордость моей библиотеки, жду с нетерпением выхода третьей... Да сохранит Господь Ваше здоровье и силы для окончания труда, столь ценного для каждого русского человека, любящего свою прекрасную Отчизну. Да продлит Он Вашу плодотворную жизнь еще на долгие, долгие годы!

Кн. О. Д. ГОЛИЦЫНА. Швейцария.

Я с очень большим интересом прочла Ваши книги "Ярлык Великого Хана" и Карач-мурза", — они доставили мне громадное наслаждение и научили меня многому... Судя по тому, что я слышу, 98% русских людей преклоняются перед Вашим талантом и читают Ваши книги с восторгом.

Г. ЗИНЧЕНКО, крестьянин-колонист. Уругвай.

Дорогой друг Михаил Дмитриевич, получил я твою книгу "Карач-мурза" и так был рад, описать не могу. У меня от твоих книг понимание кругом расширяется, узнал я из них седую старину и вижу, — пишешь ты правильно, не как дядя велит, а как оно вправду было.

...Еще удивительно мне одно: как ты мог таить в недрах своей души такое богатство, этот драгоценный клад, тое великое знание, и прежде не выказывал своей способности? Как вспомню и не верится, что жил ты в Парагвае и здесь, среди нас, как простой мужик мешки носил, огород копал, нужду переживал, а такой дар Божий в себе таил! Оно правда, — золото и в земле не пропадает, спасибо хоть теперь оно прорвалось как вулкан и сеешь ты доброе семя на добром поле ,на пользу всем людям.

С. К. ПАРКЕР, Профессор. США.

Прочел Ваш шедевр — "Карач-мурза", книга поистине замечательна! И я догадался в чем секрет такого обаяния Вашей трилогии: Вы обладаете силой заставлять читающего думать точно так же, как сами Вы думаете и зачарованный читатель подчиняется Вам, сливает свою личность с личностью автора, — это власть духа!

Л. С. РУБАНОВ (Книжное дело) .Бразилия.

Прочел Вашего "Карач-мурзу" и должен сказать, что он написан не менее сильно, чем "Ярлык Великого Хана". Чрезвычайно ярко отображена в нем русская старина, роман чудесно освещает жизнь того времени и так красочен его старинный русский язык... Сюжет романа захватывает и читая книгу трудно остановиться, хочется скорее дочитать ее до конца... В заключение мне не стыдно сказать Вам, что в двух-трех местах пришлось стереть слезу, — это далеко не над всякой книгой случается.

Др. А. Л. ДАББЕРТ. Перу.

Сейчас зачитываюсь Вашим романом "Карач-мурза", — он просто великолепен! Прекрасны Ваши описания и картины древней Руси и Орды, вообще эта книга несравненно лучше и ценнее, чем некоторые из тех, за которые присуждают Нобелевские премии. Обе Ваши книги просто необходимо перевести на иностранные языки.

В. А. СМИРНОВ, офицер. США.

Читаю "Карач-мурзу" и не могу от него оторваться, настолько этот роман захватывает читателя. По-моему, такой книги в эмиграции еще не было, — честь и слава автору!

Полк. ШИНКЕВИЧ. (Из его письма другому лицу). Франция.

О трудах М. Каратеева трудно что-либо добавить к тем отзывам, которые приведены в конце его романа "Карач-мурза". Автор дает такое количество исторических материалов, причем указывает — откуда им взяты те или иные данные, что прежде всего поражаешься его эрудиции и трудоспособности. Я особенно заинтересовался жизнью Золотой и Белой Орды, — вряд ли где-либо в русской литературе можно еще найти такие исчерпывающие сведенья. Я даже не могу сказать, — чему в этих книгах следует отдать предпочтение: их литературно-художественным достоинствам, или научно-исторической ценности? Не сомневаюсь, что им будет отведено почетное место во всех библиотеках будущей России, весьма вероятно и то, что они даже теперь будут допущены в пределы нашей Родины.

И. Г. ПЕТРЕНКО. Калифорния.

Прочитал Ваш неоценимый роман "Карач-мурза". Он воспринимается как могучий исторический призыв к новому объединению русского народа, — забыть все прошлое зло, подняться над партийностью. Ваша книга — это великий, бесценный труд.

В. ЖАРКОВ. Канада.

Только что прочитал Ваш исторический роман "Карач-мурза" и скажу прямо: он просто ошеломил меня. Не помню, чтобы мне когда-нибудь приходилось читать подобную книгу. Где же Вы были раньше, почему Вас не издавали, почему ничего не было слышно о Вас?

А. ЮСУФОГЛУ (татарин). Германия.

Я считаю Ваши книги лучшими в моей библиотеке. Ночами читал их и не мог оторваться. По моему Ваш труд имеет большое научно-историческое значение как объективно изложенный и очень богатый материалами. Но он имеет не меньшее значение и как художественное произведение. В этих книгах высоко-литературно написанных, сочетаются глубокая научная мысль и классическое изложение. Я о них написал в Турцию и в Америку, проживающим там моим единоплеменникам.

И. РОТИНОВ. Венецуэла.

Хочу выразить Вам мое и моей семьи удовольствие, которое

мы испытывали при чтении Ваших книг. В них особенно ценно то, что помимо новых исторических данных, которые узнаёт читатель, — он чувствует удовлетворение тем, что принадлежит к своему народу, гордится прошлым своей страны, гордится тем, что он русский! В этом, по-моему, Ваша главная заслуга и этим Вы приобрели благодарность не только нашу, но и наших потомков, для которых Ваши романы будут, безусловно, настольными книгами. Все, кто здесь читал Ваши произведения, отзываются о них с искренним восторгом.

М. А. КАЛУТА. Греция.

Имела истинное удовольствие прочесть Вашего "Карач-мурзу". И меня и детей моих поразило прекрасное, живое изложение этой книги, дышащей духом старины, который, — придавая повествованию особую прелесть, — так тонко оттеняет Ваш своеобразный язык. Поразительно это Ваше знание старины и в каждом слове Вашем чувствуется любовь к ней.

К. ТРУЩЕВ. Япония.

Вашего "Карач-мурзу" я только что кончил читать бабушке вслух и теперь хочу Вам выразить наше восхищение и благодарность за тот душевный отдых и удовольствие, которое мы получили от чтения этого прекрасного романа. Какой это богатый вклад в нашу скудную зарубежную литературу!

Н. ПЕТРОВ. Югославия.

С восхищением прочел роман "Карач-мурза" и помимо полученного эстетического наслаждения, узнал массу для себя нового, например о положении православной Церкви под татарским игом. С нетерпением ожидаю возможности прочесть и последний том этой замечательной трилогии.

А. Г. ГОГОБЕРИДЗЕ, Париж.

Вашу книгу я прочел с восторгом, буквально упиваясь ею, ибо давно уже не читал ничего подобного. Замечателен Ваш чистый отточенный язык, фабула тонка и жизненна, великолепны картины тогдашней жизни и описания природы. Ваши описания охоты просто бесподобны.

А. П. МАКАРОВИЧ, Англия.

"Ярлык Великого Хана" я прочел с удовольствием, даже больше того — с наслаждением. Прекрасный, редкий роман! Вот уж к его автору никак не может быть отнесен упрек Ключевского в том, что наши исторические романисты плохо знают историю: тут всё продумано, проверено и точно, а если есть незначительные мелочи, которые можно было бы поставить в упрек автору, то этого просто не хочется делать, настолько книга хороша в целом.

П. ГРИШИН, Италия.

Сейчас прочел Вашего "Карач-мурзу". "Ярлык Великого Хана" читал раньше и вот, даже не знаю какой из этих книг отдать предпочтение? Обе они поистине замечательны. И вспоминая других наших исторических писателей, прошлых и нынешних, — по совести среди них мало нахожу таких, с которыми можно было бы Вас сравнить.

Н. М. ОЛЬГИНА, Чили.

Хочу Вас поблагодарить за редкое удовольствие, которое получила при чтении Вашей книги. Словно живой воды выпила! Вы делаете большое и нужное дело, потому что по Вашим книгам будущие поколения будут учиться любить свою Родину и быть настоящими русскими людьми.